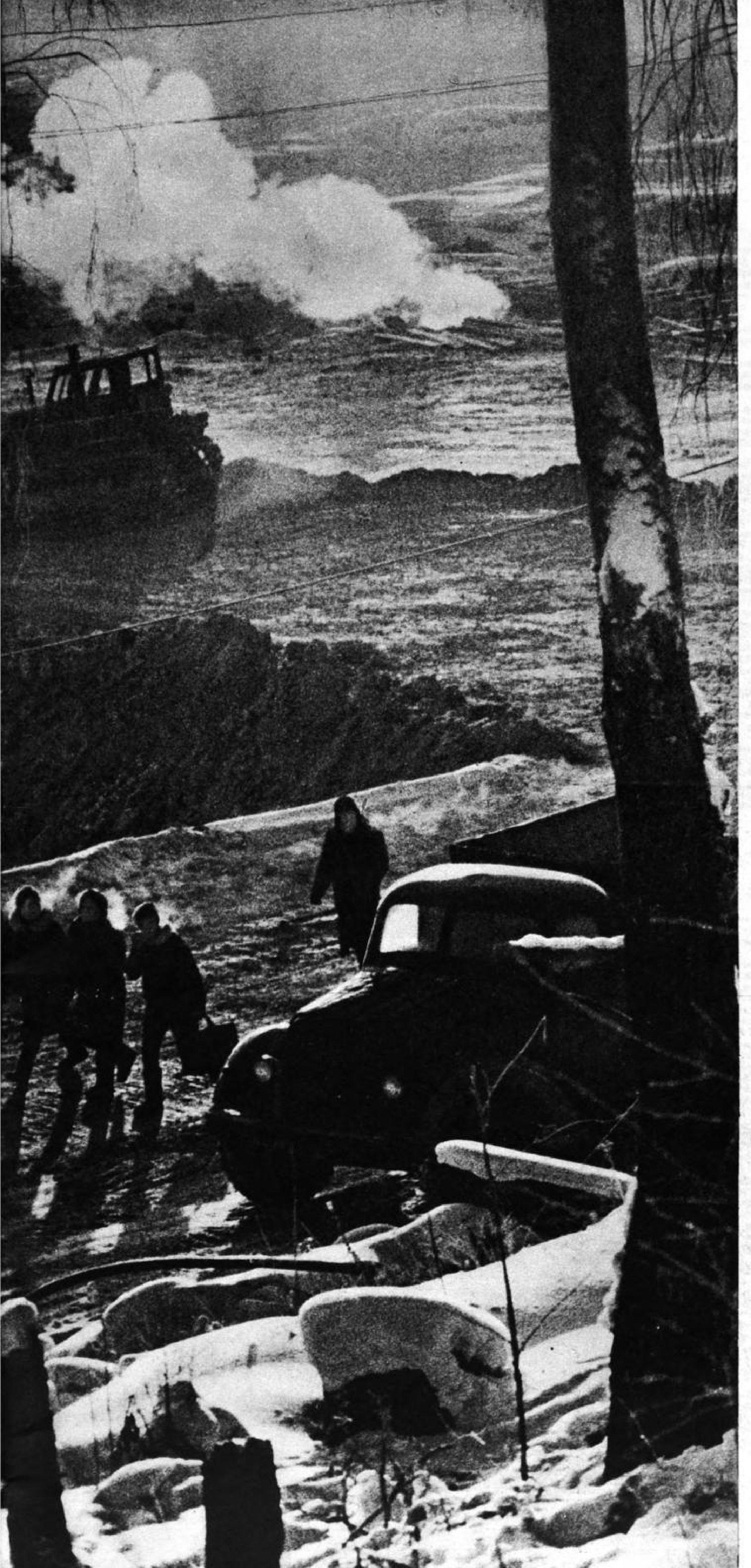

ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Скоро здесь поднимется плотина гидростанции. А пока тут стройка. Адрес короткий: Усть-Илим.

ТАМ, ГДЕ СОСНЫ ЧИТАЮТ СТИХИ

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»

Фото А. ГОСТЕВА.

...Тесто всходило медленно. С одной стороны кастрюлю припекала печка-буржуйка, с другой — холодил тянувший из-под двери морозец. В полутьме зимовья, где-то в углу, повар Гришка возмущенно жаловался самому себе:

— На кой черт согласился я на эту каторгу!.. Другие люди как люди. Камни ворочают, лес рубят. Мужики. А я так себе... Ни мужик, ни баба. У-у! — замахнулся он на кастрюлю.— Вот я тебя сейчас...— И, наладив паяльную лампу, принялся греть ею остывающий бок кастрюли. Тесто полезло наверх. Гришка удовлетворенно хмыкнул: к приходу ребят хлеб будет испечен...

Они явились, когда уже совсем стемнело. Люди, целый день ворочавшие камни, рубившие лес и бурившие диабаз. Усталые и голодные. Мужики... С огромной рыжей бородой и сам огромный мастер Воропай. И рядом с ним казавшийся мальчишкой Кучумов, и Славка, и Толик, и вечный нытик Ершов, который в отличие от Гришки жаловался не самому себе, а окружающим.

— Ну как настроение, Гриша? — гремел Воропай.— Не бойся, скоро перекроем пороги — и кончится твоя стряпня.

Так повторялось каждый день уже который месяц, но река не хотела сдаваться. И частенько Гришка пек свой кустарный хлеб, потому что так же частенько опаздывал вертолет с продуктами... Утром всех разбудил лай Мазепы, смирной и тихой собачонки. Все оживились, высыпали наружу. Знали: Мазепа лает только на вертолет. Гришка повеселел. Наступал перерыв в его битве с кастрюлями.

...Я вспоминаю этот эпизод, а сам наблюдаю за Воропаем. Он сидит, уткнувшись в иллюминатор, и кажется крайне заинтересованным тем, что делается внизу. Наверное, заново переживает сейчас былое... Ведь мы летим смотреть те самые Шаманские пороги, которые перекрывал Воропай, и повар Гришка, и ребята из бригады Володи Кучумова. Вот так просто рождается история, глубину которой измерить можно пока несколькими годами. С этого начинался Усть-Илим. А еще раньше — с дороги, которую пробивали из Братска те же кучумовцы и Воропай. Здесь ту дорогу называют «трассой мужества», отдавая дань уважения самоотверженности тех, кто ее строил. Нам сверху, с вертолета, хорошо видно, как спешат по ней машины, перепрыгивая по мостикам через овраги и таежные ручьи.

Продолжение на стр. 24.

ЭТО БЫЛО 25 ЛЕТ НАЗАД...

КРАСНОДАР, 12 ФЕВРАЛЯ РОСТОВ, 14 ФЕВРАЛЯ

Двенадцатого февраля 1943 года советские войска в результате решительной атаки овладели Краснодаром. Дороги военного корреспондента привели меня тогда на этот участок фронта. На южную окраину кубанской столицы с ходу ворвались гвардейцы 11-го стрелкового корпуса. Над городом казачьей славы взвилось красное знамя.

А в это время уже шли ожесточенные бои за свободу родного брата Кубани — Дона, шли бои за Ростов.

Тяжелая участь выпала на его долю. За пятнадцать месяцев четыре раза лавина огня перекатывалась через город. Четыре раза жгли его фашисты.

Двести пять дней Ростов находился под черной оккупацией нацистов. Они разрушили город, замучили свыше двадцати тысяч жителей, но Ростов не покорился. На окраинах и в самом центре днем и ночью фашистов подстерегала граната или пуля народных мстителей. В один из осенних дней 1942 года, среди бела дня, группа смельчаков подъехала в автомашине к зданию немецкой комендатуры и открыла пулеметный огонь. И тут же молниеносно партизаны исчезли за поворотом ближайшей улицы...

Однажды на главной магистрали оккупированного Ростова появился плакат. Черным по белому по-русски было написано: «Долой фашистских захватчиков! Да здравствует непобедимая Красная Армия!» А ниже — подпись на немецком языке: «Обербургомистр Ростова-на-Дону Тиккерпу».

Немецкие солдаты, чуть не козыряя, проходили мимо плаката, подписанного обер-бургомистром. Одним из авторов плаката был юный ростовский партизан Толя Подушко, ныне коммунист, токарь завода «Ростсельмаш».

Фашисты собирались зимовать в Ростове и потому усиленно готовились к обороне, строили долговременные укрепления. «Любой ценой удержите Ростов!» — настоятельно требовал генерал Гот от коменданта города генерала Киттеля. Киттель заверял: «Мы создали плотную и надежную систему опорных пунктов. Основные усилия сосредоточили на удерживании вокзала, набережной, особенно против острова Зеленого...»

Но фашисты после поражения на берегах Волги уже не были в состоянии сдержать наступление войск Южного фронта, которыми командовал генерал-полковник Р. Малиновский. На рассвете 8 февраля вокзал был занят первым ворвавшимся в Ростов стрелковым батальоном старшего лейтенанта Мадояна. Остров Зеленый захватили солдаты майора Базилевского. На другом участке в Ростов вступали бойцы подразделения Бреславского...

«Очаг в районе вокзала и железнодорожного моста — это опасная взрывчатка, на которой вы сидите,— нервничал генерал Гот и приказывал Киттелю: — Ликвидируйте его!» На штурм вокзала немецкое командование бросило дивизию СС «Викинг» и часть 23-й танковой дивизии. Но советские воины насмерть стояли шесть дней и ночей, не уходя из района вокзала. А тем временем, перейдя Дон, устремилась к Хапрам казачья конница, отрезая противнику путь к отходу. Части Красной Армии входили в Ростов и со стороны станицы Аксайской...

Четырнадцатого февраля 1943 года город был освобожден. Едут казаки по знаменитому еще со времен гражданской войны Буденновскому проспекту, реют красные знамена...

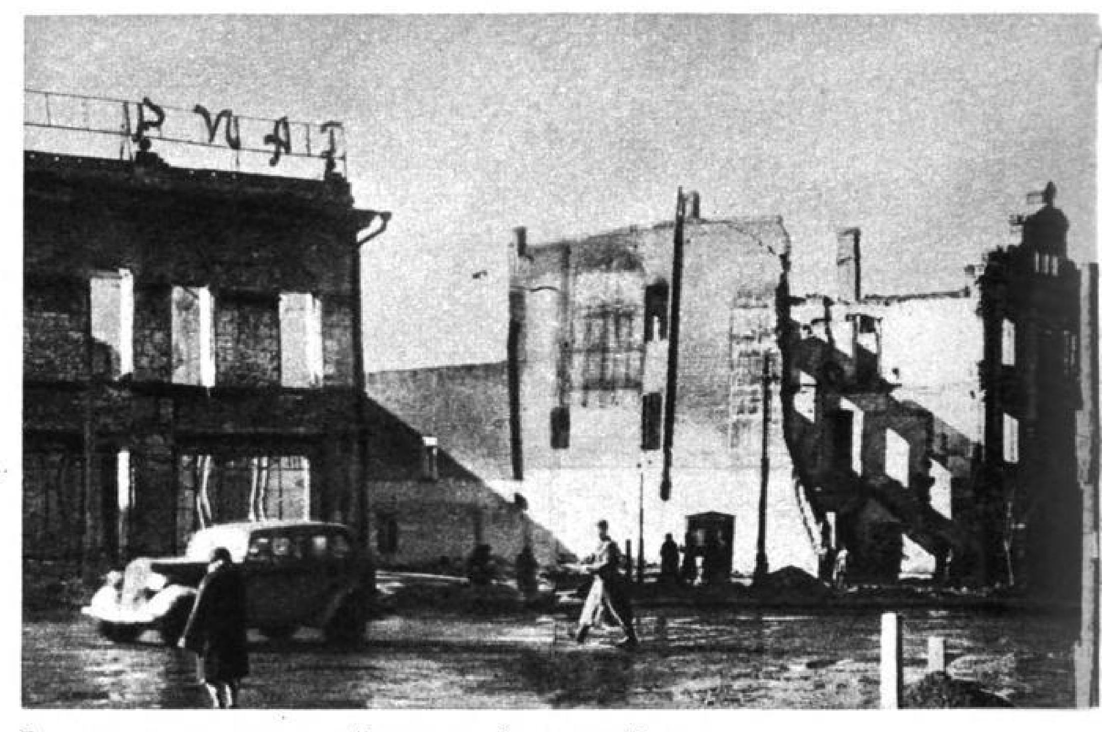
...Прошло с тех пор двадцать пять лет. Несказанно преобразился город. Ростов далеко шагнул в привольные степи Дона. Выросли новые районы, жилые массивы, а главное — новое поколение ростовчан. Оно надежно держит знамя отцов.

Михаил АНДРИАСОВ

Советские войска вступили в столицу Кубани.

Фото М. Альперта.

Таким увидели наши солдаты Буденновский проспект Ростова.

Первые встречи освобожденных с освободителями.

Фото А. Егорова.

Война торопит. Через Краснодар — в новое наступление...
Фото С. Короткова.

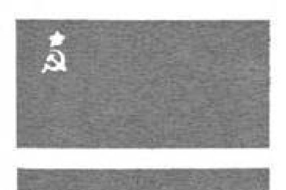

Одна из новых площадей Ростова — Гвардейская.
Фото Р. Иванова.

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

БРАТСКАЯ ДРУЖБА

TESTVÉRI BARÁTSÁG

«Огонек» и посольство Венгерской Народной Республики в СССР объявляют конкурс читателей, посвященный дружбе народов Советского Союза и Венгрии. Девиз конкурса — «Братская дружба».

Мы обращаемся к нашим читателям в Советском Союзе и в Венгрии с просьбой рассказать о людях, которые внесли свой вклад в создание и укрепление братских отношений между нашими странами:

о венгерских интернационалистах, которые полвека назад вместе с нашим народом поднялись на защиту русской революции;

о гражданах России, которые с оружием в руках защищали Советы в Венгрии в 1919 году;

о тех, кто воплощал в жизнь положения действующего два десятилетия советско-венгерского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Напишите нам о событиях, очевидцами или участниками которых вы были и которые стали страницами дружбы в истории советского и венгерского народов.

Пришлите свои рассказы, зарисовки, воспоминания, интересные снимки, документы. Лучшие из них мы опубликуем в «Огоньке».

Материалы размером не больше 4—5 страниц на машинке должны быть получены редакцией не позднее 25 апреля.

Победителей конкурса определит жюри, в которое войдут представители посольства Венгрии в Москве, Общества советско-венгерской дружбы и редакции журнала «Огонек».

Победители конкурса получат призы. Первая премия для советских читателей — поездка в Венгрию, для венгерских — в Советский Союз.

Ждем ваших писем, дорогие друзья, и желаем успехов в конкурсе!

Материалы посылайте по адресу: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Редакция журнала «Огонек», конкурс «Братская дружба».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

46-й год издания

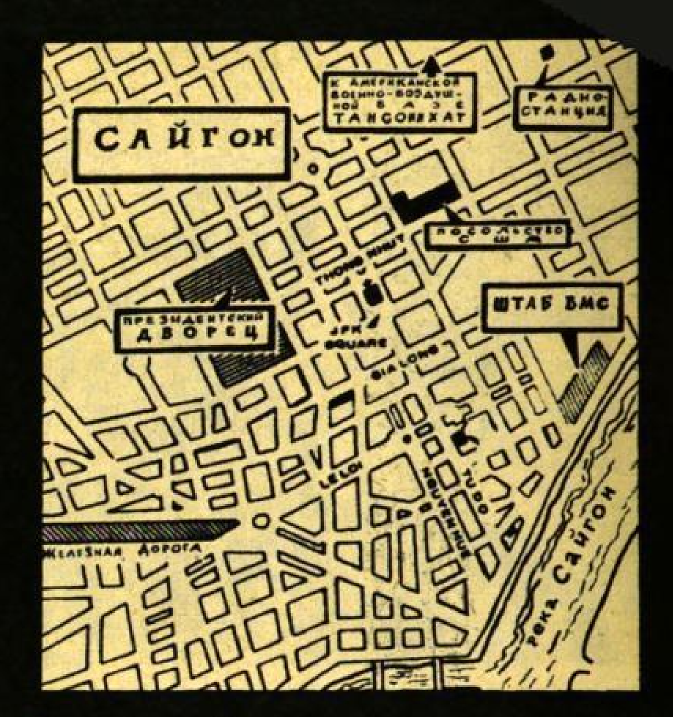
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

10 ФЕВРАЛЯ 1968

№ 7 (2120)

Броневики вывозили трупы американских солдат после боев вокруг американской военно-воздушной базы Тансоннхат под Сайгоном.

Восемнадцать объектов подверглись атаке партизан в Сайгоне. На карте — некоторые из этих объектов.

Гуэ. Американские солдаты спрятались за танк, чтобы спастись от огня вьетнамских патриотов.

Сайгон. Понесла потери военная полиция США.

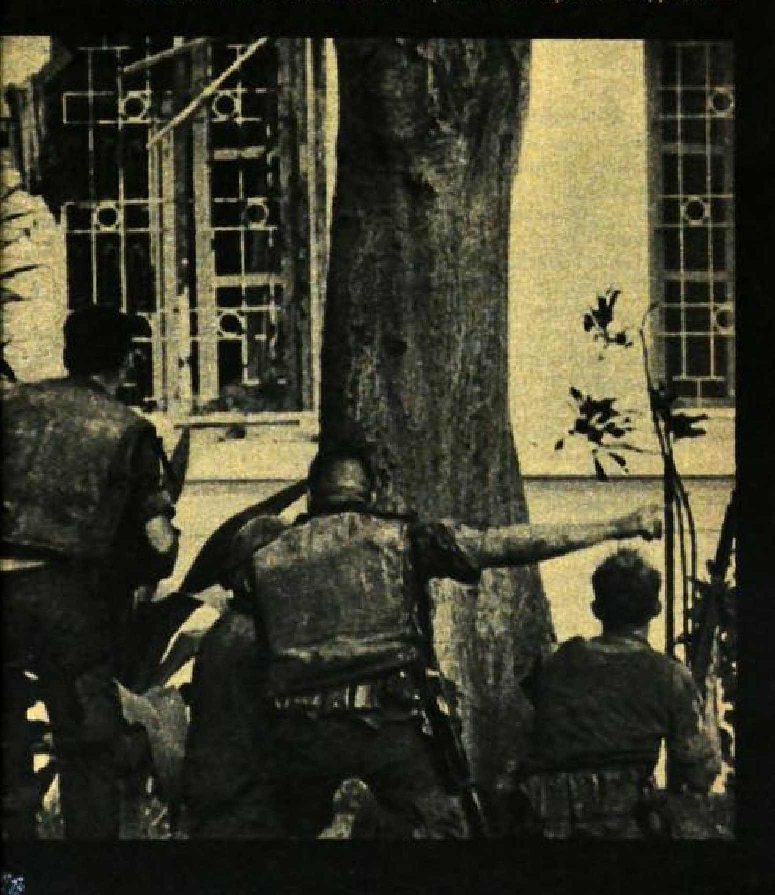
Фото ТАСС, газеты «Юманите», ЮПИ.

ИНТЕРВЕНТОВ

Патриоты атаковали базу в Дананге ракетами. На снимке — один из многих самолетов, уничтоженных их огнем.

Собственное посольство пришлось брать штурмом...

БЬЮТ!

САМОЕ КРУПНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ЮЖНОВЬЕТНАМСКИХ ПАТРИОТОВ — УЭСТМОРЛЕНД ШТУРМУЕТ СОБСТВЕННОЕ ПОСОЛЬСТВО — АМЕРИКАНСКИЕ БОМБЫ ПАДАЮТ НА САЙГОН — ФЛАГ СВОБОДЫ НАД ДРЕВНИМ ГУЭ — АТАКОВАНЫ ВСЕ АМЕРИКАНСКИЕ БАЗЫ — БИТВА НА ТЫСЯЧЕКИЛОМЕТРОВОМ ФРОНТЕ — ШОК В ВАШИНГТОНЕ — ХУДШЕЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ — ПАТРИОТЫ КОНСОЛИДИРУЮТ СИЛЫ.

УДАР

Гром грянул над головами американских интервентов в ночь на 30 января.

Полмиллиона солдат, представляющих все четыре вида вооруженных сил США, и их самоуверенный командующий генерал Уэстморленд даже не могли себе и вообразить, что перед ними вдруг разверзнется земля и огненный шквал обрушится на города и военные базы, где были размещены главные силы интервентов. Лишь через пять дней после того, как патриоты атаковали более сорока городов и открыли фронт сражений длиной около тысячи километров, начальник оперативного центра американского командования в Сайгоне генерал Чассон сказал: «Для нас это было неожиданностью. Все было удивительно хорошо координировано, и удар был удивительно сильным...»

Американская разведка оказалась похожей на слепого котенка. Она проглядела способность южновьетнамских патриотов вести широкие и мощные военные действия. Она не смогла предугадать, что атаке подвергнется сама столица Южного Вьетнама и центр руководства американской агрессией — Сайгон. Она даже не обнаружила тайники с оружием, созданные в Сайгоне. А некоторые из них находились, как сообщают западные агентства, вблизи расположения американцев.

Одновременно потерпела крах и военная концепция генерала Уэстморленда, считавшего, что дела интервентов в Южном Вьетнаме идут хорошо и им не грозят поражения. Оптимистические реляции, которые он слал в Вашингтон, основываясь на этой концепции, оказались пустым хвастовством.

История зло посмеялась над ним: ему пришлось отдавать команды о бомбежке Сайгона, города, в котором американцы привыкли чувствовать себя хозяевами, и руководить штурмом собственного посольства, построенного, как крепость, которое заняли партизаны.

Успехи патриотов неоспоримы. Ныне американские агентства передают сообщения, подобные следующему: «Виньлонг, провинциальная столица в 60 милях от Сайгона, подвергается мощной атаке; американские военно-морские силы оставляют базу». И так не только в Виньлонге. Армия освобождения Южного Вьетнама провела и продолжает вести операции практически против всех баз США, расположенных на южновьетнамской территории. Уже многими десятками исчисляются уничтоженные или поврежденные американские самолеты в Дананге, Тансонхате и других опорных пунктах США. Большое число раненых и убитых среди войск США и их союзников вызвало тревогу в Америке.

Одновременно с военными успехами патриотов консолидируются их силы, укрепляется их единство. Образован Союз национальных сил мира в Сайгоне. Его региональные организации созданы в других городах и освобожденных населенных пунктах, в частности в Гуэ, древней императорской столице Южного Вьетнама. Над крепостью в этом городе водружен флаг патриотов.

РАСТЕРЯННОСТЬ И ЛОЖЬ

Растерянность воцарилась среди американских интервентов и их марионеток в Южном Вьетнаме. Вот характерное сообщение, которое передал из Сайгона корреспондент агентства Франс Пресс 2 февраля: «Как заявил сегодня вечером представитель американского командования, он не может обрисовать им, что именно происходит сейчас в Южном Вьетнаме. По его словам, «все время случается множество вещей».

Под стать этому и положение в Вашингтоне. Корреспондент английской «Дейли мейл» сообщал из столицы США: «Джонсон и его помощники сильно потрясены». Другая газета, «Дейли телеграф», отметила: «...Налет на американское посольство потряс многих американцев».

Следом за этим из различных американских источников полились рекой заявления, рассчитанные на то, чтобы приуменьшить степень поражения интервентов. В печати появились фантастические цифры потерь патриотов. Затем стали говорить, что патриоты предприняли свои действия якобы лишь в политических и пропагандистских целях, что эти действия не имеют большого военного значения. Наконец, была пущена в ход теория «предсмертного хрипа» — дескать, это последняя крупная акция, на которую способны силы освобождения, это жест полного отчаяния. По этому поводу сенатор Юджин Маккарти заявил не без ехидства: «Если захват части американского посольства, большой части Гуэ, Далата и основных городов в районе действия 4-го корпуса является неудачей, то, следуя этой логике, я думаю, что, когда Вьетконг захватит всю страну, правительство США будет утверждать, что он потерпел полный провал».

ЧТО ДАЛЬШЕ!

Когда пишутся эти строки, по-прежнему идут сражения на всей территории Южного Вьетнама. Снова в сводках упоминается Сайгон. Третьего февраля агентство ЮПИ сообщило оттуда: «...Шестидневное наступление Вьетконга наконец-то сломлено». Но пятого февраля агентство Рейтер снова передало сообщение о боях в столице.

«Ястребы» хотят уверить американский народ, что он-де был «унижен» событиями в Южном Вьетнаме. Под этот аккомпанемент распространяют слухи, что США ответят «ударом возмездия», «отплатят» за свои поражения. Крайние милитаристы призывают к новой мобилизации, к усилению бомбардировок ДРВ, к расширению масштабов агрессии.

Но громче стали и голоса тех, кто еще и прежде говорил, что США не смогут одержать победу во Вьетнаме. В последнем номере американского журнала «Ньюсуик» Уолтер Липпман пишет: «Мы являемся очевидцами крушения военной политики».

А в Англии еженедельник «Обсервер» дал США совет, к которому следовало бы прислушаться Джонсону: «Соединенным Штатам следует убраться из Вьетнама так скоро, как это физически возможно для американских солдат и летчиков».

Пойдет ли мудрый совет на пользу? Ведь при продолжении прежней политики для США худшее — впереди.

А. АЛАБИН

Интервью «Огонька»

НАСЛЕДНИКИ РАБКРИНА

В. И. ТУРОВЦЕВ,
председатель Московского городского комитета народного контроля

ИСПОЛНИЛОСЬ 50 ЛЕТ СО ДНЯ ПОДПИСАНИЯ В. И. ЛЕНИНЫМ ДЕКРЕТА СОВНАРКОМА ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОНТРОЛЬНОЙ КОЛЛЕГИИ, УЧЕТНО-КОНТРОЛЬНЫХ КОЛЛЕГИЙ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ И ВЫБОРНЫХ КОНТРОЛЬНЫХ КОМИССИЙ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И НА ПРЕДПРИЯТИЯХ.

НАКАНУНЕ ПРАЗДНОВАНИЯ ЭТОГО ЮБИЛЕЯ КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА» ПОСЕТИЛ МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ НАРОДНОГО КОНТРОЛЯ. ЕГО ПРИНЯЛ ВИКТОР ИВАНОВИЧ ТУРОВЦЕВ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА НАРОДНОГО КОНТРОЛЯ.

ВОПРОС. Редакция «Огонька», читатели нашего журнала поздравляют сегодня юбиляров — народных контролеров. Скажите, пожалуйста, скольким москвичам мы можем адресовать свои поздравления?

ОТВЕТ. За поздравления спасибо. А ответить на ваш вопрос весьма непросто. Сейчас на предприятиях, в учреждениях и организациях Москвы 33 тысячи групп и постов народного контроля, они объединяют более 190 тысяч человек. Но юбиляры сегодня не только они. Прибавьте к ним еще 80 тысяч комсомольских прожектористов, 4 тысячи внештатных инспекторов городского и районных комитетов. Кроме того, для различных проверок мы привлекаем широкий круг актива. Так что точно подсчитать всех, кто участвует в работе народного контроля, весьма трудно. Могу только сказать, что большинство народных контролеров имеет солидный стаж работы в различных отраслях хозяйства и культуры. Иными словами, это настоящие специалисты, которые своими знаниями и опытом оказывают большую помощь комитетам народного контроля.

ВОПРОС. Контрольные органы являются одной из форм участия народа в управлении делами государства. Какие государственные проблемы решают они сегодня?

ОТВЕТ. Главная наша задача не только вскрывать ошибки и промахи в работе предприятий или учреждений, но и настойчиво добиваться предупреждения и устранения недостатков. То есть прежде всего дело, самая конкретная забота о тоннах, киловатт-часах и т. д. Эта главная задача выполняется хорошо. В 1966—1967 годах во время общемосковского смотра резервов экономии и бережливости было сэкономлено столько сырья, что из него выпустили дополнительно продукции на 48 миллионов рублей, сэкономлено также 600 миллионов киловатт-часов электроэнергии.

Это общие, итоговые цифры, а за ними стоит самоотверженный труд громадной армии народных контролеров.

Кое-кто представляет себе народного контролера как некоего привередливого ревизора. Глубокое заблуждение! Контролеры сами участвуют в творческом поиске резервов. Примеров можно привести много. Активисты народного контроля завода «Борец» сварщик литейного цеха В. Ф. Андреев и диспетчер производственного отдела Н. И. Барышева предложили повторно использовать каркасную проволоку. Результат — 10 тонн сэкономленной проволоки.

Долгое время на Останкинском мясокомбинате приходилось выполнять вручную очень трудоемкую операцию — измельчение мяса для колбасного фарша. За дело взялись контролеры. Они разработали три поточные линии и несколько других машин и механизмов. Результаты еще более внушительные — 700 тысяч рублей годовой экономии, упразднение ручного труда, повышение производительности труда более чем на 50 процентов.

Народные контролеры — это искатели.

ВОПРОС. Но и все-таки ревизоры? Не всякий недостаток они могут исправить сами. И тут, вероятно, нужна смелость и партийная принципиальность?

ОТВЕТ. Несомненно. Наши контролеры ставят очень острые вопросы. В прошлом году, например, они выяснили, что управление швейной и трикотажной промышленности резко сократило производство детской одежды. Тут пришлось вмешаться Московскому городскому комитету народного контроля. Мы слушали этот вопрос на комитете, и дело пошло на лад. Уже в прошлом году товаров для детей выпущено сверх плана на сумму более 8 миллионов рублей.

Да, работа в органах народного контроля требует и смелости и партийной принципиальности. Это важная массовая школа гражданственности, яркое проявление советской демократии. Все права, в том числе и право контроля, принадлежат у нас народу — подлинному хозяину страны.

ОКАЗЫВАЕТСЯ, МОЖНО!

Ну что, кажется, можно «выжать» из этих станков? Они по-своему уникальны, потому что «справляются» с деталями весом в 10—12 тонн. Если же говорить о их качестве, тут лучшая аттестация — спрос за границей. Около 30 стран мира охотно покупают их.

Отличные станки! Но сами авторы — конструкторы Минского станкозавода имени Октябрьской революции уверены, что «выжато» далеко не все, что строгальный станок, например, может взять на себя и фрезерование и шлифовку деталей. Мысль Леонида Стельмана, Владимира Железнова, Игоря Усачева, Виктора Кузьмицкого воплотилась в конструкции оригинальных накладных узлов, позволяющих «поручить» станку несколько операций сразу. В нынешнем году завод начнет выпускать такие агрегаты.

А. ДАНИЛОВ

Тут собирают станки. Фото А. Мызникова.

Генерал-полковник П. И. ЕФИМОВ,
первый заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота

В ноябре 1917 года в Смольном между Лениным и одним солдатом-большевиком, бывшим уральским рабочим, произошла короткая беседа.

— Скажите, товарищ Ленин,— спросил солдат,— а что, если с запада нападут на нас немцы, а с востока японцы? Выдюжим мы? Отобьемся от врагов?

— Ваше беспокойство резонно, товарищ уралец,— ответил В. И. Ленин.— Врагов у нас будет тьма. Не только немцы и японцы — весь буржуазный мир ополчится на нас. И чтобы отстоять революцию, потребуется немало жертв... Но мы ее отстоим!

Случилось так, как предвидел Ленин.

Весть о победе социалистической революции в России была с радостью встречена трудящимися всего мира, а у российской контрреволюции и международной буржуазии она вызвала лютую ненависть и тревогу. Империалисты запада и востока боялись, как бы искры революционного пожара, разгоревшегося в нашей стране, не перекинулись на их крыши. Они выступили организаторами военной интервенции и гражданской войны против молодой Советской республики, оказывали огромную экономическую и военную помощь белогвардейцам в их борьбе с Советской властью. Первому в истории отечеству трудящихся грозила смертельная опасность.

Завоевания Октября, рожденный революцией социалистический строй надо было защищать с оружием в руках. В огне ожесточенных боев с интервентами и белогвардейцами были созданы Вооруженные Силы Страны Советов. 15(28) января 1918 года В. И. Ленин подписал декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 29 января (11 февраля) принят декрет о создании Красного Флота.

Формирование первых красных полков проходило в чрезвычайно трудных условиях. В стране царила разруха, народ устал от продолжавшейся первой мировой войны. Не хватало оружия и продовольствия, не было подготовленных пролетарских военных кадров и опыта строительства армии нового, революционного типа. А медлить было нельзя. 18 февраля 1918 года полчища германских империалистов развернули наступление в Прибал-

«...В первый раз в мире создана армия, вооруженная сила, знающая, за что она воюет...»

В. И. Ленин

Воин-гражданин

тике, Белоруссии и на Украине, они рвались к сердцу Республики — Петрограду. Партия объявила социалистическое Отечество в опасности, призвала рабочих и крестьян к самоотверженной защите революции.

Грозные февральские дни 1918 года явились переломными в создании Красной Армии. Десятки тысяч трудящихся с огромным энтузиазмом добровольно вступали в ее ряды и немедленно отправлялись на фронт. Особенно упорные бои развернулись под Псковом и Нарвой. Продвижение врага было задержано, ему дан решительный отпор. Так молодая Красная Армия получила свое боевое крещение.

В память о героических делах, когда по призыву партии, В. И. Ленина трудящиеся нашей страны поднялись на защиту социалистического Отечества и первые отряды Красной Армии вступили в сражение с регулярными войсками германских империалистов, оказали им упорное сопротивление под Нарвой, Псковом и в других районах, Советским правительством в 1919 году был установлен День Красной Армии, который с тех пор ежегодно отмечается как День Советской Армии и Военно-Морского Флота.

За эти годы нашим Вооруженным Силам не раз приходилось вступать в суровые схватки с врагами советского народа, и каждый раз захватчики терпели поражение. Почти четыре года полыхало пламя гражданской войны. Тогда все силы старого мира ополчились против Советской республики. Красная Армия, активно поддерживаемая народом, разгромила белогвардейцев и интервентов, одержала блистательные победы.

В годы мирного строительства империалисты неоднократно пытались прощупать боевую мощь Красной Армии, организуя одну военную провокацию за другой. Но все их замыслы потерпели провал.

Незабываема в веках героическая эпопея Великой Отечественной войны. Гитлеровская Германия, вероломно напавшая на Советский Союз 22 июня 1941 года, обрушила на Красную Армию удар колоссальной силы — 190 дивизий (5,5 миллиона солдат и офицеров), имевших на вооружении 47 тысяч орудий и минометов, 3 700 танков и около 5 тысяч самолетов. Ни одна другая страна, кроме нашей, не устояла бы в единоборстве с таким сильным и коварным врагом. Советские Вооруженные Силы, преодолев трудности и неудачи начального периода войны, перешли в решительное наступление. В ряде крупнейших битв они разгромили главные силы фашистского блока, принудив врага к безоговорочной капитуляции. Наш народ и его воины не только очистили от захватчиков родную землю, но и помогли трудящимся многих стран Европы и Азии в избавлении от ига оккупантов.

Полвека бдительно и надежно стоят на страже завоеваний Октября наши доблестные Вооруженные Силы. Созданные великим Лениным, партией коммунистов, они с честью оправдали свое историческое предназначение. Ныне боевая мощь Советской Армии и Военно-Морского Флота неизмеримо возросла. Она надежно гарантирует безопасность Родины, служит грозным предостережением для любого агрессора.

Многое изменилось в наших Вооруженных Силах за минувшие пять десятилетий. Иными стали их организация, техническое оснащение. От штыка и тачанки они шагнули к первоклассной боевой технике — баллистическим ракетам, атомоходам, сверхзвуковой авиации, радиоэлектронике, ядерному оружию. Большие перемены произошли в общеобразовательной и технической подготовке личного состава. Но неизменно горячей и глубокой остается любовь советских воинов к социалистической Родине, их преданность народу, ленинской партии. Еще более окрепли и расширились традиционные связи с трудящимися, морально-политическое единство с многонациональным советским народом.

Из глубины веков дошла до нас прекрасная легенда о сказочном богатыре Антее, который черпал свои силы из связей с матерью-землей. Пока он соприкасался с ней, был непобедим. Так и наша армия. Она самыми тесными, кровными узами связана со своей матерью-Родиной, великим советским народом. И в этом — неиссякаемый источник ее силы и непобедимости.

Буржуазные историки, публицисты, разного рода «знатоки» русского вопроса исписали горы бумаги, чтобы принизить величие одержанных нашей армией побед, по-своему объяснить «секрет» несокрушимого боевого духа советского воина, источники его стойкости, дисциплины, мужества и геройства.

Для советских людей, миллионов наших зарубежных друзей давно уже не существует этого «секрета». Богатырские силы Советской Армии дал Великий Октябрь, новый, социалистический строй, основанный на прочном союзе рабочих и крестьян, братской дружбе многонациональных народов СССР, сплоченных вокруг Коммунистической партии.

История народов нашей Родины знает немало примеров мужества и отваги, проявленных ее сыновьями в битвах с иноземными захватчиками. Ратники Александра Невского и чудо-богатыри Суворова, герои Бородина и защитники Севастополя вписали яркие страницы в летопись боевой славы русского народа. Но при всем этом мы знаем, что солдаты старой армии, как и все трудящиеся России, были людьми бесправными и угнетенными. Эксплуататорский строй сковывал творческие силы народа, мял, душил и унижал достоинство личности человека труда. Политическое бесправие и духовное калечение простых людей особенно наглядно проявлялись в царской армии.

«Казарма,— писал В. И. Ленин о старой армии,— насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попирание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье».

Такую же картину бесправия, идеологического одурманивания солдат являют собой порядки в современных империалистических армиях, используемых эксплуататорами для подавления народной свободы, удушения национально-освободительного движения, развязывания агрессивных войн.

Пламенные патриоты России давно мечтали о том времени, когда народ будет раскрепощен, его богатырские силы раскроются в полной мере. Участник Отечественной войны 1812 года поэт Денис Давыдов, предвосхищая будущее, говорил: «Огромна наша мать-Россия! Изобилие ее средств дорого уже стоит мно-

гим народам, посягавшим на ее честь и существование; но не знают еще они всех слоев лавы, покоящихся на дне ее... Еще Россия не подымалась во весь свой исполинский рост, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется!»

И трудовой народ России, ведомый партией Ленина, в октябре 1917 года поднялся на борьбу против своих угнетателей, грудью проложил дорогу в царство свободы. Народ-исполин расправил свои плечи, поставил на защиту родной Советской власти, завоеваний социализма своих верных сынов.

Являясь детищем революционного народа, точным слепком с социалистического строя, наша армия впитала в себя все лучшее, что есть в традициях и истории трудящихся России. В огне борьбы с врагами социализма она выковала, ныне бережно хранит и приумножает новые боевые традиции, которые являются могучим средством героико-патриотического воспитания молодежи.

Новый «человек с ружьем», как любовно называл красноармейцев В. И. Ленин,— это принципиально иной тип солдата, коренным образом отличный от солдат капиталистических армий. Советскому воину присущи высокая политическая сознательность, глубокая идейная убежденность, безграничная вера в величие и правоту дела коммунизма, священных целей и задач, во имя которых он призван с оружием в руках стоять неусыпным стражем родного Отечества. Это воин-гражданин, патриот и интернационалист, активный участник политической жизни страны, управления Советским государством. Разве не об этом, например, говорит тот факт, что около 12 тысяч наших воинов являются депутатами Советов!

Еще в Программе РКП(б), принятой в 1919 году на VIII съезде партии, говорилось: «В то время, как буржуазная демократия, вопреки ее декларациям, превращала войско в орудие имущих классов, отделяя его от трудящихся масс и противопоставляя его им, уничтожая или затрудняя для солдат возможность осуществлять политические права, Советское государство сливает в своих органах, в Советах, рабочих и солдат на почве полного равенства их прав и единства их интересов».

Государство и народ, предоставившие солдатам широкие политические права, поднявшие на большую высоту их гражданское достоинство, имеют все основания рассчитывать на то, что их армия будет надежным оплотом свободы и демократии, что она будет непобедимой. Именно такой армией являются наши Вооруженные Силы.

«Я, сын трудового народа...», «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик...» — эти волнующие слова военной присяги с гордостью произносились и произносятся каждым вооруженным защитником нашей Родины. Они полны глубокого смысла.

Родина, партия, народ — самое дорогое и близкое для советского воина, в сознании и поступках которого слились воедино права и обязанности, общественный долг и личные интересы гражданина Страны Советов.

Именно поэтому в годы суровых боевых испытаний, когда свободе и независимости родины Октября создавалась угроза, миллионы советских воинов бесстрашно вступали в бой, проявляли массовый героизм, самоотверженность, готовность отдавать все свои силы, свою кровь и жизнь во имя победы над врагом. Никогда еще в прошлом история не знала такого могучего взлета морального духа широчайших масс людей, одетых в солдатские шинели, как это было в битвах за Советскую Родину на полях гражданской и Великой Отечественной войн. Свыше 7 миллионов советских воинов и партизан были награждены орденами и медалями СССР за боевые заслуги в борьбе с фашизмом. Более 11,5 тысячи из них удостоены звания Героя Советского Союза. 10 900 правительственных наград вручено наиболее отличившимся воинским частям и соединениям.

Светлые имена и героические подвиги Чапаева и Железнякова, Буденного и Котовского, Матросова и Покрышкина, Гастелло и Талалихина, Панфилова и Кожедуба, тысяч других народных героев будут вечно служить источником вдохновенного служения Родине, беззаветной борьбы за коммунизм. Это героизм людей социалистической эпохи, новой, коммунистической морали, подвиги богатырей, воспитанных ленинской партией.

Безмерна любовь советских людей, воинов армии и флота к родной Коммунистической партии. Это она, партия Ленина, создала и выпестовала наши могущественные Вооруженные Силы, разработала и осуществила научные принципы советского военного строительства, укрепления обороны страны. В годы войны партия выступила как вдохновитель и талантливый организатор всенародной борьбы с захватчиками. Лучшие ее сыны были на самых опасных участках войны, там, где решались судьбы Родины. В период гражданской войны свыше 50 тысяч, а в борьбе с фашизмом — 3 миллиона коммунистов отдали свои жизни в битвах за счастье народа. Но приток в ее ряды не иссякал. Каждый советский человек считал для себя высшей честью вступить в партию, а те, кто не смог это сделать, в минуты смертельной опасности заявляли: «Прошу считать меня коммунистом!» КПСС была поистине сражающейся партией.

На одном из участков советско-германского фронта в минуты затишья гитлеровцы подвезли к переднему краю громкоговорящую установку. Фашистский пропагандист истошным языком стал поливать грязью коммунистов, пытаясь вызвать к ним недоверие со стороны наших солдат. Но вот на бруствер окопа поднялся беспартийный советский боец и во всю мощь своего богатырского голоса прокричал:

— Заткни глотку, поганый фашист, мы все тут коммунисты!

И взвод, в котором в действительности был всего лишь один член партии, дружно запел «Интернационал».

А вот другой пример, свидетельствующий об огромном авторитете партии среди воинов-фронтовиков. Перед нами — письмо рядового Ерохина, направленное им после тяжелого ранения в партийную организацию роты. «Вы, товарищ парторг, и вы все, товарищи коммунисты,— писал Ерохин,— поблагодарите за меня коммуниста ефрейтора Якимова, расцелуйте его по-солдатски! Для меня, рядового бойца, он сделал очень многое. Я его никогда не забуду. С первых дней окопной жизни мы были с ним вместе, воевали, жили в одной землянке, спали рядом, делились по-братски и радостью и горем. Якимов научил меня стрелять из пулемета. Якимов приветил меня, научил понимать жизнь. С каким вопросом ни обратишься к нему — он все просто, ясно растолкует. Якимов был для меня больше чем другом, я равнялся по нему, учился у него, всюду старался следовать за ним, не отставая. Он сблизил меня с великой Коммунистической партией, и я хочу сейчас вступить в ее ряды».

Коммунисты были и остаются цементирующей силой нашей армии. Если в годы гражданской войны на каждые сто бойцов приходилось 5 коммунистов, а в начале Великой Отечественной войны — 13, то в конце войны — уже 25 членов партии. В настоящее время свыше 80 процентов личного состава Вооруженных Сил — коммунисты и комсомольцы. «Коммунисты, вперед!» — этот боевой клич фронтовых лет и ныне находит живое воплощение в делах армейских и флотских коммунистов, их авангардной роли в учебе и дисциплине, на всех участках воинской жизни.

Большая партийно-политическая работа, проводимая в Вооруженных Силах в духе указаний КПСС, дает свои замечательные плоды. Нашим воинам присущи высокая политическая и творческая активность, глубокое сознание своего патриотического и интернационального долга. Они тесно сплочены вокруг родной ленинской партии.

Все это находит конкретное проявление в образцовом выполнении задач боевой и политической подготовки, высокой бдительности и постоянной боевой готовности войск. В юбилейном году, например, число передовых частей и соединений возросло в два раза, количество отличников учебы — в полтора раза, классных специалистов — на 30 процентов. Десятки полков, кораблей, дивизий, военно-учебных заведений награждены памятными знаменами ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

Возросшие боевая выучка и техническая оснащенность наших Вооруженных Сил были ярко продемонстрированы на крупном учении «Днепр» и военном параде 7 ноября 1967 года, явившихся юбилейным рапортом наших воинов партии, правительству и народу.

В нашей стране, в армии и на флоте давно уже стало крылатым горьковское изречение: «В жизни всегда есть место подвигам!». Будни советских воинов с их трудностями и романтикой, несением почетной, но нелегкой службы в любую погоду, любое время суток полны примеров самоотверженности, мужества и отваги. Партия и правительство высоко ценят ратный труд солдат и офицеров, достойно отмечают наиболее отличившихся при исполнении воинского долга. Только в прошлом году свыше 11 тысяч военнослужащих награждены орденами и медалями СССР, а некоторые из них удостоены звания Героя Советского Союза.

Каждый из нас с гордостью воспринял слова Л. И. Брежнева, сказанные на юбилейном торжественном заседании 3 ноября 1967 года: «Ныне Советская Армия — могучая, грозная, неодолимая сила. Она вооружена лучшим в мире оружием. Советские воины — от солдат до маршалов, от матросов до адмиралов — это настоящие мастера воинского дела, отлично владеющие военной наукой и вверенной им превосходной техникой, это люди, безгранично преданные нашей партии, делу коммунизма!»

В ряды Вооруженных Сил с каждым годом приходит все более грамотное, морально и физически крепкое пополнение. Достаточно сказать, что ныне около 46 процентов воинов имеют высшее и среднее образование, 54 процента — неполное среднее образование. До 70 процентов призывников владеют теми или иными техническими специальностями. Надо ли говорить, какое большое значение все это имеет для улучшения боевой и политической подготовки солдат и матросов, овладения ими сложной военной техникой!

Наша армия по праву считается замечательной школой политического и культурного воспитания советской молодежи, ее моральной и физической закалки.

К услугам воинов — широкая сеть клубов, театров, ансамблей песни и пляски, любительских киностудий, самодеятельных художественных коллективов, музеев, комнат боевой славы, библиотек, ленинских комнат. Можно с уверенностью сказать, что наша армия самая читающая в мире. Книжный фонд воинских библиотек насчитывает свыше 90 миллионов томов политической, художественной и технической литературы. На каждую тысячу воинов выписывается 1 250 экземпляров газет и журналов. Десятки литературных объединений, действующих в войсках, насчитывают свыше двух тысяч начинающих литераторов. Редакции военных газет ежегодно получают от военкоров свыше 500 тысяч корреспонденций, статей, рассказов, стихотворений, рисунков.

Огромную роль в культурном воспитании воинов играет традиционное шефство деятелей искусства, науки и литературы над воинскими частями. Артисты, художники, писатели, ученые ежегодно проводят в армии и на флоте свыше 400 тысяч культурно-шефских выступлений. Большая заслуга в этом Центральной военно-шефской комиссии, возглавляемой народной артисткой СССР Еленой Николаевной Голевой.

За последние годы еще более окрепло единство армии и народа, значительно расширились связи воинских частей с коллективами трудящихся. Обогатилась новыми интересными формами работа партийных, советских и общественных организаций по военно-патриотическому воспитанию населения, нашей молодежи. В связи с принятием нового Закона о всеобщей воинской обязанности все это имеет особо важное значение.

Партия учит нас никогда не забывать о происках империалистических агрессоров, о возросшей военной опасности со стороны поджигателей войны. Дальнейшее укрепление обороны страны, повышение боевой мощи наших Вооруженных Сил — важная государственная задача, священный долг каждого гражданина СССР.

Великий Ленин призывал новые поколения советских людей следовать дорогой героев Октября, подражать их бесстрашию и героизму. Оглядываясь на пройденный нами полувековой путь, мы с гордостью можем сказать: советский народ и его воины всегда шли и будут идти по пути, указанному Лениным.

Петр Ефимович ШЕЛЕСТ.

К 60-летию со дня рождения.

Фото И. Филатова.

Nguyễn - Hồng - Thanh
Lớp 2A : Hùng vương
8 tuổi

Giặc Mỹ xâm lược nhất định thua

Рисунки вьетнамских детей.

Em đi học để chống
Mỹ cứu nước Giải phóng
miền Nam thân yêu

Trần Thâu vẽ

◀ Война вошла и в жизнь детей. Восьмилетний паренек нарисовал бой вьетнамских катеров с американскими самолетами и для полной точности написал на рисунке: «Американские агрессоры обязательно потерпят поражение». Тринадцатилетняя Хим Зунг изобразила свою сверстницу, девочку из освобожденных районов Южного Вьетнама. Подпись гласит: «Я иду учиться, чтобы участвовать в борьбе против американцев за освобождение любимого Южного Вьетнама». А к рисунку, где буйвол тащит остатки сбитого американского самолета, подпись выразительная и лаконичная: «Еще сто буйволов вернутся».

Кто ответит за преступление?!

ПИСЬМА С ОПАЛЕННОЙ ЗЕМЛИ

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

Письмо третье: МАЛЕНЬКОМУ ВЬЕТНАМЦУ ЛЫОНГ ЧИ ДОНГУ

Я прощаюсь с твоей землей, Лыонг Чи Донг.

Через два дня теплоход «Нижнеудинск» отойдет от причалов, и зенитные батареи Хайфона, отражая очередную атаку американских самолетов, проводят его в путь этим боевым салютом.

Из иллюминатора моей каюты виден кусочек Хайфона. Дощатые причалы, по которым движутся тракторы с прицепами. Ящики с грузом на борту — на них написано «Порт отправления — Владивосток» или «Порт отправления — Одесса». Купы деревьев и поднимающийся за ними крест собора. Крыши домов — на самой высокой можно разглядеть фигурку человека и тонкие сдвоенные стволы скорострельной зенитной пушки. Разрушенные корпуса цементного завода.

Когда с берега доносится вой сирены, вахтенный по судовому радио объявляет, что в городе воздушная тревога и всем надлежит спуститься на нижнюю палубу. Тогда я откладываю письмо в сторону и хватаюсь за фотоаппарат. На последних кадрах, сделанных во Вьетнаме, будет все то же — хищно блестящие на солнце американские бомбардировщики, пикирующие на город, серо-коричневые столбы дыма, вырастающие над зеленью деревьев, оранжевые облака ракетных разрывов в небесной сини.

Но сейчас в Хайфоне спокойно, и ничто не мешает мне писать это письмо. Я адресую его в твое будущее, Лыонг Чи Донг. Я хочу, чтобы через несколько лет, когда ты станешь взрослым и когда будет мирным небо твоей родины, ты развернул пожелтевшие страницы журнала, и пусть тогда перед тобой встанут годы твоего детства.

...На краю рисового поля, залитого водой, сидел мальчишка и ловил удочкой рыбу. Мальчишка был обладателем пары остреньких любопытных глаз, курносого носа и двух оттопыренных ушей, придававших ему озорной вид, о чем он сам, впрочем, наверное, не догадывался. Стояло раннее утро, тихое и солнечное. Рыбья мелочь пускала круги по воде, и ее не пугал тащившийся рядом по полю буйвол, запряженный в плуг, которого подгонял тонкой хворостиной крестьянин. Мальчишка уже успел вытащить три рыбешки величиной с палец и рассчитывал, что ему еще и не так повезет, когда вдруг со стороны деревни показалась группа людей, среди которых были и незнакомые. Следом за взрослыми бежала ватага его приятелей, громко выкрикивая: «Льен со! Льен со!» [1]. Когда люди поравнялись с

См. «Огонек» №№ 4, 6.

[1] «Льен со» — так называют во Вьетнаме советских людей.

ним, мальчишка увидел, что без него просто не обойтись. Он вскочил, быстро смотал удочку, схватил улов, подтянул штаны, которые украшала великолепная заплата на том месте, на котором сидят, и пустился следом за толпой. Это был ты, Лыонг Чи Донг.

Нас привезли в деревню Донг Шон, твою деревню, после того, как мы побывали на мосту Хамжонг. В венок славы этого легендарного моста я хочу вплести свою маленькую веточку.

В первый раз я проехал по мосту, лежащему на дороге № 1, ночью. Машина шла без зажженных фар, и в ночной темноте я не мог разглядеть его как следует. Но я уже знал, что этот мост, перекинутый через реку Ма (что значит Быстрая), один из немногих в ДРВ мостов, уцелевших от американских бомб. Но не потому, что американские самолеты обходили его своим вниманием. Наоборот, Хамжонг давно представляет собой одну из главных их целей. С 1965 года летчики США регулярно совершают налеты на мост, стоящий между двумя круто поднимающимися вверх скалистыми горами. Американцы даже построили на Филиппинских островах макет моста, и летчики специально тренировались в точности бомбометания на этом макете. Но противовоздушная оборона здесь так прочна, что его название (в переводе «Хамжонг» — «Пасть дракона») стало поистине роковым для авиации США. Эта пасть поглотила около ста американских самолетов.

Когда в то утро я приехал на мост, перед моими глазами встала драматическая картина обороны Хамжонга. Все здания вокруг моста лежали в развалинах. Дорога по обеим сторонам его была исковеркана и вновь залатана. Скалы хранили следы бомбовых ударов. Стальные фермы моста казались ажурными — они были пробиты десятками осколков.

Но мост стоял как символ стойкости Вьетнама. И по нему шли машины.

Наверное, когда ты будешь читать это письмо, Лыонг Чи Донг, на мирной земле около Хамжонга уже не будет развалин. И мост будет выглядеть по-иному. Но мне хотелось бы, чтобы в нем осталась хоть одна стальная балка, изрешеченная осколками. Пусть это напоминает о мужестве тех, кто защищал Хамжонг. Мост-солдат заслужил свою славу.

Эта слава распространяется и на твою деревню, расположенную в полутора километрах от моста. Деревня была знаменита и раньше. Здесь обнаружены следы поселений людей бронзового века, и найденные при раскопках бронзовые изделия твоих предков хранятся сейчас в Историческом музее Ханоя. По имени Донг Шона названа одна из страниц древней истории Вьетнама.

Теперь твоей деревне, лежащей между гор, дали новое название — «Мешок с бомбами». Оно не случайно: американские самолеты, удирая от огня защитников Хамжонга, побросали огромное количество бомб на поля и дома Донг Шона. Этим новым именем можно обозначить период варварства в современной истории заокеанской страны...

Мы прошли вдоль рисового поля к скале и по деревянным лестницам, закрепленным в камнях, поднялись метров на десять вверх, в грот. Грот представлял собой просторное помещение с низким потолком и двумя окнами, прорубленными в каменной толще. Внутри стояли школьные парты. Оказалось, что грот служил классной комнатой.

Вот здесь мы и познакомились с тобой поближе. Я узнал, как тебя зовут, что ты учишься в третьем классе и что тебе десять лет. Ты показал мне свой улов и потом щедро предложил в подарок пойманную бабочку. Знакомство было недолгим, но достаточным для того, чтобы мы почувствовали друг к другу мужскую симпатию. И потом, когда я сидел за учительским столом вместе с председателем сельского административного совета Лыонг Ва Тьонгом, секретарем партийной организации и председателем кооператива Лыонг Ба Хаем, руководителем народного ополчения Зыонг Динь Тхи и другими, которые рассказывали мне о Донг Шоне, ты терпеливо торчал около входа в грот, дожидаясь конца беседы взрослых. Мне жаль, что ты этого так и не дождался. Когда беседа кончилась, тебя уже не было. Мне сказали, что ты ушел в школу. Другой класс был расположен на противоположном конце деревни, тоже в скале. И я не стал отрывать тебя от занятий. А может быть, ты ждал, чтобы сказать мне что-нибудь важное?..

Но я запомнил тебя, Лыонг Чи Донг. Тебя и твоих сверстников, с которыми встречался во время поездки по твоей стране.

На вашу долю выпало нелегкое детство. Вы просыпаетесь от разрывов бомб, вы знаете, как рвутся в воздухе снаряды, вы слышите, как стонут раненые.

Война заставляет здесь становиться героями не только взрослых, но и ребят.

Здесь я узнал историю о южновьетнамском десятилетнем пареньке, который измерил бамбуковой палкой расстояние от огневых позиций партизан до американской базы вертолетов. Он прошел сквозь джунгли и принес точнейшие сведения. Благодаря этому партизаны били по врагу без промаха.

В Хайфоне мне рассказали про тринадцатилетнего Чин Ван Хоа, который во время налета американских бомбардировщиков услышал в соседнем доме плач маленькой девочки. Он вытащил ее из дома, когда вокруг все горело, и понес в бомбоубежище. В это время с самолетов сбросили шариковые бомбы. Хао был ранен в спину. Но девочку он спас.

Во вьетнамских школах я собрал рисунки детей. На бумаге так, как в жизни: воют самолеты, полыхают дома, падает на землю смерть. И, как в жизни, враг получает возмездие за свершенное им. Дети всегда хотят справедливости. Поэтому так часто на рисунках твоих сверстников — объятые пламенем американские самолеты.

Среди собранных мною рисунков нет твоего. Но когда я услышал рассказ о Донг Шоне, я понял, что он был бы похож на другие.

Это обычная история вьетнамской деревни.

Впервые свобода пришла к крестьянам Донг Шона после августовской революции 1945 года. Много было сделано за годы мирного существования Демократической Республики Вьетнам: создан кооператив, в деревне зажглось электричество, появились новые постройки. Земля, которая раньше принадлежала богатеям, стала общественной.

Но с августа 1965 года деревня оказалась на линии фронта. 5 августа Донг Шон был обстрелян артиллерией с кораблей Седьмого американского флота. Следом за этим начались налеты. Теперь уже больше трехсот раз нападали американские самолеты на эти места. Из них сорок семь раз бомбы падали непосредственно на деревню.

В Донг Шоне, рассказали мне, есть два кладбища. На одном из них похоронены те, кто погиб во время первого Сопротивления. На втором — жертвы американских бомбардировок.

В твоей деревне, как и всюду во Вьетнаме, я ощутил тревожное дыхание войны. Оно дошло до меня из обыкновенной плетеной корзинки, в которую у нас собирают грибы. Но в этой корзине лежали не грибы, а круглые зеленые шариковые бомбы. Их принес Зыонг Динь Тхи. Это были неразорвавшиеся бомбы, которые разрядил он сам и еще четверо, входящих в его группу. Просто, как о чем-то, ставшем будничным, этот двадцатидвухлетний парень рассказал, как они вытаскивают жало смерти из американских «подарков». Словно между прочим сообщил, что они разрядили американскую бомбу весом в 1 900 килограммов и что на его счету более ста килограммов извлеченной взрывчатки. Часть ее пошла на то, чтобы расширить грот, в котором шла беседа. Я узнал еще, что среди этой отважной пятерки две женщины.

Война учит необычным делам. Помогая зенитчикам, защищающим Хамжонг, крестьяне Донг Шона научились оборудовать позиции для зенитных пушек. Во время боя они часто исполняют обязанности подносчиков снарядов. Когда бой длится долго, крестьянки идут на позиции, неся горячую пищу, воду. Привычным делом стали здесь для женщин обязанности санитарок. И мне с гордостью говорили, что девять самолетов у Хамжонга сбито с помощью жителей Донг Шона.

Обычная деревня...

Я уезжал из Донг Шона с таким чувством, как уезжают от друзей. И сейчас, накануне отъезда из Вьетнама, у меня такое же чувство.

Наши народы жили далеко друг от друга, наши страны не имеют общих границ. Откуда возникла эта дружба? Когда размышляю об этом, я вспоминаю свою поездку в госхоз Донг Зау, свою первую поездку по вьетнамской земле, и встречу с Чонг Динь Заном. Я хочу рассказать тебе об этом, Лыонг Чи Донг, потому что истоки нашей дружбы нужно искать в том, о чем я услыхал во время этой поездки.

Мы приехали в госхоз ночью, долго проплутав по проселочным дорогам. Случилось это не потому, что шофер не знал пути. Просто дороги в ДРВ сейчас часто меняются. Если одну разбомбят, то где-то рядом скоро возникает другая, и уже заранее начинают прокладывать третью. На одной из дорог мы наткнулись на пустые металлические бочки. На бочках мелом было написано: «Здесь ждут друзей». И когда шофер дал сигнал, то навстречу выбежал молодой паренек в стальном шлеме и заулыбался.

Потом нам пришлось долго шагать в темноте между кофейными кустами (в госхозе выращивают кофе), перепрыгивая через траншеи. Наконец нас привели в небольшой домик на склоне холма, врытый в землю почти по самую черепичную крышу. В домике было две крошечные комнатки. В одной из них стояли кровати и была плетеная из бамбука дверь, которая вела в бомбоубежище, вырытое в земле.

Мы засыпали под уютную трель сверчков, как вдруг к этой трели присоединился рокот самолета. Сверчки примолкли. Стали прислушиваться и мы. Потом чей-то спокойный голос снаружи сказал:

— Наши. «МИГ».

А наутро мы сидели в домике и, прихлебывая крепчайший кофе местного производства, слушали рассказ секретаря парторганизации госхоза товарища Чонг Динь Зана. А ему было о чем рассказать.

Зан вступил в революционное движение еще пятнадцатилетним пареньком, в 1925 году. Многого он еще не знал, но в одном уже был уверен твердо: есть на свете страна, где сам народ распоряжается

Лыонг Чи Донг.

своей судьбой. И закономерно, что в далеком от Москвы Вьетнаме революционное движение повело парня по тому пути, который был положен Октябрьской революцией в России.

В 1929 году рабочие и крестьяне Вьетнама на своей земле, где хозяйничали колонизаторы и феодалы, впервые открыто праздновали годовщину Октября. В день 7 ноября на улице Ниньбиня появился плакат, на котором стояли цифры: 1917 и 1929. А на горе Тун Шон был водружен советский флаг. Алое полотнище развевалось в вышине несколько дней. Одним из тех пяти смельчаков, кто укрепил его там, был Чонг Динь Зан. Этот флаг цел до сих пор — сейчас он хранится в музее Ниньбиня.

Потом для товарища Чонг Динь Зана, коммуниста и профессионального революционера, наступили годы нелегальной работы, арестов, тюрем. В 1939 году его арестовала полиция за то, что у него нашли книгу о Ленине.

А дальше — августовская революция, война за независимость, против колонизаторов, проведение аграрной реформы в освобожденном Вьетнаме...

В госхозе мне рассказали, как после победы над колонизаторами восстанавливалось хозяйство, как на кофейные плантации пришли вчерашние солдаты освободительной армии, как в 1957 году в госхоз приехали советские специалисты, которые помогали в проведении мелиорации, в новых посадках, в технике. Советские специалисты работали здесь до 1963 года. Их до сих пор вспоминают добрым словом. Сохранились и связи. Недавно из Грузии от Георгия Николаевича Джапаридзе товарищ Зан получил письмо. Он показал его мне и добавил:

— Вот только домов, где жили советские специалисты, больше нет. Их разбомбили.

Я слушал, что говорили мои собеседники, и для меня в одну линию — линию дружбы — соединились и красный флаг на горе Тун Шон, и работа советских людей на плантациях, зеленевших вокруг, и тот спокойный голос, который произнес минувшей ночью слова: «Наши. «МИГ».

Наша дружба построена на прочной основе общих стремлений дать человеку счастье. Она возникла раньше, чем агрессор напал на твою страну, Лыонг Чи Донг, раньше, чем ты родился. На тебя и на твоих сверстников ляжет задача сохранять и укреплять ее. Когда ты будешь взрослым, ты должен помнить, как твои деды и отцы защищали идеи Октября на вьетнамской земле и как страна Октября пришла на помощь твоей стране в трудный для нее час.

Я с гордостью думаю о моих соотечественниках, которые сейчас здесь, во Вьетнаме, работают вместе с вьетнамцами плечом к плечу, деля с ними невзгоды военного времени.

По пути в Хайфон, на пароме, перевозившем меня ночью через реку Красную, я встретился с двумя советскими геологами. Один из них был из Москвы, земляк, другой — из Казахстана. Мы поговорили о погоде, о последних налетах на Ханой, о новом фильме, который крутили недавно в советском посольстве. А когда паром причалил к противоположному берегу, мы пожали друг другу руки и разошлись. Я поехал в одну сторону, они — в другую. У каждого были свои дела. Им предстояло пробыть здесь еще немало времени.

В Хайфоне я подружился с советскими инженерами — им тоже нашлось дело на этой земле. В одной из провинций, недалеко от Ханоя, мне рассказали о специалистах по орошению, которые приехали работать из СССР. Я мог бы написать и о других встречах с советскими людьми во Вьетнаме, привести те хорошие слова, которые говорят о них.

Во время таких встреч я всегда замечал ощущение нужности, которое испытывают здесь советские люди. Они знают, что нужны далекой земле Вьетнама, для того чтобы эта земля была счастливой. И я уверен, что каждый, кто побывал во Вьетнаме, поработал здесь, всегда будет чувствовать себя причастным к происходящему на этой земле.

Помню еще одну встречу. Однажды на улице в Ханое ко мне подошел молодой парень и заговорил со мной по-русски. Как оказалось, он недавно вернулся из СССР, где учился в Институте геодезии и картографии. Теперь он сам преподает в Ханойском сельскохозяйственном институте, который эвакуирован в джунгли.

Мы вспомнили с ним Москву, и вдруг он произнес:

— А там сейчас, наверное, снег...

И глаза его стали чуть грустными и мечтательными.

...Готовится к отплытию «Нижнеудинск». Уже разгружена мука, уже сняты с палубы металлические секции барж, которые доставил сюда корабль. Я видел, как эти секции сваривают на одной из площадей Хайфона. Скоро их спустят на воду. Может быть, одна из этих барж доберется и до твоей реки, Лыонг Чи Донг...

ПРИПИСКА, СДЕЛАННАЯ В МОСКВЕ:

Я узнал, что «Нижнеудинск» снова ходил в Хайфон. Помимо прочего груза, он отвез вьетнамским ребятам подарок — новогоднюю елку. Мне хотелось бы, чтоб ты, Лыонг Чи Донг, считал, что этот подарок был предназначен и тебе.

Чонгар

В. МЛЕЧИН

Рисунок М. САМСОНОВА

В 1920 году юг Таврии и Крым соединяли длинный, с четверть версты, Чонгарский деревянный мост на сваях по гужевому тракту и железнодорожный мост, который с юга упирался в узкую дамбу, насыпанную по Сивашу.

Отступая, врангелевцы сожгли деревянный мост и взорвали два пролета железнодорожного. Сложнейшая система укреплений превращала этот фланг Крымского фронта в твердыню. Вдобавок в нашем распоряжении было сравнительно мало артиллерии, особенно тяжелой,— разрушенный транспорт не справлялся с перевозками. Не было и надежных понтонных средств. А белые оснастили рубежи мощной артиллерией вплоть до крепостных орудий из Севастополя. Недаром врангелевские газетенки писали: «Мы ждем врага, чтобы он разбил себе лоб о нашу неприступную мощь».

К несчастью, это была мощь реальная. Что на Перекопе, что на Чонгаре сложнейшие естественные рубежи обороны были многократно усилены фортификационными сооружениями, созданными под руководством французских инженеров. И рубежи эти охраняли не юные рекруты, не территориальные формирования, а лучшие полки белой армии, в самой высокой степени насыщенные офицерами, прошедшими школу трехлетней войны с немцами и годы войны гражданской. Казалось, и сама природа решила помочь белым: наступили необычные для этих мест в это время года морозы — до 12—13, даже до 16 градусов, дули холодные, злые ветры. Врангелевцы сидели в оборудованных блиндажах, были сыты и тепло одеты: «союзники» подкинули экипировку, продовольствие, спирт. А наши красноармейцы? Даже сейчас, спустя сорок семь лет после событий, сердце сжимается, когда вспоминаешь, как были одеты и обуты части 30-й Иркутской дивизии, увековечившие себя в Чонгарском сражении, или полки 51-й дивизии, добывшие бессмертную славу при штурме Турецкого вала.

Под утро шестого ноября стал я пробираться к Чонгарскому полуострову. В полевом штабе 4-й армии мне сказали, что там я найду начальника 30-й дивизии Грязнова.

Хотелось уточнить, какие из грузов дивизии двигать в первую очередь. Конечно, все можно было узнать в дивизионных штабах. Но какой девятнадцатилетний комиссар тех лет упустил бы благовидный предлог, чтобы побывать на передовых позициях дивизии, которая вот-вот, с минуты на минуту, должна открыть решительные действия против последнего оплота белогвардейщины!

Попутными средствами быстро добрался до станции Сальково, что к северу от Чонгарского полуострова, а утром был уже в окопах северо-западнее станции Чонгар. Белые открыли артиллерийский огонь, наши тоже постреливали, но скупо. Пришлось забраться в окопчик — снаряды ложились близко. Хорошо, что догадался набить карманы папиросами и махоркой,— я еще не курил и мог все «табачное довольствие» раздавать. После первых жадных затяжек люди становились гостеприимнее и разговорчивее.

Все вопросы вертелись вокруг одного: когда начнется наступление, или, как выражались красноармейцы, «будем его кончать». В исходе наступления не сомневался никто; нельзя было заметить признака неуверенности или колебания. В этом не было ни бравады, ни задора, только нетерпение: скорей бы.

Никто из красноармейцев не говорил о белой армии, о силе ее артиллерии, об укрепленных рубежах. Все понимали: раз удалось загнать врага в угол, можно и должно добить его.

Так, беседуя с людьми, перебирался я из окопа в окоп, стараясь приблизиться к переднему краю, чтобы хотя бы в бинокль рассмотреть неприступные, как утверждали белые, французские блиндажи. И вдруг на командном пункте батальона встретил знакомого командира, который доверительно и сокрушенно поведал потрясающую новость: получена новая директива, план операции меняется коренным образом, здесь наступления в ближайшие дни не будет, его начнут соединения 6-й армии — правый фланг фронта. Поначалу весть показалась невероятной. Но я знал командира, это был серьезный человек, о приказе он слышал лично от наштадива час тому назад.

Сообщение ошеломило и расстроило меня. Что могло произойти? Как войска наши пойдут по Сивашу, по воде?.. Так или иначе, в такой момент я обязан находиться на своем посту, а не по-мальчишески носиться невесть где... Наскоро похлебав у гостеприимного комбата щей с воблой, я в сопровождении его ординарца двинулся назад...

До «штаба» полевого отдела управления военных сообщений 4-й армии, разместившегося в заурядной теплушке с нарами, но с канцелярским столом, телефоном и электролампочкой, я ехал часов шесть. И здесь меня сразу

[redacted].

захватил водоворот событий и забот, возникающих в армейской жизни всегда, когда начинается внезапная перегруппировка.

Быстро ознакомился с ворохом поступивших депеш, с изменениями на линии. Стало ясно, что необходимо немедленно отправляться в Мелитополь, где находилось мое непосредственное начальство, ознакомиться с оперативным приказом в подробностях, чтобы действовать сознательно, с полной мерой ответственности.

Так начались дни и ночи, полные неповторимого напряжения, десять дней, которые вторично потрясли мир, поразили человечество: плохо одетые, худо обутые, полуголодные войска, руководимые М. В. Фрунзе — профессиональным революционером, бывшим каторжанином, разгромили отборную, прекрасно вооруженную и богато оснащенную армию, обоpонявшуюся в первоклассной крепости. Да, именно десять дней! В ночь с седьмого на восьмое ноября соляр из Строгановки Иван Иванович Оленчук повел вброд через Сиваш первую штурмовую колонну, а 17-го взята была Ялта, последнее прибежище белогвардейщины в Крыму. Ровно десять суток.

В один из дней тяжелых боев на Перекопе, когда судьба наступления качалась на весах грядущего, я под вечер где-то встретил Николая Владимировича Куйбышева, начальника 9-й дивизии, отличившейся в октябрьских боях против Врангеля и ныне дислоцированной на подступах к Арабатской стрелке, на левом фланге фронта. По начальному плану наступления его дивизии предстояло сыграть выдающуюся роль. Мы были знакомы, и я пригласил начдива выпить чаю.

Весело потрескивали дрова в чугунной печурке. Николай Владимирович явно устал, он скинул шинель и старался возможно уютнее устроиться за столом. Я разогревал консервы, резал хлеб и тарань — угощение по тем временам вполне изрядное,— искоса изучая гостя, известного прославленного начдива, брата очень популярного в партии, близкого соратника Ленина Валериана Владимировича Куйбышева.

Николай Владимирович был среднего роста, что называется, ладно скроенный, крепко сшитый, с лицом привлекательным и мужественным. Спустя годы, когда я стал встречаться с В. П. Чкаловым, почему-то неизменно вспоминал Николая Владимировича. И внешне они были схожи — ста́тью, что ли, повадкой — и внутренне: глубокий природный ум, самостоятельность и острота суждений, упрямая неуступчивость, принципиальность во всем, что казалось важным...

Но тогда, в теплушке, меня больше всего интересовало мнение осведомленного и опытного военачальника о текущих событиях, в частности о причинах, побудивших командование столь решительно изменить план наступления. Возможно, я несколько прямолинейно спросил, не кажется ли ему странным столь внезапное изменение плана, нет ли тут какой-либо поспешности. Николай Владимирович ответил неожиданно горячо:

— Вы просто недостаточно знакомы с обстоятельствами. Ведь мы рассчитывали на содействие наших боевых судов. Теперь они надолго вмерзли в портовые льды. Начинать на левом фланге невозможно: нас смела бы судовая артиллерия врангелевцев. Решение командования смелое, мудрое, а действия отличаются энергией и настойчивостью.

И добавил уже с улыбкой:

— Неужели вы думаете, будто командующий не знает истории маневра фельдмаршала Ласси?! Да у меня каждый комвзвода спросонья расскажет в подробностях, как русская армия в 1737 году вторглась в Крым обходом по Арабатской стрелке, пока турки дожидались ее на Перекопе. А Фрунзе — образованнейший человек и прирожденный военачальник. И он знает много такого, о чем мы с вами представления не имеем...

Мы продолжали мирное чаепитие, обмениваясь малозначительными репликами на разные темы армейской жизни. Но бес противоречия с юных лет сидел во мне слишком крепко. И даже такт хозяина дома не удержал от попытки задеть самолюбие командира и понудить его высказаться откровеннее.

— Все это верно, я, конечно, убежден — все пойдет хорошо. Крым в конце концов возьмем, Врангеля победим. Но 4-я армия-то останется при пиковом интересе. Лавры победы достанутся 6-й армии и ее начдивам, это как же?

Лицо Николая Владимировича как бы сразу окаменело, скулы сжались. Он прервал меня резко, жестко:

— Слушайте! О чем вы говорите! Речь идет о судьбе всей войны, о судьбе революции! Какие тут лавры, что за чепуха! Вы или не знаете, или совершенно не понимаете плана командования. Разве когда-нибудь серьезно дерутся одной рукой? Или вы полагаете, что Врангель капитулирует после первой нашей атаки? Еще немало крови придется пролить и 4-й армии, немало жизней мы потеряем. Ну, спасибо за чай. Грузы дивизиям подавайте скорей! Живы будем — в Крыму встретимся. Не провожайте,— сказал он, натягивая шинель,— меня ждут, будьте здоровы.

Он пожал мне руку и выпрыгнул из вагона.

А через сутки или двое — не помню точно, когда была беседа с Куйбышевым,— в бой вступила 4-я армия, атаковав в ночь с 10 на 11 ноября мощные укрепления Чонгара. Тут уже наступила такая лихорадочная пора, когда теряется ощущение дня и ночи и собственное существование становится иллюзорным. Я носился между станциями — на паровозах, дрезинах, верхом,— бегал от депо к эшелонам, от телеграфного аппарата к телефонному, докладывал, приказывал, спорил, просил, умолял, грозил... Не помню, где и когда я ел в течение этих дней и ночей. Знаю твердо: не спал. Во всяком случае, не спал в своей теплушке; может быть, дремал у телеграфного аппарата, может быть, засыпал на дубовой железнодорожной скамье у начальника депо, пока готовили паровоз под сверхсрочный состав, или у начальника станции, пока перестраивался столь же срочный эшелон. Может быть, но не уверен.

До сознания доходили разные сообщения, которые одни могли поддерживать бодрость в эти лихорадочные дни и ночи: то мы наконец после трех безуспешных атак взяли Турецкий вал, то, преодолев мощные укрепления, захватили Тюп-Джанкой и вырвались на оперативный простор... Особенно радостно прозвучала весть о взятии Джанкоя. Значит, уже позади топкий Сиваш, колючие траншеи Чонгара и Ишуня... И все же казалось, что войны впереди немало и надо как можно скорее продвигать боепитание, продовольствие, фураж, санитарные поезда, вывозить составы с ранеными, больными. Появились сыпнотифозные. Каждый вагон с больными, застрявший на путях, щемил сердце. Все надо двигать — на север, на юг...

Надо, надо... И только ночью пятнадцатого, когда я узнал, что части Блюхера и 1-й Конной заняли Севастополь, а Куйбышев, поддержанный конниками, с боем овладел Феодосией, я направился к теплушке с твердым намерением спать по меньшей мере двое суток.

Наверное, я шатался, когда добрался до вагона. Кто-то предупредительно подал мне хлеба и банку горячих мясных консервов. На чугунной печке сердитым паром исходил чайник. Я махнул рукой и двинулся к нарам, на ходу сбрасывая шинель. И услышал неожиданное:

— Товарищ военком, тут важный приказ.

В управлении так меня называли редко. Старшие по званию, пользуясь преимуществом возраста, с глазу на глаз говорили просто: «Володя». Иногда называли по фамилии. Сейчас «товарищ военком» прозвучало торжественно, даже грозно. Мне протянули телеграфный бланк. Но я, кажется, ничего не мог прочитать — глаза слипались.

Тогда товарищ потряс меня за плечо, сказал тихо и внушительно:

— Пожалуйста, очнитесь. Умойтесь, поешьте и ознакомьтесь с телеграммой.

С трудом преодолев сонную одурь, я умылся. Только после этого я мог отчетливо рассмотреть и постичь содержание депеши.

ПОЛЕУПВОСО 4 ВОЕНКОМУ МЛЕЧИНУ НАШТАЮЖ ПРИКАЗАЛ датч КРЫМУ РАЙОНЕ СТАНЦИЙ ТАГАНАШ ДЖАНКОЙ СФОРМИРОВАТЬ ПОЕЗД СОСТАВЕ ТРЕХ КЛАССНЫХ зпт ТРЕХ КРЫТЫХ зпт ПЯТИ ПЛАТФОРМ зпт ОБЕСПЕЧИТЬ ИСПРАВНЫМ ПАРОВОЗОМ зпт ТОПЛИВОМ ДО СИМФЕРОПОЛЯ тчк СОСТАВ ПОДАТЬ ДЕВЯТЬ НОЛЬ НОЛЬ ШЕСТНАДЦАТОГО НОЯБРЯ КРЫМСКОЙ СТОРОНЫ ВЗОРВАННОГО МОСТА тчк НАЧВОСО 4 И ВОЕНКОМ КОЧЕРГИН

Трижды, может, четырежды перечитывал я телеграмму. Что за наваждение! Где к утру взять целый состав, да еще с классными вагонами и горячим паровозом? Что это, Харьков или хотя бы Мелитополь? Это ведь Крым, где еще полыхает война! Наверное, станции в руинах, железнодорожники попрятались или вовсе разбежались. А если даже они на месте, как собрать за ночь целый поезд? Крытые — так на профессиональном языке именовались товарные вагоны — и платформы, возможно, найдем. Но классные... Я хорошо знал повадку врангелевцев. Они либо угоняли, либо сжигали подвижной состав...

Меня заставили поесть, выпить чаю.

Я стал постигать, что задача, которую мне предстоит решить в течение ближайших часов, содержит слишком много неизвестных. А раз так, гадать бесполезно да и сокрушаться преждевременно. Надо действовать, а там будет видно.

Со всей поспешностью я направился к станционному зданию, чтобы распорядиться насчет дрезины. На всякий случай адресовал начальникам станций Сиваш, Таганаш и Джанкой приказ командования. Телеграмма была составлена в таких выражениях, чтобы и флегматик действовал энергично и расторопно. Но существует ли реальный адресат?..

Не прошло и получаса, как мы неслись к Чонгарскому полуострову. «Неслись» надо, разумеется, понимать с поправкой на темпы тех времен, когда главным средством передвижения, помимо железных дорог, оставалась лошадь. Но мы сил не жалели, и дрезина катилась лихо.

Так мы добрались до полустанка чуть севернее взорванного моста. Сразу удалось связаться с Крымом. Со станции Сиваш дали самые обнадеживающие сведения: персонал и администрация на месте, исправные локомотивы имеются и в Таганаше и в Дасанке.

Теперь предстояло двигаться дальше по способу пешего хождения: идти по мосту, потом по дамбе и далее по путям Крыма. Нельзя сказать, чтобы перспектива эта меня воодушевила. На дрезине нас было трое, был огонь — пусть скудный железнодорожный фонарик. Теперь предстоит пробираться по шпалам в полном одиночестве и в кромешной ноябрьской тьме.

Кто ходил по шпалам, знает, как это неудобно, как утомительно: нельзя шагать ритмично, мерно — шпалы разные, интервалы тоже различные. Но одно дело — ходить по «мирным» шпалам, другое — ночью, по неведомой земле: адская темень, с двух сторон вода, вязкая, соленая, а впереди всякие страхи — «белые», «зеленые», «черные». Крым был наводнен различным сбродом.

Я пошел, стараясь не думать о возможных встречах. Только правая рука инстинктивно сжимала рукоятку пистолета.

Сколько я отшагал? Километр, два, пять? Скорей почувствовал, чем увидел, мелькнувший впереди слабый свет. Это могли быть только огни станции. Подтвердилось: станция работает, персонал на месте, приказ получен; работает Таганаш и Джанкой, паровоз будет, имеются хорошо оборудованные и дезинфицированные теплушки, но есть только один пассажирский вагон, да и то третьего класса, правда, в хорошем состоянии. Туда направлен проводник, который «продраит весь вагон» и запасется топливом.

Тут я впервые спросил себя, для кого, собственно, предназначен состав. Подумай я хоть мгновение, что прибудет лично командующий фронтом, да еще с членом Реввоенсовета Республики, да с новым крымским правительством во главе с очень популярным тогда Бела Куном, я наверняка помчался бы в Симферополь искать вагоны первого и второго класса. Но подобная мысль, откровенно говоря, мне и в голову не приходила. Должно быть, решил я, какая-нибудь комиссия из штаба фронта или из Москвы.

Мысль о командующем не возникла по естественной причине: я был уверен, что после нечеловечески напряженных и бессонных ночей наступления он обязательно отсыпается — человек не из железа. Я считал, что он в Харькове, а там, ясно, отдыхает: что еще делать в глубоком тылу, когда война почти окончена?..

На лавке в комнате дежурного я заснул, точно провалился в небытие. Сколько я проспал? Долго трясли меня, прежде чем я сообразил, что состав готов и можно ехать.

Когда поезд подошел к взорванному мосту, начиналось ясное осеннее утро. Я увидел неколебимую гладь воды и горы сверкающей соли. Правильными громадами конусов они высились справа и слева. Кристаллы соли играли, искрились на солнце, соляные холмы отражались в воде, и все — вода, небо, соль — меняло краски по мере того, как подымалось солнце и прибавляло повсюду крепких румян. Даже бесчисленные воронки из-под снарядов не казались более столь зловещими.

Как будто впервые смотрел я на эту волшебную картину. То ли прежде я видел этот перламутровый лунный пейзаж лишь под пасмурным небом, то ли отвлекала обстановка, страшные следы боев, но впервые ощутил я дыхание мирного неба над соляными вулканами, впервые подумал о том, что хорошо бы эту красоту погрузить в вагоны и отправить «в Россию», где порой пекли хлеб без соли и глотали несоленую затируху. Сразу подумалось о вагонах и паровозах, загнанных на юг белыми, о том, что скорей надо ехать к штабу армии, в Мелитополь, где есть связь со всей Южной и Донецкой железными дорогами, убедить начальство приступить к отгрузке угля, чтобы оживить паровозы, и гнать на север соль, соль, соль...

Я медленно брел по Сивашскому мосту, на который несколько часов назад ступил с таким душевным трепетом, всматривался в шпальные клетки, сооруженные нашими саперами под вражеским огнем. Отсюда всего несколько суток назад доблестные воины 30-й Иркутской дивизии бросились в последнюю атаку укрепленных рубежей врангелевской армии.

Вдруг со стороны Крыма на дамбу двинулись люди. Вернулся я к поезду, уселся на ступеньках классного вагона и стал смотреть. Вскоре понял: шли пленные, иногда небольшими группами — по три, по пять человек,— без всякого сопровождения, потом появилась толпа, человек в пятьдесят, сопровождаемая двумя красноармейцами. Вскоре пленные приблизились, и я мог рассмотреть их. Все почти были в английских шинелях, некоторые в меховых безрукавках, погоны у всех спороты. Лица небритые, простые, крестьянские, но сытые, отнюдь не изможденные, все старше тридцати — тридцати пяти лет, много усатых и чубатых, явно казаки, хотя ни на ком лампасов не было и фуражки общеармейские — успели сменить. Все были хорошо обуты в добротные сапоги или иноземные ботинки с обмотками.

Отдаленный гул приближающегося поезда побудил меня двинуться к платформе. Кто все-таки едет? Точно приветствуя прибывающих, над станцией, над всем Сивашем поднималось по-летнему яркое, почти горячее солнце.

Скоро поезд приблизился настолько, что можно было отчетливо рассмотреть прекрасный пассажирский локомотив, сверкающие свежей краской четырехосные вагоны с большими зеркальными стеклами. В хвосте поезда виднелось несколько товарных вагонов.

Поезд плавно подошел к станции. Из вагонов вышли одетые в форму проводники и стали у подножек. Потом начали спускаться командиры — у кого четыре, у кого три ромба. Я не заметил, из какого вагона вышел командир, который показался мне странно знакомым. Он был в длинном мундире кавалерийского образца, с большой звездой на рукаве и в фуражке. Удивила меня шашка на ремне через плечо: советские высшие командиры редко носили шашки. Я подошел поближе, и сразу меня пронзило: да это Фрунзе! Михаил Васильевич Фрунзе!

Этого человека всегда окружала легенда. Как жестоко ни расправлялась царская юстиция с революционерами, все же редко кому доводилось быть приговоренным к смертной казни дважды. Именно товарищу Арсению — вожаку иваново-вознесенских пролетариев — судьба уготовила такие тяжкие испытания.

Восточный поход Фрунзе — поразительно искусный и стремительный разгром среднеазиатской контрреволюции — предшествовал его появлению на Южном фронте. Впереди Михаила Васильевича шла и слава и легенда. Умножалась слава, обогащалась легенда. Едва он приехал, начались мощные удары по натренированным врангелевским войскам, удары, которые завершились полной ликвидацией самого опасного логова белого движения. Фрунзе в это время было 35 лет.

Пока я, как завороженный, разглядывал командующего, из вагонов вышли и другие пассажиры. Внезапно увидел я длинное, бледное лицо Смилги, члена Реввоенсовета Республики — высшего военного органа страны. Потом я разглядел еще несколько известных мне лиц: бывшего главу венгерского советского правительства, теперь члена Военного совета Южного фронта Бела Куна и начальника Политотдела фронта Розалию Самойловну Землячку, всегда пользовавшуюся в партии известностью и уважением. Тут же оказалось несколько известных мне работников полевого отдела штаба 4-й армии. Как разместятся все они в одном вагоне, кому доложить об исполненном, вернее, отчасти исполненном, приказе? Я растерялся.

Всеобщее внимание привлекли лошади, которых стали по трапам выводить из крытых вагонов. Туда подошел и Михаил Васильевич. Знакомый командир из полевого штаба 4-й армии шепнул мне, что лошади привезены из Туркестана, все они чистейших кровей. Лошади действительно были великолепны.

Два конюха осторожно вывели совсем молодую кобылу прекрасной золотистой масти. Лошадь не шла, она танцевала, гарцевала легко, грациозно, пугливо озираясь огромными блестящими глазами,— казалось, в ней вибрирует каждый нерв.

И тут мелькнула мысль, от которой я, наверное, покраснел: «Вот для кого «крытые»— для лошадей! А платформы — для фуража! А я пригнал оборудованные теплушки, как будто лошадям нужны нары и чугунные печи. Ах, простофиля, простофиля! Поистине, заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет. То-то будут смеяться надо мной...»

Настроение сразу испортилось. Не взыскания я испугался — в те времена об этом вообще не думали. Угнетало смешное положение, в какое я попал: «Фрунзе и Бела Куну удружил — вагон третьего класса предоставил, лошадям — теплушки с нарами, да еще дровишек велел подкинуть...»

Я уже равнодушно наблюдал за тем, как Фрунзе подвели оседланную лошадь, крупную, темно-гнедой масти, с мохнатыми ногами, как он, не торопясь, устроился в седле и шагом двинулся в сторону моста. За ним никто не последовал.

Я уныло побрел в том же направлении — к «своему» поезду, на который не мог уже смотреть без раздражения.

Горечь, однако, скоро выветрилась: ликующий день, радостные вести с фронта, оживленные лица приехавших не способствовали длительной меланхолии. Да и чуждо было это состояние моему характеру. Мысли вновь вернулись к Фрунзе, который мерно, шагом ехал по дамбе.

«Что это за человек?—думал я.—Вот он медленно едет, точно с прогулки, будто не он, а кто-то другой вчера еще, третьего дня держал на плечах страшное бремя ответственности за исход сражения, от которого, может быть, зависела судьба революции и, разумеется, жизнь десятков и десятков тысяч людей, готовых по его приказу, нет, по взгляду, кинуться в огонь и в воду! Не в переносном смысле — они действительно бросались в стылую и вязкую грязь Гнилого моря, шли под шквальным огнем. Что должен был пережить этот человек, когда ему доложили, что ветер переменился, вода в Сиваше прибывает, вот-вот под воду уйдут броды, и дивизии, с таким трудом оседлавшие плацдарм на Литовском полуострове, окажутся отрезанными и будут обречены на уничтожение!

Ветер гнал воду обратно в Сиваш. В два часа утра в Строгановку пришла 7-я кавалерийская дивизия. Фрунзе немедленно направил ее в Сиваш. Такой же приказ отдал он махновскому «командарму» Каретникову. Была ли у Михаила Васильевича уверенность в том, что приказ будет выполнен? Кто знает! Дважды махновские вожаки уходили совещаться. Какая нужна была выдержка, какая душевная сила, чтобы в этих условиях сохранить хладнокровие, остаться хозяином положения: махновцам нетрудно было уничтожить охрану штаба дивизии и самого командующего. Но Фрунзе холодно и жестко повторил приказ, как будто мог в любую минуту расправиться с ослушниками. Махновцы двинулись в бой.

Какие нервы, какое сердце нужны были, чтобы выслушать донесение о том, что атаки на Турецкий вал отбиты, что наступающие понесли тяжелые потери и залегли, прижатые к земле смертоносным огнем!

Сколько горьких минут выпало на долю Фрунзе уже с первых дней подготовки операции! Ведь поначалу он планировал ударить левым флангом: исторические дороги войны вели в Крым через Арабатскую стрелку вдоль устья реки Салгир. Не случайно, надо думать, там сосредоточилась 9-я дивизия Куйбышева, а рядом, на Чонгарском полуострове,— 30-я Иркутская Грязнова, одно из самых мощных соединений фронта: к началу наступления в дивизии было пять тысяч коммунистов!

Фрунзе упорствовать не стал. Он хорошо и своевременно учел совет Ленина: изучить броды на Сиваше. И оказался готовым быстро перестроиться и осуществить новый план — ударить сначала силами 6-й армии через Сиваш. Он точно выбрал день и час, когда надо было ввести в бой и дивизии 4-й армии, чтобы добиться уже не перелома, нет, полного разгрома врага!.. И вот прошло всего четверо суток с начала боев на Чонгаре, и Крым свободен, Фрунзе едет в крымскую столицу, и его сопровождают члены крымского правительства во главе с Бела Куном...»

С этими мыслями я уже бодрее шел за Фрунзе, который так же неторопливо доехал до обрывистого берега, господствовавшего над всем Чонгарским полуостровом. Здесь он довольно долго всматривался в окружающий пейзаж.

Стал и я пристальней разглядывать эти страшные сооружения. Шесть рядов траншей! Впереди каждого — колючая проволока в три, четыре кола... Отличные блиндажи, хорошо укрытые артиллерийские позиции, пулеметные гнезда, волчьи ямы... Как было трудно добраться сюда по дамбе шириною в семь-восемь метров, насквозь простреливаемой всеми видами огня, охраняемой вдобавок хорошо вооруженными бронепоездами!..

Спустя более полутора десятилетий случилось мне рассказать о встрече с Фрунзе одному из главных героев Перекопской эпопеи — Василию Константиновичу Блюхеру.

Прославленный военачальник любил театр, литературу. Я не удивился, встретив его в театре Мейерхольда.

Василий Константинович расспрашивал о новинках сезона, о новых писателях и драматургах, о видных актерах. Я, естественно, интересовался делами на Дальнем Востоке, спрашивал, будет ли Япония воевать против нас, потом заговорили о далеком прошлом. Василий Константинович вспоминал осеннюю кампанию 1920 года, подробности штурма Турецкого вала.

Я спросил Василия Константиновича, какой момент в ходе наступления на Перекоп он считает самым острым, самым тяжелым.

— Тяжелее всего было, конечно, после того, как наша третья атака на Турецкий вал захлебнулась. Но не этот момент был самым критическим. Опасным, критическим был момент, когда врангелевцы навалились на фланг 6-й армии и даже добились тактических успехов. К счастью, командование фронта оказалось на высоте. Фрунзе исключительно точно определил начало действий на Чонгаре. Начни Грязнов на сутки раньше, может статься, белые успели бы сманеврировать, начни позже — бог ведает, сколько крови пришлось бы нам пролить, чтобы сломить сопротивление в направлении главного удара. Стремительный натиск 30-й дивизии психологически потряс противника. Белые на Ишуни испугались обхода со стороны Чонгара, на Чонгаре — обхода с запада. А когда солдат во время боя начинает поглядывать назад, дела плохи. Вооб-

ще Михаил Васильевич, мне кажется, был тончайшим психологом. При этом достаточно изобретательным, чтобы найти средства, воздействующие на психологию окружающих.

— Вы имеете в виду что-нибудь конкретное?

— Примеров много. Вспомните, как он стимулировал наступательный порыв Грязнова и его командиров. Не помню точно тех слов, которые Михаил Васильевич сказал тогда командарму 4 Лазаревичу в присутствии Грязнова и комиссара дивизии, но смысл был такой, что, если 30-я дивизия замешкается, соединения 6-й армии вместе с конниками сами выйдут на оперативный простор. Грязнов, говорили мне, даже побледнел. Вместе с комиссаром они бросились к своим частям.

— Фрунзе сыграл на самолюбии, на тщеславии, так сказать?

— Э, нет. Это примитивно. Всякий, не говорю уже о таких опытных и проницательных командирах, как Лазаревич и Грязнов, понимал, конечно, что перешеек — рубеж, решающий исход гражданской войны. Открывалась, можно сказать, новая страница истории. Как быть дивизии, которая столько готовилась, жила мыслью о разгроме Врангеля, стремлением первой нанести сокрушительный удар! Ни бойцы, ни тем более командиры не простили бы начдиву, случись им оказаться вне борьбы. Иногда кровь пролить — великая честь. Да вы и сами знаете, как были воодушевлены войска. Ведь старались не уходить с самых тяжелых участков, даже когда поступал приказ о перегруппировке! Нет, они сами возьмут линию окопов или укрепленный пункт! Михаил Васильевич прекрасно знал настроение людей...

Когда Фрунзе приблизился к подготовленному составу, я вдруг решил: доложу командующему лично. Уж если виниться, лучше перед ним. Я козырнул, попросил разрешения доложить.

— Докладывайте. Только стойте вольно.

Я назвал себя, доложил, что состав подан, но пассажирский вагон единственный, да и то третьего класса.

Михаил Васильевич выслушал и сказал:

— Что же, в тесноте, да не в обиде, доедем.— И так как я механически продолжал держать руку у фуражки, повторил: — Стойте вольно.

— Еще есть теплушки, товарищ командующий, с нарами и печами.

— Вы уже сказали. Но зачем? Не в Сибирь собрались. Вполне разместимся и в классном.

— Тогда разберем нары, товарищ командующий, и перевезем лошадей.

— Не надо. Лошадей пока оставим здесь, им будет вольготней. И так застоялись, пусть погуляют.

Посмотрев на меня, Фрунзе едва заметно усмехнулся и спросил:

— Сколько вам лет?

— Девят... Двадцать, товарищ командующий!

Фрунзе уловил заминку.

— Исполнилось?— спросил он.

— Нет еще, будет в сентябре.

— Значит, девятнадцать. А что делали до армии?

— Учился, работал.

— Где учились?

— Перед польским походом поступил в Московское Высшее техническое училище.

— А работали где?

— На военном строительстве в Карачеве, под Орлом.

— Что там строили?

— Госпитальный городок и помещения для кавалерийской дивизии.

— Что вы там делали?

— Был чертежником, потом сметчиком, а под конец старшим десятником.

— В армию попали по призыву?

— Нет, товарищ командующий, добровольно.

— Что намерены делать после войны, об этом думали?

— Наверное, учиться, если можно будет. В МВТУ.

— А в армии остаться не хотите? Пойдете в академию...

— Так ведь война кончается, товарищ командующий...

— И больше войн не будет?

— Не знаю, товарищ командующий.

— И никто наверняка не знает. Полагаю, однако, что на ваш век войны хватит. Передышку мы, пожалуй, завоевали, а надолго ли, сказать трудно. Между тем образованных командиров, особенно большевиков, у нас мало. Так что, ежели склонность есть, идите в военную академию. Можно стать и военным инженером, у нас их не хватает. Врангелю вот консультировали французы. Смотрели укрепления?

— Смотрел, товарищ командующий. Страшные укрепления.

— Страшные? Пожалуй! А вот взяли ведь!

— Как же иначе!— бодро воскликнул я.

— Всяко бывает, военком,— усмехнулся Фрунзе. Вдруг лицо его посуровело.— Кстати, о вагонах. Ведь в Крыму их должно быть немало. Какие сведения об этом в Упвосо 4?

— Начвосо говорил, что в южных портах,

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ

А. СОФРОНОВ

Да, вот уже и прошло четверть века, как закончилась Сталинградская битва и мы торжественно отметили эту героическую дату. Собственно говоря, 1968 год — это год многих четвертьвековых праздников нашей воинской доблести. 1943 год, начавшийся с апофеоза Сталинградской битвы, весь отмечен победами Советской Армии. Когда прозвучал последний выстрел над заледеневшей Волгой, эхо его долго еще отдавалось по всей земле, а вместе с эхом откатывалась к западу немецко-фашистская армия. Откатывалась не по щучьему велению, а в результате героического напряжения фронта и тыла, в результате все более растущего наступательного движения Советской Армии, осуществлявшегося стратегическим планом Ставки. Вслед за Сталинградом были освобождены Краснодар и Ростов. В середине лета 1943 года разыгралась эпическая битва на Курской дуге. Осень 1943 года была ознаменована освобождением Новороссийска и окончанием сражения за Кавказ. Накануне 26-й годовщины Октября освобождена столица Украины Киев. Наши войска настойчиво теснили немецко-фашистскую армаду к пределам государственной границы Советского Союза.

В победной летописи Великой Отечественной войны битва за Кавказ занимает особое, почетное место, к сожалению, до последнего времени недостаточно отраженное в литературе о войне 1941—1945 годов. Поэтому такой несомненно ценной, глубокой по анализу военных операций и всесторонней по охвату событий, сопутствовавших данному периоду войны (весна 1942 года — осень 1943 года), является книга Маршала Советского Союза А. А. Гречко «Битва за Кавказ».

Будучи военным корреспондентом газеты «Известия», значительное количество времени я находился в этот период на южных участках фронта и многому, о чем сжато, по-военному точно написано в книге А. А. Гречко, являлся свидетелем. Будешь жить и всегда будешь помнить сентябрьское утро 1943 года, когда наши воины штурмом овладели Новороссийском. Мы провожали ночью разнокалиберные десантные корабли с морской пехотой, которые вслед за ударом торпедных катеров должны были проскочить в бреши разорванного нашими торпедами бонового заграждения, установленного немцами в Цемесской бухте. Проводили, а сами в машинах помчались к высотам, главенствующим у Черного моря над Новороссийском, чтобы своими глазами увидеть ход операции, которая должна была развиваться и с моря, и с суши, со стороны Мысхако — героической Малой земли, и со стороны цементного завода «Октябрь», где закрепились еще осенью 1942 года наши войска, не дав возможности немецким оккупантам прорваться на побережье, ведущее к Туапсе, Сочи и дальше к Абхазии и Грузии.

Мы наблюдали эту операцию и вместе с войсками вошли в разрушенный, дымящийся в развалинах Новороссийск, город, на камнях которого немецкая военная машина потерпела одну из самых существенных катастроф последней войны.

Какие же цели преследовал Гитлер и командование немецко-фашистской армии, перенеся в 1942 году основной удар на южные участки фронта и сосредоточив там свои главные силы?

В мемуарной литературе, появившейся после войны, различные битые фашистские полководцы и вынужденные объяснить историю историки утверждали, что Гитлер преследовал в основном экономические цели. Так, немецкий генерал Гюнтер Блюментрит писал: «Гитлер подходил к войне с чисто экономических позиций. Он хотел завладеть богатой хлебом Украиной, индустриальным Донецким бассейном, а затем и кавказской нефтью». Но это явно односторонняя оценка. Генерал Цейтцлер уже «расширяет» обоснование южного варианта: «Если бы немецкая армия смогла форсировать Волгу в районе Сталинграда и таким образом перерезать основную русскую коммуникационную линию, иду-

---

Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Битва за Кавказ. Военное издательство Министерства обороны СССР. 1967.

особенно в Севастополе, много вагонов и паровозов.

— Вот это важно, паровозы нам очень нужны... Нам бы соль отсюда начать грузить.

— Если белые не уничтожили подвижной состав.

— В Севастополе, пожалуй, не успели.

— Нам бы, товарищ командующий, угля!

— Да, и угля надо. И надо еще войну кончать, военком: Керчь не взята, в Ялте изрядная группировка белых. Они, конечно, обречены, но не надо благодушествовать. Будем двигаться в Симферополь.

— Состав под парами, товарищ командующий.

Я козырнул. Михаил Васильевич кивнул, дал лошади едва заметный посыл и поехал через мост, к своему поезду. А минут через двадцать через мост к единственному пассажирскому вагону потянулись группы людей.

Мы быстро проехали до Джанкоя. Погода стояла отменная, все высыпали из вагона. И сразу распространилась радостная весть: наши войска взяли Керчь. Об этом Михаил Васильевич тут же из Джанкоя доложил Ленину телеграммой:

«О п е р а т и в н а я
в н е о ч е р е д и
ПРЕДСОВНАРКОМ Т. ЛЕНИНУ
№ 0097/пш.

16 ноября 1920 г., ст. Джанкой

Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован.

Командюжфронта Фрунзе
ЧЛЕН РВ СОВЕТА БЕЛА КУН»

Все пассажиры устроились довольно уютно. И свободного места оказалось много.

Купе проводника заняли Михаил Васильевич, Смилга, Бела Кун, адъютант командующего, кажется, еще кто-то, не помню, кто именно.

Я остановился у открытой двери купе и довольно бесцеремонно стал рассматривать едущих. В это время принесли обед. И должен признать, обед начисто испортил мне приподнятое настроение и сильно притушил в моих глазах ореол величия, который до того ярко сверкал вокруг пассажиров «отдельного» купе.

И всему виной была... рисовая каша. Да еще нарзан. Что такое нарзан, я тогда не знал. По непривычному характеру букв на этикетках я решил, что это экзотический, едва ли не заморский напиток, разумеется, спиртной, недоступный простым смертным и несовместимый с аскетическим кодексом.

Доконали меня котлеты с рисовой кашей, поданные после довольно жидкого супа. Зауярядные рубленые котлеты с обыкновенной кашей, сваренной на воде. В моем представлении котлеты вообще были символом непомерной роскоши. Да еще с рисовой кашей!

Мы, дети, очень любили рисовую кашу. Но давали нам ее редко, по большим праздникам. А здесь — нате вам, в обычный день, в будни — рисовая каша, котлеты! Это ли не разложение!

Мои меланхолические размышления прервал комендант поезда:

— Идите, военком, обедать.

Я было хотел огрызнуться, сказать, что к деликатесам не привык, но вовремя спохватился: в вагоне все обедали — кто хлебал суп из котелков, кто держал мисочки с теми же котлетами.

Проводник поставил передо мной судок с супом и изрядный кус черного хлеба. Есть я хотел чудовищно, так, как хочет есть девятнадцатилетний здоровый парень, изрядно намахавшийся рычагами дрезины, прошагавший за ночь добрых пятнадцать километров и не евший вдобавок больше двенадцати часов. Все этические проблемы мигом улетучились, я умял и суп, и хлеб, и котлеты с рисовой кашей и начал подумывать о том, чтобы из своего «неприкосновенного запаса» добавить к обеду одну из двух банок мясных консервов, которые в теплушке сунули мне на дорогу. Осуществить этот план я не успел: тут же, за столиком, заснул прежде, чем решил, есть или сохранить консервы про черный день...

Мне приснилось, будто поезд сошел с рельсов, вагон грохочет по шпалам и меня кидает то вверх и вниз, то справа налево. Я проснулся: проводник изо всех сил тормошил меня.

— Подъезжаем к Симферополю, пожалуйста, вставайте, гражданин товарищ!

— Разве я спал? — спросил я обалдело.

Кругом засмеялись.

Я бросился к выходу из вагона. Поезд шел уже по станционным путям, через минуту-другую подошел к вокзалу и остановился. Вслед за проводником я соскочил на платформу, чтобы напоследок проводить и приветствовать командующего.

На перроне прибывших ждали несколько командиров. Торжественная встреча готовилась, по-видимому, на привокзальной площади. Михаил Васильевич и все сопровождающие быстро проследовали к выходу...

щую с севера на юг, и если бы кавказская нефть пошла на удовлетворение военных потребностей Германии, то обстановка на Востоке была бы кардинальным образом изменена и наши надежды на благоприятный исход войны намного возросли бы». И дальше Цейтцлер свидетельствует: «Достигнув этих целей, он (Гитлер) хотел через Кавказ или другим путем послать высокоподвижные соединения в Индию».

Как видим, Цейтцлер, сменивший генерала Гальдера на посту начальника немецкого генерального штаба и, несомненно, являвшийся весьма осведомленным человеком, раскрывает более полно и более точно замыслы Гитлера. Кавказ для Гитлера, по его замыслам, являлся плацдармом для агрессии немецкого фашизма в страны Ближнего Востока и в Азию.

Как известно, в 1942 году положение на юге России для советских войск сложилось очень неблагоприятно. К тому времени была оккупирована вся Украина. Обладая численным превосходством в танках и авиации, имевших возможность свободного маневра в широких южных степях, при неподготовленности наших оборонительных рубежей, немецко-фашистские войска день за днем наращивали территориальный успех. В этих условиях для нас чрезвычайно важным являлось не только накапливание материальных резервов для ответного удара, но и воспитание у воинов чувства высокого патриотического долга, понимания всей ответственности, которая легла на защитников Кавказа. Вдохновляющим примером для этого служили разгром немцев под Москвой, под Тихвином, отдельные успехи на других участках фронта, героические подвиги солдат и офицеров. Книга «Битва за Кавказ» впервые систематизирует и героическую оборону Кавказа на разных ее направлениях и показывает, что победа на Кавказе являлась результатом глубоко продуманного плана Верховного Командования по разгрому немцев на этом, в ту пору оказавшемся центральным по значению участке фронта Великой Отечественной войны.

Если мы раньше знали только об отдельных операциях, словно бы не связанных друг с другом, то, ознакомившись с книгой А. А. Гречко, мы имеем возможность осмыслить широкий охват битвы на Кавказе.

Автор подробно рассказывает об обстановке, сложившейся на юге в эту пору, сообщает о материальных и людских резервах, сосредоточенных в районах Северо-Кавказского и Закавказского фронтов. Он не забывает ни военачальников, ни политработников, ни отдельных солдат, обеспечивших победу на Кавказе.

Книга делится на две части: «Оборона» и «Наступление».

Опьяненные успехами, фашистские войска рвались все дальше и дальше на Кавказ. Уже были захвачены ими Ростов, Армавир, Ставрополь, Краснодар... Положение стало чрезвычайно тяжелым. Наши войска откатывались все дальше на юг... Автор пишет в книге: «30 июля войскам был зачитан приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г.». В этом приказе подчеркивалась серьезность положения на фронте, указывалось на то, что «бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у Северного Кавказа, немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с нефтяными и другими богатствами». В приказе прямо говорилось: «Отступать дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад без приказа высшего командования. Таков призыв нашей Родины». Приказ И. В. Сталина имел огромное значение в укреплении политико-морального состояния воинов, в воспитании у них железной воинской дисциплины и упорства в обороне».

Страница за страницей книга раскрывает огромную панораму борьбы Советской Армии с немецко-фашистскими захватчиками. Бои на реке Кубань... Бои в районе Пашковской... Мужество бойцов 30-й Иркутской стрелковой дивизии под командованием полковника Б. Н. Аршинцева. Подвиги Азовской военной флотилии, принявшей сухопутную оборону Таманского полуострова... Бои на майкопском направлении... Героические подвиги 17-го кавалерийского корпуса, которым командовал генерал-майор Н. Я. Кириченко... Бои в горном рельефе в направлении Туапсе, куда противник рвался особенно рьяно, пытаясь захватить этот жизненно важный для Советской Армии порт и выйти в этом месте на побережье Черного моря... Подвиги моряков Черноморского флота, оборонявших восточное побережье Азовского моря от устья Дона до Темрюка...

Бои шли на Кавказе, в предгорьях Главного Кавказского хребта, а за этими боями пристально наблюдали во всем мире... Наблюдали в Турции, где генеральный штаб считал «вступление Турции в войну почти неизбежным». Оживилась профашистская деятельность в Иране... Япония открыто готовилась к вступлению в войну против Советского Союза... Отсутствие второго фронта, двоедушное отношение союзников — США и Англии к своему партнеру — СССР... Все это было. Было и стало историей, как бы ее ни подновляли и ни подкрашивали.

Верховное Главнокомандование нашей армии именно в это время разрабатывало конкретные мероприятия. На многие из них опирается автор книги, рассказывая о Кавказской битве, фронт которой протянулся на тысячу километров. Противник, имея четырехкратное преимущество в пехоте, семикратное в артиллерии и минометах и почти двойное в танках и штурмовых орудиях, подходил к Новороссийску...

Бои за Новороссийск приняли особенно ожесточенный характер. Бои шли в городе, в районе элеватора и цементных заводов «Пролетарий» и «Октябрь». Автор пишет: «У шоссе, что петляет по побережью Черного моря, на юго-восточной окраине Новороссийска есть священная реликвия Великой Отечественной войны. На высокий постамент, окруженный акациями, поднят обыкновенный железнодорожный вагон. Собственно, это уже не вагон, а лишь его железный остов, весь изрешеченный пулями, осколками... И ни куска дерева! На этом своеобразном памятнике надпись: «Здесь 11 сентября 1942 года доблестные воины частей Советской Армии и Черноморского флота преградили путь врагу на Кавказ, а через 360 дней во взаимодействии с морским десантом и частями с Малой земли начали штурм Новороссийска и 16 сентября 1943 года, разгромив фашистские войска, освободили город».

Да, многие тысячи людей с благоговением смотрят на изрешеченный каркас вагона, который, как легенда, высится в Новороссийске, не так уж и далеко от площади, на которой горит огонь Вечной славы и стоят постаменты погибшим в 1943 году Героям Советского Союза Цезарю Куникову и Николаю Сипягину.

Нелегким было и наступление советских войск на Северном Кавказе, начавшееся еще в сложных условиях южной зимы и закончившееся золотой осенью 1943 года, когда последний оккупант был сброшен с Таманского полуострова в Керченский пролив. К тому времени наше Верховное Главнокомандование накопило преимущество в наземной технике и авиации. Очередной гитлеровский план треснул по швам.

Помнится, бродили мы по только что оставленным немцами траншеям и блиндажам «Голубой линии» — мощного оборонительного рубежа, созданного противником для защиты Таманского плацдарма, который прикрывал пути отхода немецко-фашистских войск в Крым. Станица Молдаванская, Русский хутор... Железобетонные доты с броневыми колпаками... Обезвреженные густые минные поля... Все это было смято советскими войсками. «Голубая линия» была прорвана...

В книге дается подробный анализ и заключительного этапа битвы за Кавказ. Добавим, что автор книги, в ту пору генерал-лейтенант А. А. Гречко, командовал 56-й армией, сыгравшей наряду с 18-й армией, которой командовал во время штурма Новороссийска К. Н. Леселидзе, одну из решающих ролей битвы за Кавказ.

С чувством благодарности к автору закрываешь эту значительную книгу. И думаешь, как мы мало знали до сих пор об этой героической почти двухгодовой эпопее, связанной с защитой нашего Отечества на землях и в горах Северного Кавказа.

«С РЕЦЕПТОМ В РУКАХ»

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

Репортаж под таким заголовком был напечатан в журнале «Огонек» № 2 за 1967 год, а в № 21 были опубликованы отклики на этот репортаж. В обоих наших выступлениях говорилось главным образом о нехватке ряда лекарств, из-за чего рецепт в руках больного порой остается пустой бумажкой.

Как известно, почти всюду выпуск лекарств сдерживается недостаточными поставками химического сырья. Корреспондент «Огонька» попросил заместителя министра химической промышленности СССР Г. Уварова рассказать о том, что предпринимается для обеспечения сырьем заводов и фабрик, вырабатывающих медикаменты.

●

— «Огонек» в своем выступлении «С рецептом в руках» поднял важный вопрос. Мы, химики, действительно в большом долгу перед медицинской промышленностью. Так, в 1966 году мы дали ей только семь из девяти запланированных новых химикатов. В 1967 году обязались дать еще шесть видов химических продуктов, но удалось освоить лишь три из них.

Возрастающая наша задолженность вызвана преимущественно тем, что пока еще отстает развитие производственных мощностей. Где выход? Решено в ближайшие три года построить и ввести в эксплуатацию десятки специализированных цехов, которые будут давать сырье для фармацевтической промышленности.

Что даст сооружение этих цехов? Уже в 1968 году мы сможем более полно удовлетворить спрос на химикаты, из которых вырабатывают анальгин, пирамидон, антипирин. Еще через год в основном покончим с нехваткой химического сырья для препаратов, необходимых при лечении психических недугов. В 1970 году будет достаточно и химикатов, идущих на изготовление лекарств против сердечно-сосудистых заболеваний.

Стоит коснуться и некоторых серьезных частностей.

Хлорсульфоновая кислота необходима для получения самых различных лекарств, но выпускается она в недостаточном количестве. В 1968 году мощности цехов, выпускающих ее, увеличатся в 1,5 раза, и мы, пожалуй, уже не будем ходить в должниках. В последующие годы поставки этой кислоты еще более возрастут.

Медицинской промышленности крайне необходим активированный уголь. Но для получения его требуется древесный уголь, а его нам дают весьма нерегулярно. Большим подспорьем может стать выработка активированного угля из дешевого лигнина на предприятиях Главного управления микробиологической промышленности при Совете Министров СССР. Сейчас этот вопрос находится в стадии разрешения.

Мощности предприятий, выпускающих муравьиную кислоту, мы увеличим не позднее 1968—1969 годов в три раза, а выпуск фенилметилпиразолона возрастет в четыре раза. Все это позволит расширить изготовление ряда лекарств.

Весной минувшего года было создано Министерство медицинской промышленности СССР. Это, конечно, самым положительным образом скажется на производстве медикаментов. Но ответственность с нас, химиков, отнюдь не снимается. Мы сделаем все необходимое, чтобы бесперебойно и планомерно выпускать химические продукты, которые требует от нас медицинская промышленность.

В заключение хочу отметить, что выступление журнала «Огонек» послужило хорошим катализатором в борьбе с недостатками, из-за которых частенько человек с рецептом в руках не может получить нужное ему лекарство.

В. КРАМОВА

„ЯЗЫК ПАФОСА, СТРАСТИ, ГНЕВА“

Плакат Д. Моора «Ты записался добровольцем?» по лаконизму, простоте, образной выразительности один из лучших в советской графике.

Лозунг, повелительный взгляд и твердый жест, неотступно следующие за прохожим, сообщают плакату большую силу. Его нельзя не заметить издали, его нельзя забыть, раз увидев, нельзя уклониться от вопроса, заданного в упор. Плакат этот был на улицах в те дни, когда напряжение борьбы требовало притока новых сил в Красную Армию...

Моор — один из основоположников советского политического плаката, но роль и значение его в нашей графике неизмеримо шире. Меткость сатиры, блеск и остроумие неистощимой фантазии, разнообразие и виртуозное совершенство техники раскрываются в карикатурах, книжных иллюстрациях, сериях рисунков, созданных художником.

Дмитрий Стахиевич Орлов (Д. Моор — псевдоним, которым художник подписывал свои работы с 1907 года) родился в Новочеркасске в 1883 году. Он всегда с гордостью называл себя потомком донских казаков.

Революция 1905 года сблизила Моора с рабочими-большевиками. «Моя деятельность, как художника, началась вскоре после этих событий,— вспоминал Моор впоследствии.— И в выборе тематики, и в определении направления удара моих рисунков впечатления тех лет были для меня решающими».

Произведения Моора всегда отражали самое существенное и актуальное в советской действительности. Когда в 1921 году на молодую Республику Советов обрушилось тяжелое несчастье: голод и засуха в Поволжье,— Моор создает одно из лучших своих произведений.

Белая мятущаяся фигура истощенного старика, с мольбой воздевающего руки, и тонкий колос, преломленный ветром с иссохшими зернами,— этот плакат концентрирует в себе эмоциональную энергию и напряжение, он взывает и приказывает: «Помоги!»

Д. Моор работал в выпуске «Окон сатиры РОСТА» вместе с В. В. Маяковским, создавая новый стиль советского агитационного плаката.

С первых дней Великой Отечественной войны художник снова на боевом посту. Жгучая ненависть к фашизму пронизывает серию сатирических рисунков «Жизнь и мысли Ганса-Фрица-Амалия Шульца».

Моор писал: «Нет у нас смеха ради смеха, утробного хохота оскаленного рта, как нет искусства для искусства. Искусство и смех — орудия борьбы... Наш смех — смех, будящий прогрессивную мысль...»

Последние годы жизни художник посвятил работе над иллюстрациями к «Слову о полку Игореве». Эти рисунки, сделанные с непередаваемым изяществом черной тушью и золотом, прекрасно передают эпический характер и поэтическое очарование памятника русской литературы...

«Все революции,— писал Д. Моор,— выдвигали таланты, которые средствами политической сатиры говорили с массами на понятном им языке пафоса, страсти, гнева, насмешки и уничтожающего смеха».

ПИСАТЬ ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ

Вечная тема жизни и смерти, смерти ради жизни, звенящей нотой пронизывает картину Андрея Орловского «Железный поток (За землю, за волю)», помещенную на развороте цветной вкладки.

...Художник родился в 1928 году в Тамбове. Еще в Строгановском училище он с уверенностью определил для себя жанр в искусстве — монументальная живопись. Учителями и наставниками его были С. В. Герасимов, А. В. Куприн.

Первый успех и признание принесла художнику картина «На водопой». Ласковое солнце, речная свежесть и мальчишечья счастливая беззаботность наполняют это полотно.

— Каждая деталь,— говорит живописец,— будь то рука или лицо персонажа картины, должна иметь монументальную объемность, зримость, чтобы заставить зрителя активно воспринимать пластические образы.

Росписи в театрах Севастополя, Новокузнецка, Комсомольска-на-Амуре, мозаичные панно в Куйбышевском дворце культуры различны по замыслу, но всегда выражают творческую индивидуальность художника, отвечают на поставленную им задачу — ясность и монументальность.

«Молодость Москвы», «Освобождение Праги», «Во имя жизни на земле» — произведения, утверждающие красоту и величие человека.

Орловский сейчас работает над мозаикой фасада гостиницы «Россия». Громадные мозаичные панно площадью 140 квадратных метров составляют яркую композицию — четыре времени года. Сюжет не нов, но динамика и свежесть исполнения делают это произведение сложным и современным.

Повседневный труд художника-монументалиста — это не только работа у мольберта в мастерской, но и высокие стремянки, леденеющий на морозе состав для укладки мозаичных плиток.

...В мастерской художника — эскизы новых картин. Эти работы Орловский готовит на Всесоюзную выставку к 50-летию комсомола.

— Я стараюсь работать чистыми, сочными красками,— рассказывает он,— хочется писать крупно, остро — жизнь такую, как она есть!

ОТЦУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Последняя работа Евгения Самсонова, «За каждую пядь», задумана им как эпическое полотно. Художник создает монументальный памятник погибшим героям. В углу картины начертано: «Посвящаю отцу». Отец Евгения, командир полка, гвардии подполковник И. В. Самсонов, погиб при прорыве блокады Ленинграда. Смертельно раненному командиру, изображенному на полотне, живописец придает портретное сходство с отцом.

...Оставшиеся в живых слиты воедино нечеловеческим напряжением последних сил. В слабеющей руке командира — пистолет на взведенном курке. До последнего вздоха, до последней гранаты будут драться герои за каждую пядь родной земли.

Это полотно экспонировалось в залах Манежа на выставке «Защитникам Москвы посвящается».

Евгений Самсонов — потомственный сибиряк, родился в Иркутске в 1926 году. Сын военного, он изъездил с отцом всю страну, и эти впечатления отразились в его первых зарисовках.

Впервые его живописная композиция «Подвиг Александра Матросова» была представлена на республиканской выставке в Москве в 1951 году. В следующем году художник выносит на суд зрителей картину «Великий страж революции», посвященную Феликсу Дзержинскому.

...Вместе с эшелоном комсомольцев Самсонов ездил на стройки Сибири, побывал в далеких таежных деревнях на Лене — родине своих предков. Этюды, привезенные им из поездки, слились в жизнерадостную картину «Смена идет». Художник считает эту работу наиболее удачной из своих ранних полотен.

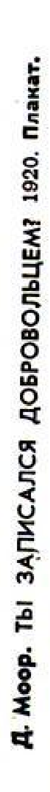
В поисках сюжетов Самсонов забирается и в дальние мордовские деревни, где удивительно переплетается современность с давними традициями. Яркое многоцветие национальных костюмов, самобытность народных обрядов передает он в триптихе «Мордовские песни»...

— Сейчас я работаю над большим полотном о капитуляции фашистской армии под Сталинградом,— рассказывает Евгений Самсонов.— Одновременно пишу пейзажи, жанровые сцены сегодняшнего дня.

ТЫ

ЗАПИСАЛСЯ ДОБРОВОЛЬЦЕМ?

МООР

Д. Моор. Ты ЗАПИСАЛСЯ ДОБРОВОЛЬЦЕМ? 1920. Плакат.

А. Орловский. ЗА ЗЕМЛЮ, ЗА ВОЛЮ («ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОТОК»). 1967.

Е. Самсонов. ЗА КАЖДУЮ ПЯДЬ. 1967.

РОДНИКОВЫЕ ДУШИ

Когда читаешь эту книгу, возникает ощущение распахнутости бескрайнего мира, движущегося и непрестанно обновляющегося, чувство головокружительной высоты человеческого духа. Властно захватывает читателя новая жизнь, приоткрывшая тебе такие тайны, о коих и не ведал, учит тебя видеть в обычном, повседневном заповедное и сокровенное. И задумываешься о сложном понятии — «социальная зоркость».

Можно без преувеличения назвать повесть «Лунные ночи» одной из лучших в новеллистике 40—50-х годов. В том бесстрашии, с каким А. Калинин проникает в глубь человеческих отношений, в потаенность душевных движений, во всем, что с такой силой нахлынет на нас в «Суровом поле», конечно, можно отыскать свободное и смелое развитие классических традиций русского романа. В повести «Лунные ночи» крепнут, наливаются силой, красотой душевной, благородством, духовно богатеют герои — звеньевая Дарья, красавица, смелая и находчивая, острая на язык; кристально честный, тихий агроном Кольцов; задумывающийся над жизнью секретарь райкома Еремин, деятельный и чуткий к людям. Они-то и становятся любимыми героями последующих книг, их голоса тревожат нас и в романе «Суровое поле». Многосторонне раскрывается в повести «Лунные ночи» сложная, кропотливая работа партийного руководителя района. Характер Еремина вырастает постепенно. Это ищущий, целиком отданный людям и делу, интересный человек. Герои Калинина узнаются в сложном течении жизни, действуя, развиваясь из рассказа в роман, из очерка в повесть, вырастают на наших глазах в больших, сильных, полнокровных и незаурядных. Писатель сроднился с ними духовно, они кровно близки его сердцу.

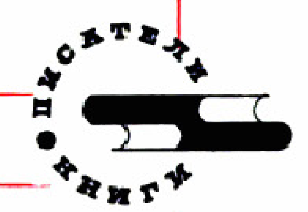
Поняв это, мы не удивляемся, что писатель Михайлов в «Суровом поле» теряет сознание при мысли о гибели Андрея Сошникова, с которым он даже как бы и незнаком. Суровым полем стала и творческая судьба писателя, решившегося на подвиг увековечения Андрея. Его светлая душа, голубой огонь говорящих глаз, отчаянная храбрость в бою, муки плена и героические побеги, его нечеловеческое терпение и звенящая тоска по Дону, его поразительная духовная стойкость и тернистый путь на Родину стали для Михайлова мучительным постижением жизни.

Гуманизм Анатолия Калинина не вообще человеколюбие, не отвлеченная гуманность, но и не житейски заземленная, бытовая, практичная радость просто добрых людей, ограниченных взаимопониманием двух-трех близких существ. Писатель выбирает самый трудный путь любви к человеку и человечеству — на стыке сложных индивидуальных путей к счастью. Писатель приемлет весь поток людских тягот, радостей и бед. И в отрешении от примитивных схем и облегченных представлений, в самых запутанных узлах противоречий открываются его духовному взору светлые истины даже в сумрачных душах, еще не постигших свое возрождение. Очень непохожи повести «Цыган», «Эхо войны», «Гремите, колокола!». Первая напоена лиризмом, поэзией, согрета сердечностью людских отношений и чуть-чуть будто бы отвлечена от житейских подробностей. Даже в кульминационные моменты стиль повести овеян романтикой. Помните, как прощается Будулай с любимой женой, уезжая на войну и прося сберечь будущего их сына?.. А повесть «Эхо войны», наоборот, предельно реалистична, насыщена житейскими подробностями и как бы вырастает из этих подробностей, осязаемо предметна, насыщена бытовыми сценами, обычаями. Вспомните сцену, когда разведчики приходят в дом Варвары Табунщиковой, а она печет блины, ожидая своих сыновей — полицаев. Или напряженный эпизод наступления нашей армии, когда Варвара из балки наблюдает последний бой своих сыновей. Здесь все — и характеры, и судьбы, и коллизии — раскрыто до конца. До дна. Это редкое умение — даже отвлеченные, духовные явления овеществлять точно и зримо, с удивительной пластичностью, в неповторимых штрихах и деталях — сделало «Эхо войны» серьезным явлением нашей прозы. В стилевом колорите этой повести Анатолий Калинин развивает один из стилевых потоков «Сурового поля» — здесь богато представлена стихия народной речи. «Гремите, колокола!» — произведение романтическое еще более, чем «Цыган», хотя характер героини реально достоверен. Вряд ли в отечественной прозе последних лет можно найти девичий образ такой трепетности, чистоты, сложности и такой цельности. В то же время Наташа Луговая — дитя нашей эпохи, во всех ее порывах бьется напряженная мысль человека сегодняшнего дня.

Герои Калинина борются за свои идеалы последовательно и горячо, не жалея сил и самой жизни. В каждом из них ощутима душа самого писателя, его строгость требований к людям и прежде всего к самому себе, его принципиальность, его партийность. Родниковая чистота, глубина и прозрачность души как бы освещают книги Анатолия Калинина, пронизывают красоту его одухотворенных пейзажей, насыщают высокой духовностью помыслы его героев.

И. ДЕНИСОВА

Анатолий Калинин. Гремите, колокола! Издательство «Молодая гвардия», 1967.

«Я ЗАВЕЩАЮ ВАМ МОЮ ЛЮБОВЬ»

Новый роман Александра Андреева «Берегите солнце» явился завершающей частью тетралогии, книги которой — «Ясные дали», «Чистые пруды», «Очень хочется жить» — связаны с четвертой единством действия и главным героем — Дмитрием Ракитиным. Интересно следить за судьбой и духовным ростом этого героя, воплотившего в себе многие типические стороны жизни поколения ровесников Октября.

Сам А. Андреев прошел Великую Отечественную сначала боевым командиром, затем талантливым и оперативным военкором «Комсомольской правды». Наступил мир, и бывший военный корреспондент решил художественно осмыслить, обобщить виденное и пережитое, рассказать о ратных подвигах товарищей по оружию, их беззаветной преданности Родине, ненависти к ее врагам. Но героями на поле боя не становятся сразу. К подвигу человек готовится всей предшествующей жизнью. Так рассудив, А. Андреев стал воссоздавать биографию своего поколения.

Димка Ракитин, герой повести «Ясные дали», в годы первой пятилетки приезжает в город из родной волжской деревни. Сложные испытания выпали на его долю в поисках счастья. Но добрые, хорошие люди, о которых говорил, умирая, его отец — рабочие, партийные работники, педагоги,— помогают ему обрести себя, преодолеть собственные недостатки, ошибки, заблуждения. Они щедро делятся своим опытом, знаниями, стремятся пробудить и воспитать у него лучшие качества и задатки.

И вот война.

В повести «Очень хочется жить», посвященной первым дням войны, мы с волнением наблюдаем за дальнейшей судьбой этого героя. Как-то проявит себя в новых условиях этот молодой человек со сложным и, казалось бы, еще не устоявшимся, не «перебродившим» характером?

Дмитрий Ракитин уходит добровольцем, кончает курсы лейтенантов и вступает в бой командиром роты. В дни отступления, дни тяжелых поражений и утрат у него проявляются и крепнут лучшие человеческие и гражданские качества, обретенные в довоенные годы.

Новый роман писателя, «Берегите солнце», охватывает, пожалуй, самый трагический период войны — оборону Москвы.

Герой романа Ракитин с первых страниц выступает зрелым, собранным, суровым и вместе с тем гуманным человеком, испытанным и закаленным командиром, умеющим словом и личным примером поднимать людей, вести их за собой, укреплять в них мужество и веру в победу. Он очень любил жизнь, очень хотел жить. Он любил девушку и мечтал о счастье. Но мечтам его не было суждено осуществиться. Смертельно раненный в бою, он умер со словами: «Люди, я завещаю вам мою любовь и мою преданность Отечеству — большего богатства у меня не было».

Рядом с образом Дмитрия Ракитина крупным планом, многогранно видится образ ефрейтора Прокофия Чертыханова, знакомый нам по повести «Очень хочется жить». Это яркая и колоритная фигура типичного советского русского солдата. Он привлекает к себе внимание и вызывает глубокую симпатию своей смелостью, находчивостью, верностью товарищескому долгу, своим веселым и задиристым нравом, мудрой народной смекалкой, умением верно разобраться в сложной обстановке и найти нужное решение для действий.

Если эти два героя выступают как образы духовно зрелых, сформировавшихся людей, с цельными характерами, то характеры комиссара Браслетова, лейтенанта Тропинина, бойца Пети Куделина за короткое время, в которое развертывается действие романа, переживают сложную эволюцию. Оказавшись участниками грозных событий, они избавляются от человеческих слабостей, недостатков, юношеской незрелости, становятся достойными сынами Отечества, героями-победителями.

Можно было бы упрекнуть А. Андреева в том, что он несколько односторонне, негативно нарисовал те трагические памятные события, не уделив достаточно внимания изображению той организованности, дисциплины, выдержки, которые проявило тогда большинство жителей города-героя. Думается, это произошло потому, что роман написан от первого лица, события в нем показаны от имени героя — капитана Ракитина, который стоял на страже порядка и дисциплины в одном из районов Москвы. Ему, его бойцам и командирам выпало сталкиваться с паникерами, лазутчиками, грабителями и подстрекателями к беспорядкам, и они честно выполняли это поручение. Поэтому, естественно, в поле зрения Дмитрия Ракитина попадали преимущественно негативные стороны жизни.

Однако роман «Берегите солнце», как и остальные части тетралогии А. Андреева, над которой писатель работал около двадцати лет и которую можно было бы назвать повестью о судьбе поколения, оставляет глубокое впечатление характерами своих героев, бытовыми и батальными сценами, будит самые добрые воспоминания и чувства, заставляет пристальнее всматриваться в окружающее, в людей, лучше видеть и понимать их.

Юрий ПУХОВ

Александр Андреев. Берегите солнце. Роман. Журнал «Октябрь» №№ 8 и 9, 1967.

НА БОЕВОМ ПОЛЕ

Дневник хирурга... И рядом с этими словами скальпель, зажатый между большим и указательным пальцами. И все это на стерильно-белой суперобложке вышедшей недавно в издательстве «Медицина» книги знаменитого нашего советского хирурга Александра Александровича Вишневского. Это книга о войне и книга о тех, кто спасает жизнь тысяч и тысяч людей.

Не только у нас, но и во многих странах мира известно имя А. А. Вишневского. Судьба вручила ему великий талант спасать людей от смерти.

Кто не знает династии русских хирургов Вишневских! Своим трудом, своим талантом, своим опытом прославился отец Александра Александровича — Александр Васильевич, выдающийся ученый, хирург, автор многих трудов. Затем стало известно имя сына.

Как и великий родоначальник русской хирургии Николай Иванович Пирогов, помчавшийся после первого орудийного выстрела в Севастополь «употребить все свои силы и познания для пользы армии на боевом поле», так и автор дневника участвовал в нескольких войнах, защищая нашу советскую Родину. «Им лично была прооперирована не одна тысяча раненых воинов, из которых многие обязаны ему жизнью,— пишет в предисловии к книге Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.— В условиях большой войны достижение победы над врагом зависит в немалой степени... от хирургов».

Те, кого спас автор книги, помнят своего доктора. Прошло более четверти века после окончания Великой Отечественной войны, а каждое утро приносит на стол главного хирурга Советской Армии, генерал-полковника, профессора А. А. Вишневского пачки писем. Пишут спасенные им от ран и страданий на многих фронтах. Люди добро помнят, добро не забывают.

А рядом с этими письмами лежит связка книг. Открываю одну из них — незнакомые литеры. Оказывается, книга издана во Вьетнаме на вьетнамском языке. Эта книга называется «Полевая хирургия». Да, в сражающемся, борющемся героическом Ханое раненых спасают так, как этому учит наш хирург. Из «Дневника» узнаем, что книжка эта — «Полевая хирургия» — писалась совместно с профессором М. И. Шрайбером и печаталась Вишневским в осажденном Ленинграде.

Хоть автор во вступлении к «Дневнику» уверяет, что главное внимание в нем он уделяет хирургии, но это не совсем так. Да, о хирургии и о хирургах там сказано немало, но, прочитав все 470 страниц, убеждаешься, что это книга не только о врачах и, я бы даже сказал, не столько о врачах, сколько о воинах, не жалевших жизни для защиты Отечества.

Книга писалась изо дня в день, в гуще боев, дневник так и разделен на главы по годам: «Тысяча девятьсот сорок первый год», «Тысяча девятьсот сорок второй год» — и так до 1946 года, когда автор получил возможность побывать в Германии, Австрии и встретиться со своими зарубежными коллегами.

Каждая глава — это поток рассказов, новелл, раздумий. Перед нами проходит вереница людей, близких нам, известных, и в то же самое время мы как бы впервые их узнаем. Тут и рядовые солдаты, санитарки, знаменитые врачи, сестры, писатели, журналисты, художники, скульпторы. Но все-таки главное наше внимание привлекает повседневная работа полевых хирургов. Мы видим характеры людей. Мы как-то по-новому, глубже узнаем о месте доктора на войне. Из уст крупнейшего специалиста узнаем о буднях медицинской работы.

Кровь, пот, землистого цвета лица или просто бледность мертвецов, стоны, изуродованные тела, оторванные конечности... Где-то рядом шумят отступающие танки... Жара, пыль, крики, стоны. А запись — о том, что в это время более всего потрясло автора дневника,— слова солдата, сказавшего ему: «Профессор, милый, хороший». Эти слова солдат произнес после того, как Вишневский извлек у него из сердца осколок снаряда. Вишневский был потрясен не только терпением раненого, не только его выдержкой — характером, который выразился в этих словах. Столько перенести на операционном столе и все же думать не о своих страданиях, а о труде человека, спасшего тебе жизнь! Есть в этом эпизоде и другая грань, которая не может нас не волновать. Читая эти строки, думаешь о хирурге, о человеке, который сутками простаивал возле операционного стола, непрерывно решал сложнейшие научные проблемы, непрерывно думал, как же спасти человека. И все-таки автор находил время вести дневник, замечать и записывать то, что, честное слово, не всякий писатель, не всякий художник заметил бы и записал. На одной из страниц читаем: «Люди! Какие тонкие стенки у вашего сердца!» Это было записано сразу же после операции на сердце.

Автор верил — это мы чувствуем на протяжении всей книги,— что война будет обязательно выиграна, и выиграна теми, кого он и его коллеги изо дня в день спасали,— выиграна советскими людьми. Это и делает «Дневник» таким ярким, таким выразительным, таким запоминающимся.

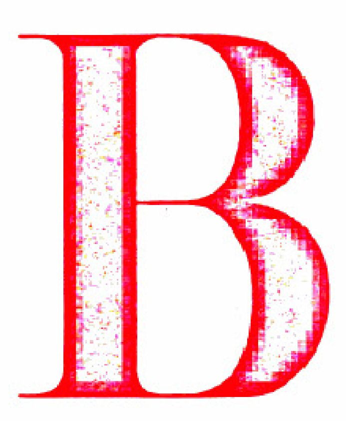
Во вступлении Вишневский пишет, что дневник он писал еще и потому, что ему хотелось оставить для будущих поколений врачей не просто учебник, а учебник жизни — сложной, трудной военной жизни. И вот еще одна запись: «Сейчас слышал, как одна медсестра, студентка третьего курса Куйбышевского института, просилась на передовые позиции. Оказывается, она уже участвовала в боях и была ранена в руку и ногу. Я пытался ее отговорить, но без успеха. Отец и мать девушки тоже на фронте. Фамилия ее Миронова». Автор обратил внимание на женщину-врача с опаленными волосами. Оказывается, она удаляла у раненого пулю, которая вошла сзади и, пробив всю грудную клетку, застряла под кожей, у самого соска. Во время операции пуля взорвалась — взрывом опалило врача, а у оперируемого оказалась большая рана в мягких тканях груди. Пришлось продолжать операцию, уже по поводу вновь образовавшегося ранения.

Хотелось бы цитировать и цитировать подобные эпизоды, а их очень много. Но мы не будем лишать читателя возможности самому прочитать эти незабываемые, эти героические страницы жизни наших людей на войне.

* * *

К сожалению, мал тираж «Дневника хирурга» — 26 тысяч экземпляров! Эта цифра не может не вызвать досады и недоумения. Если даже предположить, что приобрести эту книгу захотят все, кому спас жизнь автор, и на них не хватит экземпляров. Но ведь, как мы уже сказали, «Дневник» принадлежит к тем изданиям, которые читатель полюбит с первого взгляда, всерьез, надолго и обязательно захочет видеть книгу перед глазами на своей полке, в своем шкафу.

З. ХИРЕН

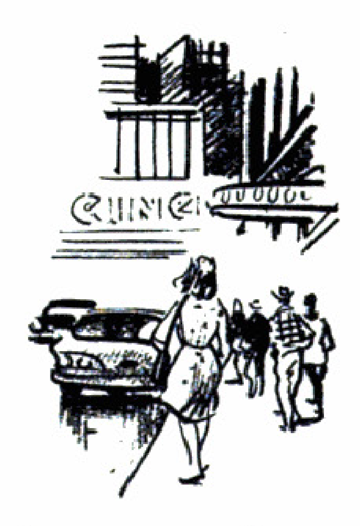

•

Я смотрю с удивленьем в лица друзей,—
Не верится, что на другом континенте я
И это не Волга, не Енисей,
А река Святого Лаврентия.
В продувную Атлантику с давних пор
Из Онтарио воды ее понеслись.
Говорят, что сильна она, как бобер,
И разлаписта, словно кленовый лист.
Как сказал мне в детстве веселый враль,
Здесь, в краю листа и бобра,
На четыре лапы встал Монреаль.
Вот он машет мне листом, Монреаль,
Вот он светит мне крестом, Монреаль,
Нереальный еще вчера.

О ПАРИЖЕ

Монреаль называют Парижем Америки.
Взгляните сами, может, поверите.
Как первого поцелуя вспышку,
Как рассвет,
на котором глаза
в первый раз красотой опалишь,
Так любой из нас,
все знающий понаслышке,
Для себя открывал Париж.

А Монреаль почти что Париж.
Может быть, многих к Парижу ближе.
Только этому миру плоских крыш
Не хватает кое-чего до Парижа.
Не хватает пятнадцати пестрых веков,
И бульваров, и улочек узких, кручёных.
Не хватает щебета каблучков
И беспечных улыбок его девчонок.
Но зато через тысячи миль Монреаль
К Кордильерам черным и рыжим
Гонит трансканадскую магистраль.
И, наверно, он побогаче Парижа.
День и ночь среди своих серых стен
Он считает доллары звонко и зорко.
Это — мистер Париж, Париж-бизнесмен,
Младший брат Сан-Франциско или Нью-Йорка.

МОСТ ЖАКА КАРТЬЕ

Придумал Монреаль чужак —
Француз Картье, приезжий Жак.
А мы живем на Сен-Катрин
Среди реклам, среди витрин.

Лев ОШАНИН

Рисунки В. Богаткина.

СТРАНЕ КЛЕНОВОГО ЛИСТА

И рядом с нами Жак Картье,—
Он в новом, высшем бытие:
В звенящих фермах в полный рост,
Не человек уже, а мост.
Он длинный, словно день за днем.
Я полюбил бывать на нем —
Стоять над крышами домов
В семь, восемь, девять этажей.
Там Монреаль для глаза нов,
Там сердцу дышится свежей.
Там, полон быстротечных вод,
Святой Лаврентий в берег бьет,
Несет валы, таит грозу,
Гремит и пенится внизу.

А мост под тяжестью машин
Дрожит. И стонет он с тоской.
И ты на нем не с ним — один,
Почти неразделим с рекой.
Вот-вот обломится плита,
Вот-вот исчезнет высота.
А мост покряхтывает так,
Как будто это старый Жак.
О чем? О том, что тяжек груз,
Что не вернешь былую даль,
Что милый сердцу Монреаль
Теперь давно уж не француз.

●

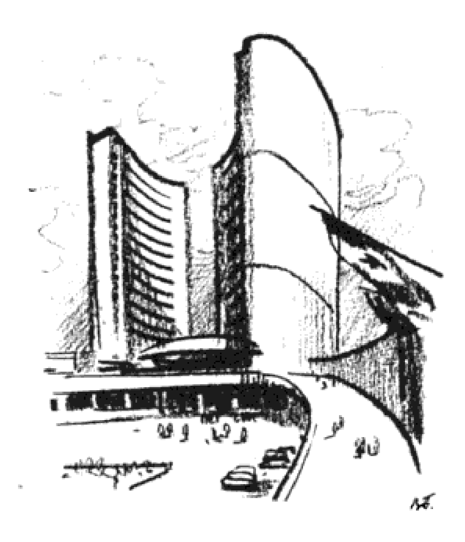
Немцы, французы и англичане —
Всемирная выставка, все как надо.
Но непонятно, совсем непонятно вначале,
Где кончилась выставка и где началась Канада.
Мы едем Канадой. Как дорожные знаки,
Островки людские — где много, где мало.
Отдельно венгры, отдельно поляки —
Как будто лоскутное одеяло.
Украинцы, русские и евреи
В одиночестве души греют.
Миллионы бизнесов и одна автострада —
Все это вместе и есть Канада.
Вглядевшись, ты увидишь тотчас
Здесь миллионы одиночеств.
И бизнесмены-полубоги,
Что с прочими не наравне,
Как небоскребы, одиноки
В своей холодной вышине.

●

Где это было?
В Монреале или в Александрии?
Но дорога была кораблю далека.
Мне рассказывал друг —
раза три приходили
И подолгу стояли поодаль
два чужих старика.
В третий раз было ветрено.
Дождик накрапывал косо.
Осмелев,
хрипловато,
по-русски,
на «ты»,
Старший — сухонький — с берега
крикнул матросу:
«Есть цветы у вас, юноша?»
«Что?» — тот не понял.
«Цветы».
Он глядит на них, щурясь,
как будто решает и судит,—
Много ходит таких вот
в негреющих полупальто.
«Понимаете, просто мы русские люди».
«Понимаю,— матрос усмехнулся,— и что?»
А они заспешили. В смешном беспорядке
Наконец объяснили ему, как могли:
«Если есть там цветы —
понимаете, в кадке,—
Нам бы надо хоть горсточку русской земли».

●

Зарево над горизонтом,
Света вычурная дрожь —
По вечернему Торонто
Ты тихонечко идешь.
Окнами ночными глядя,
Крылья над тобой возвел
Всех модней во всей Канаде
Вдохновенный «Сити-холл».
Но не в «холле» суть Торонто
И не в том, что свет пестрит,—
В молчаливой и короткой
В серой улице Бейстрит.

Сквозь любые расстоянья
На Бейстрит спешат дельцы.
Здесь родятся состоянья,
Здесь ломаются крестцы.
Ты вздыхаешь удивленно:
— Вот он, «Сити-холл» какой!
А бейстритские мильоны
Не тревожат твой покой.

От витрины ярколикой
В веки прячутся зрачки,
Из витрины смотрят книги,
Безделушки и значки.
Поначалу интересно,—
Всё нарядней, всё пестрей.
Только брови вдруг полезли
К русой челочке твоей.
На тебя глядят привычно
Маски, пепельниц ряды —
Груды грязных неприличий,
Скроенных на все лады.
В лавке куча всякой дури,
А хозяин этот вот
Даже табачку не курит,
Даже водочки не пьет.
Просто это малый бизнес.
Просто здесь с былых времен
Собирают первый в жизни
Непослушный миллион.
Наш автобус ждет отправки.
Самолет свой гром завел.
Позабудь про эти лавки,
Вспоминай про «Сити-холл».

НИАГАРА

Понимаешь, Ниагара,
Всюду в мире ходишь ты,
Как Венера, как Тамара,
В эталонах красоты.
Из Европы пораженной,
Словно в некой ворожбе,
Говорят, молодожены
Ездят кланяться тебе,—
Чтоб хмельная, ножевая
И крученая, как вихрь,
Чтоб вода твоя живая
Окропила счастье их.
Я, к другим привыкший рекам
И к другой игре сердец,
Этой встречи ждал полвека
И дождался наконец.

И, может, многое бы вдруг померкло
В любвеобильной памяти моей,—
Но я смотрел на Ниагару сверху,
С веселой башни в тридцать этажей.
Раскидисто все сверху и картинно,
Но словно бы не льется никуда.
И я зачем-то вспоминал плотины,
С которых в Волгу падает вода.
А в Дивногорске высота полета
Побольше ниагарской как-нибудь.
Тоннель закрыт по случаю учета,—
Не повезло. Так что ж, в обратный путь?
Потом я видел силу водопада,
Но знал уже, каков он с высоты.
И понял, что опасно ставить рядом
Две самых разностильных красоты.

Ниагара, Ниагара,
В белых брызгах, как в дыму,
Посмотреть тебя задаром
Не удастся никому.
Брызг веселые осколки
Ты за доллар сохранишь —
У меня на книжной полке
Пепельницей постоишь.
И напомнят путь вчерашний
И канадских дней следы
На переднем плане башня,
А под ней чуть-чуть воды.

●

Твоя, Онтарио, вода
Назад уходит без следа.
Через сады, через холмы
Вдоль Ниагары мчимся мы.
Страна кленового листа
Не так пуста, не так проста.
Машины в мыле, в блеске звезд.
На каждой миле новый мост.
И все они на вечный торг
Ведут в Нью-Йорк, спешат в Нью-Йорк.
Любить Канаду я готов,
Но слишком много здесь мостов.

Осенний воздух прян и чист.
Ты так красив, кленовый лист.
Останься, друг, самим собой,
Своей душой, своей судьбой.
Не переплавься на ходу
В американскую звезду.

Олимпийское беспокойство

Xes JEUX OLYMPIQUES D'HIVER GRENOBLE 1968

Олег СПАССКИЙ

Семикратные чемпионы мира, двукратные чемпионы Олимпийских игр! Таков послужной список сборной команды СССР по хоккею. Установились в этом славном коллективе свои традиции, накоплен огромный боевой опыт, который передается из поколения в поколение. Неизменные наставники сборной СССР А. И. Чернышев и А. В. Тарасов успешно ведут нашу команду через все бури и испытания. И все равно перед новой встречей на самом высоком уровне тревожно сжимаются сердца многих любителей этой кипучей, динамичной игры.

Проведена солидная разведка боем сперва на международном турнире в Москве, а затем на двух заокеанских турнирах — в США и Канаде, теперь мы уже знаем силы и канадцев и чехословаков, которые выступали в Москве. И американцев и шведов, с которыми советские хоккеисты встречались в США и Канаде. А спокойствия нет!

Особо важными были матчи со шведами. Ведь команда «Тре Крунур», как называют шведскую сборную,— одна из наших самых грозных соперниц. Вот почему эти заметки хотелось бы начать с разговора о ней. Мне запомнился любопытный разговор, происшедший утром 26 марта прошлого года, в дни венского чемпионата мира, в одном из номеров отеля «Интерконтиненталь». Накануне вечером советские хоккеисты легко разгромили национальную команду Швеции со счетом 9 : 1, и нам, журналистам, этот результат показался настолько неожиданным, что мы обратились за разъяснениями к тренерам советской сборной.

— Неужели «Тре Крунур» расстается со своим местом в «большой четверке»?— спросили мы.

Однако нам объяснили, что крупный счет отражает не слабость шведов, а силу советских хоккеистов, что шведская сборная по-прежнему главный наш соперник. И действительно, на торжественном закрытии чемпионата комплект серебряных медалей был вручен капитану сборной Швеции Рональду Стольцу.

Разумеется, все любители спорта помнят, что в славное пятилетие, отмеченное вехами Стокгольма, Инсбрука, Тампере, Любляны и Вены, национальная команда Советского Союза в тридцати пяти матчах потеряла только три очка. Два — в Стокгольме и одно — в Любляне. И поражение нашей сборной и ничья были зафиксированы в матчах с одной и той же командой — с «Тре Крунур». Да, шведы — серьезные соперники, и они это еще раз доказали на турнире в Канаде, выиграв у нас один из двух матчей.

Во встречах с нашими хоккеистами команда Стрёмберга обычно предпочитает «закрытый» вариант. Действуя в своей зоне, шведские хоккеисты лишают советских хоккеистов привычной широты маневра, не дают им возможности оперировать на высоких скоростях. Потому-то каждый матч со скандинавами становится для сборной СССР серьезным испытанием на мастерство и тактическую зрелость. И еще одна черта отличает северян. Умение собраться, настроиться на матч. Обычно шведские хоккеисты входят в форму как раз в дни чемпионата и при этом улучшают свою игру от матча к матчу.

Нельзя не восхищаться мужеством шведских спортсменов, их готовностью противостоять всем превратностям спортивной судьбы. Вспомните, как складывалась в Вене их встреча со сборной ЧССР. Открыв счет и затем проигрывая 1 : 4, хоккеисты «Тре Крунур» смогли не только отыграться, но и выйти вперед. И окончательный итог матча — 5 : 5 — был наградой вторым призерам чемпионата мира за их мужество и стойкость.

В этом сезоне подготовка сборной Швеции к Греноблю была связана с некоторыми трудностями. Тренировочные сборы национальной команды были немногочисленны и непродолжительны. Хоккеисты собирались на полторы недели перед началом сезона и потом на два-три дня перед товарищескими международными матчами. Это, видимо, сказалось на их игре в Канаде. Шведы пропустили вперед сборную СССР и сборную Канады. Но не следует забывать, что в Канаду приехали далеко не все мастера, которые будут представлять Швецию на Олимпийских играх. Из 18 «венцев» дальнее путешествие совершили лишь семеро. В Виннипеге отлично зарекомендовали себя оба вратаря — Хольмквист и Абрахамссон, молодой защитник Л. Шёберг, нападающие Р. Олссон, Б. Пальмквист, Ф. Бенгтссон.

На что может рассчитывать «Тре Крунур»? Ответ, видимо, прост: любое место ниже второго будет для нее отступлением. И на чемпионате мира в Вене и на последних Олимпийских играх в Инсбруке шведы были вторыми. До высшей ступени пьедестала почета им надо было сделать всего один шаг.

Ну, а как дела чехословацкой сборной? Наставники команды Ярослав Питнер и Владимир Костка разработали новую программу подготовки. Была значительно повышена интенсивность тренировок. Уже в июле резко увеличилось количество учебных сборов. Хоккеисты раньше, чем когда-либо прежде, вышли на лед.

Наши чехословацкие друзья первыми назвали состав своей олимпийской команды. Еще за месяц до открытия Олимпийских игр восемнадцать ведущих хоккеистов страны уже знали, что едут в Гренобль.

В этом списке мы не нашли нескольких популярных игроков, выступавших на последнем чемпионате мира. Не попал в национальную команду вратарь Холечек, нет защитников Махача и Шмида, не едут нападающие Прыл и Грандтнер, лишь запасным объявлен Ярослав Холик. Но зато в сборной появилось несколько новых способных хоккеистов: вратарь Мирослав Лацки, мастерством которого советские любители хоккея восхищались в дни Московского международного турнира, два защитника — Йозеф Хожешовски и Карел Масопуст. Есть дебютанты и в линии нападения: Франтишек Шевчик и Петр Хейма. Вернулся в сборную известный форвард Ян Клапач.

Третий соискатель высших олимпийских почестей, сборная команда Канады, тоже не терял времени. Усилия, которые предпринимаются на родине хоккея для возрождения былой славы страны на международной арене, становятся все более энергичными. Инициативная группа именитых жителей Оттавы разработала специальную программу мероприятий, направленных на подъем престижа канадского любительского хоккея.

Известно, что многие ведущие мастера, играющие в национальной сборной страны, охотно принимают приглашения профессиональных клубов. Объясняется это соображениями материального порядка, беспокойством о своем завтрашнем дне. И вот для того, чтобы сильнейшие хоккеисты-любители были избавлены от этих забот, инициативный комитет заявил, что ветераны-любители будут обеспечиваться работой по специальности, а хоккеисты, выступающие в любительских командах, смогут получать образование и специальность еще во время активных выступлений на льду.

Однако читатели, видимо, уже знают, что знаменитый вратарь канадцев тридцатипятилетний Сет Мартин покинул любительский хоккей. Он будет теперь играть в профессиональном клубе «Сент-Луис Блюс». В Гренобле мы не увидим не только Мартина, но и других известных хоккеистов: защитников Боунэса и Бревера, нападающего Тамбелини.

Однако эти потери, понесенные сборной Кленового листа, никак не дают повода к неуважительному отношению к ней. Канадцы не умеют играть плохо. Две их победы на турнире в Виннипеге над очень сильной, темпераментной, молодой и ершистой сборной шведов убедительно доказывают, что намерения родоначальников мирового хоккея достаточно серьезны. А победа в Оттаве так называемой «Сборной Восточных провинций», усиленной шестью игроками национальной команды, над нашей сборной с удивившим всех счетом 8 : 2 подтверждает этот вывод.

Итак, в Гренобль сборная СССР приезжает семикратным чемпионом мира, двукратным чемпионом Олимпийских игр. Но все меньше остается в команде хоккеистов, которые добились этих выдающихся побед. На пять лет постарели те, кто поднялся в 1963 году на чемпионате мира в Стокгольме. на высшую ступеньку пьедестала почета. Они уходили один за другим — Станислав Петухов и Евгений Майоров, Леонид и Юрий Волковы, Константин Локтев. В этом году из сборной команды СССР ушли еще двое: Эдуард Иванов и Александр Альметов.

С уходом Альметова распалась тройка, бывшая многие годы украшением отечественного хоккея. Да, в сущности, в Гренобле будет выступать новая команда СССР. Лишь одна тройка из стокгольмского состава сохранилась к Греноблю, да и та не полностью: вместе с Борисом Майоровым и Вячеславом Старшиновым теперь играют другие партнеры. И все же наша олимпийская команда будет никак не слабее той, что выступала на Олимпийских играх в Инсбруке, на чемпионате мира в Вене. Два Виктора — Коноваленко и Зингер — по-прежнему надежные стражи ворот. В ворота Виктора Коноваленко на чемпионате мира в Вене шайба летела 112 раз, но наш вратарь капитулировал только в семи случаях. Защитники Виталий Давыдов и

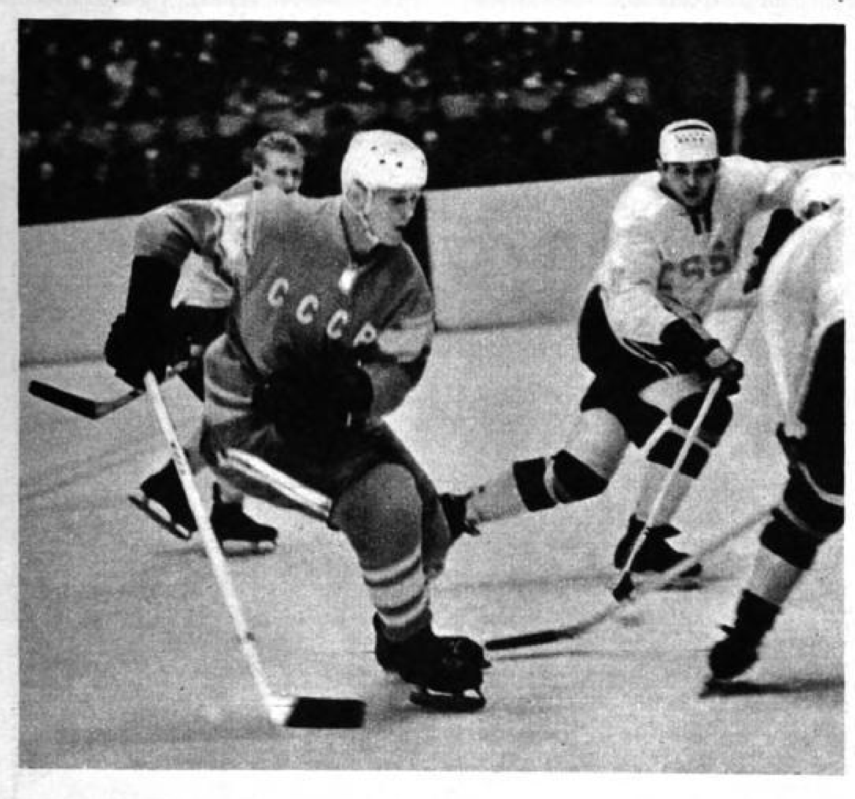

Вот они, сильнейшие хоккеисты страны. А. Тарасов, тренер сборной, дает указания спортсменам.

Анатолий Фирсов — лучший нападающий мира.

В. Александров ведет борьбу с тремя чехословацкими игроками.

Фото А. БОЧИНИНА.

Александр Рагулин по-прежнему полны сил. Как и прежде, получил путевку в Гренобль и третий ветеран защиты — Виктор Кузькин, превосходно сыгравший в Канаде в составе второй сборной. Снова включен в команду и олимпийский чемпион, трехкратный чемпион мира Олег Зайцев. А вместе с ветеранами в Гренобле на Олимпиаде будут выступать и два молодых хоккеиста — Виктор Блинов и Игорь Ромишевский. Блинов принадлежит к числу атакующих защитников и чувствует себя впереди не менее уверенно, чем у своих ворот. Несколько лет шел к заветной цели Игорь Ромишевский и вот наконец добился своего.

В линии атаки две тройки вне конкуренции. Правда, в начале сезона еще неясно было, кто займет место на правом крыле атаки в звене Старшинова. Интересно играл Евгений Зимин, но удовлетворяет ли он всем нынешним требованиям сборной — об этом наставники нашей команды высказались только в конце января: удовлетворяет. Во всяком случае, во время турне по Канаде партнерами прославленных спартаковцев были и Вениамин Александров и Александр Якушев. К сожалению, травма вывела из строя молодого форварда, и поездка дебютанта Вены в Гренобль пока под вопросом.

В отличной форме звено Полупанова, или, как чаще его называют, звено Анатолия Фирсова. Лучший советский хоккеист составляет вместе со своими молодыми партнерами Владимиром Викуловым и Виктором Полупановым грозную силу, и вряд ли сейчас кто-нибудь будет спорить с теми журналистами, которые объявили эту тройку лучшей в мировом любительском хоккее. В этом сезоне тройка не сразу набрала силу. Вначале был травмирован Фирсов, затем никак не мог поймать свою игру Полупанов, но сейчас все как будто в порядке.

И, наконец, третье звено сборной... Выбор пал на тройку Ионова, и теперь остается надеяться, что наша ледовая дружина будет достойно защищать честь советского спорта в Гренобле.

ПОДМОСКОВЬЯ

ТБИЛИСИ

ТАЛЛИНА

БАКУ

ВОЛОГДЫ

ЯРОСЛАВЛЯ

...ИЗ ПОДМОСКОВЬЯ

12 МЕСЯЦЕВ ГОДА СРАЗУ

Только фантазия сказочника могла свести за мирной беседой в лесу, у костра, все двенадцать месяцев года. Но, оказывается, С. Я. Маршак был недалек от истины. В подмосковном лесу раскинулся городок, где в одном месте сосуществуют жаркая пустыня Туркмении и заполярная тундра, солнце Кавказа и степной ветер Крыма. Творцы этих чудесных превращений не волшебники, а люди, занятые вполне земным делом. Речь идет об экспериментальной базе Всесоюзного научно-исследовательского института строительного и дорожного машиностроения. На площади, превышающей сорок гектаров, расположено более двадцати лабораторий. На многочисленных стендах здесь детально исследуют работу башенных кранов и автопогрузчиков, бетономешалок и скреперов, асфальтоукладчиков и дробилок.

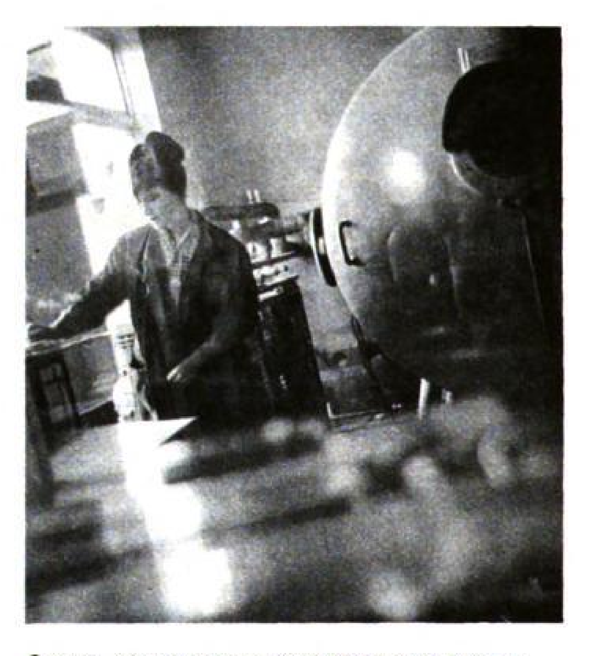
...Ничем не примечательный приземистый дом. Вдоль стен выстроились замысловатые установки и приборы. Это они имитируют климат любого района земного шара. Руководитель лаборатории А. Дегтярева подвела меня к массивной стеклянной двери.

— Туда без специальной одежды входить нельзя,— предупредила она.— Мы работаем там в меховых комбинезонах, шлемах, унтах, да и то не больше тридцати минут. Там температура — шестьдесят градусов ниже нуля, а ветер — до восьми метров в секунду. Его создают вентиляторы. Тут испытываются машины, которым предстоит работать на Крайнем Севере.

Рядом, в камере тепла и влаги,— климат тропиков и субтропиков. Здесь стопроцентная влажность, а температура колеблется от 25 до 70 градусов жары. После такой суровой проверки краска, резина и металлические детали, уж конечно, станут дольше служить в жарком и влажном климате. Специальная установка имитирует пыльные бури пустынь. При этом состав песка подбирается такой же, как в Сахаре или Каракумах. Есть и такая камера, где «хозяйничают» микроорганизмы, которые «едят» и металл и дерево да к тому же не прочь полакомиться краской. На целый месяц помещают сюда детали машин, чтобы подвергнуть их серьезному экзамену.

Сотрудники института скоро получат огромную универсальную камеру, в которой можно будет проверять холодом и солнцем, туманом и жарой собранный бульдозер, скрепер или трактор.

Александр ОСИПОВ

В этих автоклавах и Африка и Антарктида.
Фото Л. Шерстенникова.

Вирве Роост и Оскар Савик.
Фото В. Сальмре.

...ИЗ ТАЛЛИНА

ДОРОГА ЛУННОЙ ОРХИДЕИ

Тонким, как хаапсалуский платок, узором ложится снег на покатые стены прозрачного дома. По ночам звезды изумленно заглядывают за стекла, в золотое тепло, и ветер вздыхает у входа порывисто и тоскливо. Еще бы! Совсем рядом сияет нежнейшая розовато-сиреневая красота. Титулованная пышно, как экзотическая императрица — Фаленопсис, или Прекрасный Малайский Цветок, или Лунная орхидея.

...С Вирве Роост, научной сотрудницей Ботанического сада Эстонской Академии наук, где цветут эти орхидеи, некоторые наши читатели знакомы с 1964 года, когда в одном из майских номеров появилась история ста двадцати таллинских орхидей. Чуть ли не сто читателей написали Вирве письма с просьбой послать им орхидеи, а один — самый пылкий — даже объяснился ей в любви, оставив, однако, совершенно холодным ее принадлежащее орхидеям сердце.

Вот уже много десятилетий в богатых гостиных западного мира держится мода на орхидеи — редкие, очень дорогие цветы тропических стран. Ценность их увеличивается еще и оттого, что они цветут зимой. Доставка орхидей из тропиков в Северную Америку и в Европу обходится очень дорого. Но в Таллин орхидеи попали дорогой добра и любви. Их переслал сюда один долго живший в Австралии эстонец — Оскар Савик. Он видел много стран и много бед, были у него в жизни успехи, удачи и относительное богатство. Но еще тогда, когда только начались его странствия и испытания, он понял простую истину: человек может быть спокоен и счастлив только на родной земле. Он несколько раз приезжал из Австралии в Советский Союз, путешествовал по стране и полюбил нашу жизнь. Однажды он подарил таллинскому Ботаническому саду Академии наук сто двадцать орхидей. В Сиднее орхидеи были источником его дохода. Вернувшись туда из Эстонии, он стал пересылать в Таллин все новые и новые сорта. Так здесь скопилась большая коллекция австралийских орхидей: 200 различных сортов, теперь уже не сто двадцать, а более тысячи растений, которые сейчас обрабатывают, рассаживают, их приспосабливают к жизни на севере, в теплице. А вскоре и сам Оскар Савик приехал в Эстонию — теперь уже навсегда. Он живет в Таллине, в новой квартире на улице Сыле, за городом есть у него сад, потому что он всегда любил и продолжает любить цветы. И работает он там, где ему и хотелось бы: в академическом ботаническом саду, с орхидеями.

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

...ИЗ БАКУ

С ЛЮБОВЬЮ И ДРУЖБОЙ...

Как известно, Сергей Есенин свои «Персидские мотивы» посвятил «С любовью и дружбой Петру Ивановичу Чагину».

Листая старые комплекты газеты «Бакинский рабочий», читая стихи, письма Есенина Чагину, видишь, что их связывала большая творческая дружба. В газете «Бакинский рабочий» в сентябре 1924 года была опубликована «Баллада о двадцати шести», написанная Есениным в Баку к шестой годовщине расстрела двадцати шести бакинских комиссаров. В Баку же вышла книга поэта «Русь Советская». Это произведение также было опубликовано в газете «Бакинский рабочий». В Баку печатались и другие стихи поэта.

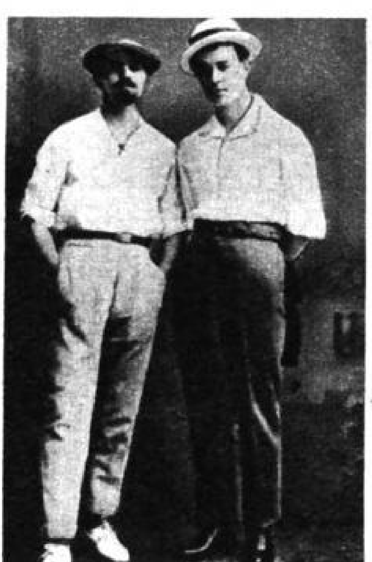
Чагин — это партийная кличка старого коммуниста, активного борца за установление Советской власти Петра Болдовкина. На первом снимке — Сергей Есенин и Петр Чагин, который в то время был секретарем ЦК Компартии Азербайджана и одновременно редактировал газету «Бакинский рабочий».

На втором снимке Есенин сфотографирован с братом Чагина В. Болдовкиным, который долгое время работал в советском полпредстве в Тегеране. При создании цикла «Персидские мотивы», определенное значение имели для Есенина и подробные рассказы о Персии В. И. Болдовкина.

Сделаны эти снимки в Баку в 1924 или 1925 году. Кто автор фотографий, неизвестно.

Б. МАРТИРОСОВ, нештатный корреспондент «Огонька»

...ИЗ ТБИЛИСИ

22 ЭТАЖА ГОСТЕПРИИМСТВА

Хорошо слыть гостеприимным городом, но еще лучше — «гостиницеприимным». То есть под чисто духовную категорию подвести крупную материальную базу. В Тбилиси эта база вросла на 18 метров в глубь скального берега Куры и поднялась ввысь на 22 этажа. В канун Нового года появилась новая первоклассная гостиница «Иверия», одетая в зеленовато-голубой тедзамский туф, и засияла, словно бирюза, в оправе бурых тбилисских крыш.

Ночи напролет не спал перед открытием директор «Иверии» Николай Ражденович Гвинадзе. Хотелось встретить гостей как можно лучше.

В боевой готовности стояли 282 номера, чтобы принять более 500 гостей, а ресторан и кафе 800. И все это увеличивало гостиницеприимство города почти на одну треть.

В утро открытия перед стойкой администратора появились первые гости — супруги Чакаберия из шахтерского городка Ткварчели. «Иверия» вручила им памятный сувенир.

И. МЕСХИ, собкор «Огонька»
Фото Г. Хамашуридзе.

...ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ

РОДДОМ В... СЕДЬМОМ ВАГОНЕ

Спустя два часа после того, как экспресс Москва — Красноярск отправился в путь, по радио передали необычное объявление: «Если в поезде есть врач, просьба прийти в седьмой вагон».

Минут через пятнадцать в коридоре седьмого вагона медработникам нельзя было протолкнуться: пришли стоматологи, терапевты, окулисты, невропатологи, хирурги, акушеры и акушерки... У женщины, едущей в Пермь, внезапно начались роды. Доктора хлопотали возле роженицы, как вдруг дверь купе приоткрылась, просунулась чья-то рука и поставила на пол ведро с кипяченой водой. Затем на полу появилась бутылка спирта и плитка шоколада.

— Младенцу,— пробасили за дверью.

— Так его еще нет, да и ему...— возразила акушерка.

— Ничего, мамаше тогда...

И вот в купе раздался громкий, требовательный крик новорожденного.

Поезд подошел к Ярославлю. Мать и новорожденного на носилках вынесли из вагона. В честь этого города, где малыш провел первую неделю своей жизни, родители назвали его Ярославом.

Ю. ЗАЙЦЕВ

...ИЗ ВОЛОГДЫ

«СЕРЕБРЯНЫЙ ПАТРИАРХ»

Вы видели великоустюжские изделия из бересты? Шкатулки, туески, портсигары, забавные матрешки?.. Сейчас этот старинный народный промысел — резьба по бересте — возрожден.

Техника на первый взгляд несложна. Бересту, снятую по весне, когда дерево в соку, выдерживают, шлифуют, покрывают просечным узором и наклеивают на деревянный корпус. Орнамент вроде и незатейлив, но какую же красоту творит умелый резец!

Искусство резьбы по бересте на вологодской земле, в устюгских деревнях, более двухсот лет передавалось из поколения в поколение. Директор городского музея Лукин расскажет вам, что в старину все крестьяне деревень Курилово и Наволок владели резцом. Родоначальниками этого промысла считают семью Вепревых. Особой славой пользовались Иван Афанасьевич, Александр Иванович и Николай Васильевич. Еще на Всероссийской промышленной выставке в 1882 году Ивана Афанасьевича удостоили бронзовой медали.

При Советской власти кустари организовались в артель, которая после многочисленных перестроек была закрыта по убыточности. Однако в наши дни все усиливающийся интерес к прикладному искусству вынес на своем гребне и бересту. Ныне мастерскую возглавляет художник Леонид Васильевич Петров.

Великоустюжский музей заслуженно гордится богатой экспозицией берестяных изделий. Шкатулки А. Е. Марковой напоминают тонкую вязь вологодских кружев. Очень красиво декоративное блюдо, исполненное заслуженным деятелем искусств РСФСР Е. П. Шильниковским, который более известен как мастер по чернению серебра (в прошлом году «Огонек» рассказывал о фабрике «Северная чернь», которую «серебряный патриарх» возглавлял долгие годы).

В мастерской работают опытные, любящие свое рукомесло художницы Н. Ф. Чупрова, З. И. Фролова. Сейчас столичный ГУМ заказал мастерской пробную партию шкатулок и туесков. Хочется верить, что старинная слава устюжских умельцев будет достойно поддержана.

В. КОКАРЕВ, сотрудник газеты «Вологодский комсомолец»

СКВОЗЬ СНЕГА И БОЛОТА

Закончились испытания опытного образца нового вездехода-гиганта ЗИЛ-Э167. Он прошел по дорогам страны свыше 20 тысяч километров по снегу, пескам, болотам. Новый вездеход прокладывал дороги, вытаскивал застрявшие автомобили и продолжал свою «деятельность» даже тогда, когда движение колесного транспорта полностью прекращалось. Эта машина надежно передвигалась по снегу глубиной в один метр и по болотистой местности глубиной до 0,7 метра.

Испытания показали, что машина с успехом исполняет роль конвоира автокараванов, маршрут которых пролегает в сложных дорожных условиях: она может вытаскивать застрявшие грузовики, прокладывать объездные пути и новые маршруты. Утепленный кузов снегохода по желанию водителя становится надежным домом. Машину можно использовать также как командный пункт при различных полевых работах.

●

ПРОДУКТ ОДИН — ПРЕДМЕТОВ СОТНИ

Поднесите спичку к войлоку. Представляете, что произойдет? К обычному войлоку много претензий: пожарные хотят, чтобы он был негорюч, музыканты — чтобы он хорошо поглощал удары и не боялся моли, конструкторы хотят, чтобы войлок поглощал вредные излучения, чтобы он был стоек к влаге и морозу. А войлок из натуральной шерсти ни одним из этих качеств не обладает. К тому же он довольно дорог: для изготовления его требуются тысячи тонн натуральной шерсти — из этого можно сделать миллионы женских костюмов или других красивых изделий.

И вот конструкторы из Центрального научно-исследовательского института шерстяной промышленности решили создать войлок из синтетического волокна, чтобы ему была не страшна температура порядка 3 тысяч градусов. И такой материал создан. Сейчас исследователи ищут возможность увеличить срок его службы.

Синтетический войлок легче и намного дешевле натурального. Из него можно шить одежду и переносные юрты. Новый материал придется по душе чабанам горных пастбищ, у которых бурки из шерстяного волокна расползаются под действием солнца и влаги. Могут использовать новый войлок медики и биологи. Пригодится негорючий войлок и пожарным.

●

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЕР

Сложные процессы происходят в доменной печи: все время меняется уровень шихты, автоматы в соответствии с этим управляют загрузкой.

Теперь контроль за работой домны осуществит изотопный уровнемер марки УРМС. Прибор создан в Центральном научно-исследовательском институте черной металлургии имени И. П. Бардина. Он записывает уровень шихты в четырех радиально расходящихся точках. Показания уровня регистрируются в зависимости от количества ядерного излучения (кобальт-60), поглощаемого шихтой. В этом основа работы прибора.

Изотопные уровнемеры успешно используются на крупнейших домнах нашей страны.

Загадка, проблема, открытие, факт

ТАМ, ГДЕ СОСНЫ ЧИТАЮТ СТИХИ

Начало см. на 2-й стр. обл.

А рядом замаскировалась льдом и снегом Ангара. Спряталась, скрыла свою силушку, тихоней прикинулась. Не видно и не слышно ее. Бело кругом. Зима. Но люди, с которыми мы летим, знают другую Ангару — буйную, коварную, мощную, хитрую. И теперь они склонны не очень-то доверять ей. Слишком свежи воспоминания.

Перекрытие Ангары у Толстого мыса, в том самом месте, где через несколько лет первые агрегаты ГЭС дадут ток, шло без особых происшествий. Так говорили все: рабочие, шоферы, экскаваторщики, взрывник Дима Педан, бригадир Николай Карначев, начальник участка Василий Воропай, главный инженер основных сооружений Николай Михайлов... Река сопротивлялась вяло и не подстегивала азарта у ребят. Все шло точно по графику и четко подчинялось расчетам инженеров. Проран сужался. Вечером дали телеграмму начальству в Братск: приезжайте, завтра после обеда, мол, закончим. И оплошали. Перекрыли утром. Последний громадный кусок диабаза скатился с кузова «КРАЗа», и все прочли на нем озорную надпись: «Покорим Ангару и... другие речки». Февраль дышал сорокаградусным морозом, но покорителям было жарко от успеха.

Строителей, как водится, похвалили за досрочность и так далее. А весной разыгралась трагедия... Сейчас научно объясняют, будто гидрологи дали наивысшую отметку уровня воды по 1933 году, а в 1967-м она непредвиденно поднялась еще выше, и предусмотренного запаса прочности не хватило. Это, конечно, правильно. А может, Ангара просто-напросто обиделась на ту фамильярность, с какой ее причислили к категории смирных речек?

За два дня до первомайского праздника река очистилась ото льда. Николай Борисович Михайлов прошелся по перемычке, взглянул на остров Лосенок и остался доволен. На берегу две его дочки играли у ручейка в перекрытие. Младшая, Настя, кричала сестренке:

— Что ты мне, Светка, горную массу даешь? Давай негабариты!

— Тоже строители,— усмехнулся Михайлов, взял их за руки и пошел домой. Он не знал да и никто не догадывался, какую каверзу строит им в это самое время приток Ангары Илим. Он не знал, что сам скоро будет кричать: «Давай негабариты!»

В устье Илима, у деревни Сотниково, образовалась гигантская ледяная пробка. Уровень воды поднялся на 12 метров. По улицам плыли льдины. Старики не помнили такого. Ночью невиданным напором пробку выбило, и многомиллионная лавина льда ринулась вниз, разбиваясь о каменные лбы островов и вновь сливаясь в единую плотную массу там, где путь был свободен. Последним препятствием перед Толстым мысом был остров Лосенок. Поток обошел его и ринулся в левый рукав, туда, где люди успели насыпать перемычку. Вода рвалась вперед, пытаясь просочиться сквозь щели. Но щелей не было. Тогда вода резко пошла вверх. Наступало утро другого дня, в это время к перемычке подошли Михайлов и его жена Сильва, инженер-гидростроитель. Они только переглянулись. Все было ясно без слов. Спасти перемычку можно, только непрерывно наращивая ее и опережая подъем воды.

Прибежали еще двое: гидролог комплексно-изыскательской партии Толя Шлычков и Федор Шерстнев из технического отдела. Все вместе решили пройти к перемычке и посмотреть вблизи, как обстоят дела. Не тут-то было. Вода начала заливать дорогу и подходы к перемычке. С грехом пополам по доскам и льду все-таки прошли.

Треск и шорох льда в полной тишине утра рождали довольно мрачную музыку; вся эта масса льда, словно живая, шевелилась и поднималась прямо на глазах.

Этот момент жена Михайлова Сильва комментировала чисто по-женски: «Ой, страшно было!» Я сидел у Михайловых в гостях и смотрел уникальную любительскую киноленту о вторичном перекрытии. Но я забегаю немного вперед. Дальше расскажет сам Николай Борисович:

— Когда пришел туда снова, уровень льда почти сровнялся с верхним краем перемычки. Какой-то любопытный безумец в резиновых болотных сапогах побрел прямо по воде — посмотреть. Его останавливали, он не слушал. Назад он уже шел по пояс в воде и с перепугу влез прямо по отвесной диабазовой скале на Толстый мыс. Правда, альпинисты бросили ему сверху веревку... Подошли самосвалы со щебнем. Но не успел опрокинуться первый кузов, как первый ручеек перехлестнул через перемычку. И пошло-поехало... Мы стояли в бессильной ярости и смотрели, как ее размывает вода. В тот момент со всеми нашими мощными машинами мы ничего не могли сделать. Ровно ничего. Оставалось ждать спада воды и начинать перекрытие заново...

Когда лед прошел и вода немного спала, в перемычке обнажились две страшные бреши: одна, тридцатиметровая, была недалеко от берега, другая, шириной более ста метров, пришлась как раз посредине. Пора было снова начинать штурм. И он начался.

На Лосенок баржой-катамараном высадили десант — экскаватор, бульдозеры, краны, самосвалы. Речники доставили из Братска несколько сот тонн железобетона. Плотники из бригады Николая Карначева в срочном порядке срубили огромных размеров ряж. Его загрузили железобетоном и отбуксировали к прорану. Но дикий поток не желал теперь подчиняться людям. Словно игрушку, он смял, опрокинул и отбросил прочь тридцатитонное сооружение. Пробовали сбрасывать с «МАЗов» 25-тонные глыбы бетона — поток уносил их, словно малые камешки. Их и сейчас можно увидеть на сухом дне котлована. Тогда придумали еще одну хитрость: связывать диабазовые негабариты по нескольку штук. Трос натянулся струной и... выдержал. Проран стал суживаться. В последние сутки бригада Кучумова вообще не уходила с перемычки. Побледневшая от бессонницы луна укладывалась за дальней сопкой на отдых. Шел пятый час утра восемнадцатых суток непрерывного штурма. Ангара сдалась...

А мы все летим. На Шаманские пороги. И их покоритель Воропай по-прежнему сидит, уставившись в иллюминатор. Вспоминает? Наверное. Внизу по обе стороны Ангары бредут леса и «сосны читают стихи», как поется в одной хорошей песне. Им и невдомек, что они растут на дне морском и участь их решена. С этого дна придется вывезти 12 миллионов кубов леса, добыча его уже начата. Да вот, кстати, и один из леспромхозов — трелевочные трактора, кругляши бревен на берегу, готовые к сплаву. По льду резво бегут запряженные в сани лошадки. Летим низко, так что видим задранные вверх лица возниц.

Потом проплывают малюсенькие деревушки. Наконец кипящая вода над подводными гребнями — Шаманские пороги. Вертолет делает круг и садится на острове Тунгусском. Усть-Илимское море разольется здесь до самого Падуна, вплотную подступит к плотине Братской ГЭС. Шаманские пороги покроет сорокаметровый слой воды. Но перемычка здесь пока нужна. Она поднимает уровень воды в протоке, и баржи с грузами относительно спокойно проходят к Усть-Илиму...

Все оказывается в полном порядке. Но Воропай, что-то прикинув про себя, решает: дамбу надо расширять и поднимать еще выше. Ему виднее...

В поселок возвращаемся почти в сумерках. Перед клубом «Гренада» самозабвенно катаются с горки ребятишки. Почти все в красных шароварах — верный признак того, что недавно в магазин поступила партия одинаковых лыжных костюмов. На стене объявление: «В воскресенье состоятся соревнования по хоккею и регби». В клубе под большим фотостендом «Усть-Илим строится» восседает эстрадный квинтет. Сегодня в клубе танцы. Статистики могут торжествовать: они глубоко правы — и здесь, в Усть-Илиме, на десять девчонок тоже девять ребят... А на улице хоровод огней из прямоугольников светящихся окон. Глядя на них, один из местных старожилов, которому едва минуло 25 лет, сказал:

— Ничего понастроили, да? Там, где я свидания назначал, теперь дом. А глухо было. Тайга.

Мне показалось, что от кого-то я уже слышал подобную фразу. Может быть, в Братске или в далекой Коряжме. А может, так же вот говорили первые строители Комсомольска.

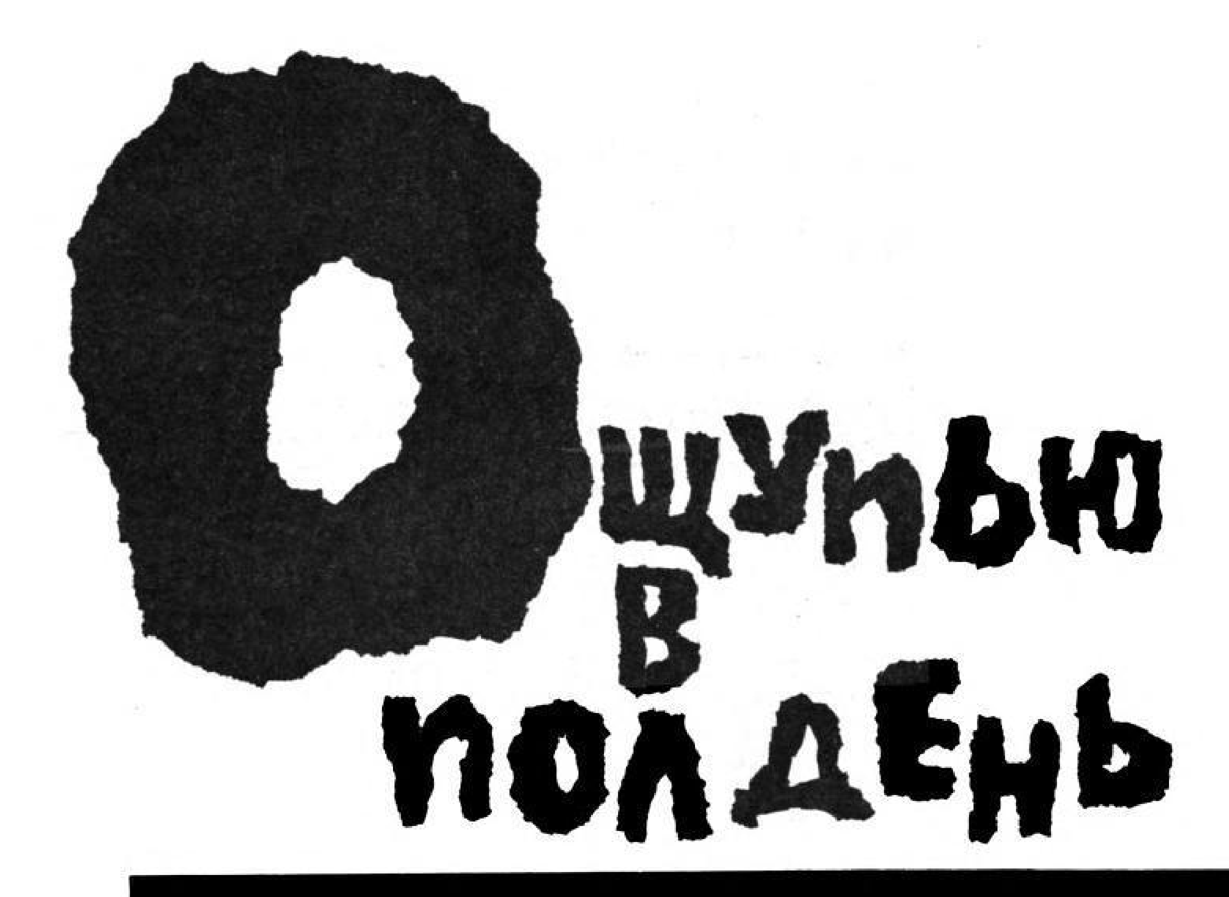
Фото А. Гостева.

Торосы на Ангаре.

Комсомолка Люда Кумкина работает геодезистом на строительстве Усть-илимской ГЭС.

Усть-Илим. Выходной день. Главный инженер основных сооружений Николай Михайлов с женой и дочерьми отправляется на прогулку в тайгу.

Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Нет, махорочка, что ни говори, штука стоящая. Возьми вот сигареты нынешние, особенно с фильтром. Крепости в них никакой — кислота одна. Изжога потом. Кислотность у меня очень нервная: чуть что не по ней, сразу так запаливает — соды не хватает. А из махры к концу дня свернешь «козу», пару раз затянешься — мигом мозги прочищает.— Шарапов говорит медленно, не спеша, оглаживая и ровняя слова, лениво проталкивает их между губами.

— Ну и как, прочистило сейчас?

— Трудно сказать...

Тихонов нетерпеливо барабанит пальцами по спинке стула и бормочет:

— Непонятно, непонятно все это...

Шарапов спокоен.

— Поищем, подумаем, найдем.

— А если не найдем?

— Это вряд ли. И не таких находили...

— Тогда давай думать, черт возьми, а не тянуть баланду про махорку!

Шарапов протягивает руку и снимает с электрической плитки закипевший чайничек, достает из ящика стола большой хрустальный фужер с отбитым краем. Долго, задумчиво протирает его листом бумаги, насыпает сахар и кофе. Потом наливает из эмалированного чайничка кипяток, смотрит, как закипает желтой пеной коричнево-черная жидкость. Делает он все спокойно, истово, почти торжественно. Тихонов сидит, закрыв глаза, слышит, как Шарапов со вкусом причмокивает, довольно кряхтит, приговаривает: «Эх, хорошо!» Потом фужер с легким звоном стукается о мрамор письменного прибора, и Шарапов говорит негромко:

— Подъем, сынок. Поехали с самого начала...

Тихонов открывает глаза и перелистывает первую страницу картонной папки, надписанной аккуратным канцелярским почерком: «Уголовное дело № 2834 по факту убийства гр-ки Т. С. Аксеновой. Начато 14 февраля 1966 года. Окончено...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ АБСОЛЮТНОГО

ПОНЕДЕЛЬНИК

1

Ветер сник, и снег пошел еще сильнее. Было удивительно тихо, и эту вязкую, холодную тишину внезапно распорол пронзительный крик. Потом еще раз и еще, как будто кто-то рядом разрывал огромные листы жести.

— Что это? — спросил Тихонов постового милиционера.

— Павлины проклятущие. Их тут, в Ботаническом саду, в клетке держат. Прямо удивление берет — такая птица важная, а голос у нее вроде в насмешку.

— Ладно. Дайте-ка фонарь.

Тихонов нажал кнопку, и струя света вырубила в серебристой зимней ночи круг снега, перечеркнутый человеческим телом. Тихонов подумал, что в цирке так вот освещают воздушных гимнастов. Он опустился на колени прямо в сугроб и увидел, что снежинки, застрявшие в длинных ресницах, уже не тают. Большие глаза были открыты: казалось, что женщина сейчас прищурится от яркого света фонаря и снежинки слетят с ресниц.

Но она лежала неподвижно, широко разбросав руки, и с удивленной улыбкой смотрела сквозь свет в низкое, запеленатое снегопадом небо. А снег шел, шел, шел, будто хотел совсем запорошить ее каменеющее лицо.

— В морг...

2

Тихонов держал сумку осторожно, за углы, медленно поворачивая ее под косым лучом настольной лампы. Черная кожа, блестящий желтый замок в тепле сразу же покрылись матовой испариной. Комочек снега, забившийся в боковой сгиб, растаял и упал на стол двумя тяжелыми каплями.

Стас щелкнул замком и перевернул сумку над листом белой бумаги. Сигареты «Ява», блокнот, шариковый карандаш, коробочка с тушью для ресниц, десятирублевка, мелочь, пудреница, белый платочек со следами губной помады. Стас почувствовал себя скверно, как будто без разрешения вошел он в чужую жизнь и подсмотрел что-то очень интимное. Даже не в жизнь — туда опоздал. Он пришел в чужую смерть.

Из бокового кармашка сумки Тихонов вынул удостоверение и конверт. В коричневой книжечке с золотым тиснением «Страна Советов» написано: «Аксенова Татьяна Сергеевна. Специальный корреспондент». И сбоку — фото: лицо с большими удивленными глазами и улыбкой в уголках губ. Тихонов подумал, что обычно фотографии на документах почему-то очень не похожи на людей, личность которых они удостоверяют. А эта похожа. Даже после смерти. Конверт был без марки, со штампом «доплатное» и московскими штемпелями отправки и получения. Внутри лежал лист бумаги, неаккуратно вырванный из ученической тетрадки «в три косых». Размашистым почерком: «Вы скверная и подлая женщина. Если вы не оставите его в покое, то очень скоро вам будет плохо. Вы поставите себя в весьма опасное положение».

Тихонов покачал головой: неплохо для начала.

«Москва, Теплый переулок, д. 67, кв. 12. Аксеновой Т. С.»

Тихонов снял трубку.

— Адресное? Тихонов из МУРа. Дайте справочку на Аксенову Татьяну Сергеевну, журналистку. Так, так. Все правильно. Нет, это я не вам. Спасибо.

Обратного адреса на конверте нет. Письмо было получено два дня назад.

В блокноте исписаны только первые две страницы. Собственно, не исписаны, а изрисованы. Какие-то фигурки, отдельные короткие фразы, слова между рисунками: «Корчится бес», «Белые от злобы глаза», «Старик Одуванчик», «Страх растворяет у труса все человеческое», «Ужасно, что все еще...», «Верила глупая баба!», «А может быть, не он?», «Он, он, он!».

3

— Гражданка Евстигнеева, расскажите теперь все по порядку.

— С самого начала?

— С самого...

— Значит, Нюра приехала ко мне насчет холодильника...

— Нюра — это Анна Лапина?

— Ну, конечно! Кто же еще! У нее очередь на «ЗИЛ», а у меня на «Юрюзань». Она, значит, говорит, что, мол, твоя очередь еще не скоро, а у меня...

— Надежда Петровна, начните с того момента, как вы вышли на улицу.

— Так, пожалуйста! Значит, полдевятого Нюра стала собираться, я ей и говорю: «Давай до автобуса провожу». А дом мой — прямо напротив гостиницы «Байкал», наискосок немножко. Я говорю Нюре: «Ты здесь не садись на автобус, здесь всегда народу полно. Пошли лучше через пустырь, там последняя остановка двадцать четвертого. Все сойдут, а ты сядешь, вокруг гостиницы объедешь, зато до самого центра сидеть будешь. За пятак, как в такси, поедешь». Ну, и пошли, значит. Тропинка там утоптана...

— Скажите, пожалуйста, тропинка прямо к автобусной остановке выходит?

— Нет, остановка на Сусоноловском шоссе. А на краю пустыря, значит, дом шестнадцать стоит. Вот как его обогнешь, тут и остановка будет. Мужчина этот самый еще у начала тропинки нас с Нюрой обогнал. А впереди-то и шла убитая.

— На каком расстоянии от вас шла женщина, которую убили?

— А кто его знает? Вам же точно надо? А я разве мерила? Думаю, что шагов пятьдесят. А может, шестьдесят! Если б заранее знать...

Тихонов внимательно слушал, стараясь тщательно рассортировать все, что говорила эта пожилая расстроенная женщина. Ведь она и ее подруга Анна Семеновна Лапина были единственными очевидцами убийства.

— Как выглядел мужчина?

— Как? Обыкновенно вроде. Высокий, в кепке, пальто, кажись, было темное. И сумка в руке...

— Гражданка Лапина, а вы не разглядели его в лицо?

— Да где же? Темно ведь. Тропинка узкая, я спиной к нему повернулась, когда он нас обогнал.

— По тропинке двое рядом могли идти? Или одному надо было посторониться?

— Так я ж про то и говорю! Одному отступить надо было, не то нога в снег проваливалась.

— А какая сумка у него в руке была?

— Да это, по-моему, и не сумка вовсе, а чемоданчик. Вот вроде как студенты носят.

— Вы бы могли этого человека опознать?

Женщина подумала, помялась:

— Не, боюсь грех на душу взять. Темно ведь было. Так и в тюрьму ни за что упечь можно.

Тихонов усмехнулся:

— Так просто человека в тюрьму не упекают... Давайте дальше. На тропинке вас было четверо: вы с Евстигнеевой, перед вами мужчина, перед ним — та женщина...

— Правильно. Когда дошли до середины пустыря, женщина уже подходила к самому краю, а мужчина ее нагонял. Потом подняла голову, смотрю — ни его, ни ее не видать. Прошли мы еще немного, глядь — лежит она, горемыка, на снегу. А его уж и след простыл.

— Давайте еще раз восстановим последний момент, когда все были на тропинке. Вы видели, как он обгонял женщину?

— Да, видела.

— После этого они сразу исчезли из виду?

— Нет. Я еще видела, как он шел немного впереди, а она сзади.

— Сколько метров было приблизительно от вас до них?

— Да так, если на глаз, метров пятьдесят, наверное.

— А от них до дома шестнадцать?

— Метров тридцать,— неуверенно сказала Лапина.

— Если мы выедем на место, вы сможете показать, где вы все находились?

— Думаю, что смогу...

4

«...ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я, судебно-медицинский эксперт Сорокин, на основании изучения обстоятельств дела и данных с судебно-медицинского исследования тела гражданки Аксеновой Т. С., двадцати восьми лет, с учетом:

1. характера раневого канала, направленного сзади вперед, сверху вниз, несколько слева направо и слепо заканчивающегося на внутренней поверхности четвертого левого ребра;

2. особенностей краев раны — круглой формы, ровных, без осаднения;

3. наличия в левой лопаточной кости округлого отверстия, повторяющего форму оружия, диаметр которого соответствует размеру раны;

4. отсутствия поясков осаднения и ожога;— прихожу к заключению, что смерть Аксеновой наступила в результате проникающего ранения левого легкого и сквозного ранения сердца, с последующей тампонадой его, причиненного длинным (не менее 17—18 см) остроконечным орудием, действующим по направлению своей продольной оси, вероятнее всего, толстым шилом...»

Тихонов даже присвистнул:

— Ничего себе! Шилом! Прямо пещера Лейхтвейса какая-то!

Шарапов еще раз внимательно просмотрел акт экспертизы.

— Шилом. Надо же! Так что у тебя есть, Стас?

— Вот смотри, Владимир Иваныч: план, составленный по обмеру и показаниям Евстигнеевой и Лапиной на месте убийства. Длина тропинки — сто восемнадцать метров. Тело Аксеновой лежало на расстоянии двадцати четырех метров от дома шестнадцать. Обе свидетельницы утверждают, что неизвестный обогнал Аксенову метров за десять — двенадцать от этого места. Это и непонятно. После того, как он ударил ее шилом в спину,— больше ведь и некому — она сделала еще около двадцати шагов и упала, даже не вскрикнув.

Шарапов осмотрел лист с одной стороны, потом зачем-то перевернул его вверх ногами. С обратной стороны лист был покрыт столбиками цифр; они умножались, складывались, делились, вычитались.

— Что это за арифметика?

— Да пришлось вспомнить: «Пешеход вышел из пункта А в пункт Б. Через час следом за ним выехал велосипедист...»

Шарапов кивнул:

— Понял. Что получили?

— Исходные данные у меня очень приближенные. Я сделал три варианта: на разную скорость ходьбы убийцы, убитой и свидетельниц. Потом три варианта на разную засечку интервалов, через которые Евстигнеева и Лапина видели Аксенову и убийцу на тропинке. Потом привел их к средним результатам.

— И что?

— Несообразность. Лапина говорит, что, взглянув последний раз перед собой, никого на тропинке не увидела. А убийцу, по моим расчетам, она должна была увидеть. Уже после того, как Аксенова упала.

— Ладно, поехали на место...

5

Все длилась эта бесконечная ночь. Снегопад немного стих, и прожектор с оперативной машины просвечивал почти всю тропинку — от дома шестнадцать до корпусов гостиницы «Байкал».

Шарапов сказал:

— Здесь она упала. Ему осталось пройти всего метров десять, потом он исчез в тени от дома шестнадцать. Видишь, дом заслоняет свет фонарей на шоссе. Поэтому Лапина его и не видела.

— Может быть,— сказал Тихонов.— Но что-то здесь не то...

Он махнул рукой, и прожектор на оперативной машине погас.

Мгла, непроницаемая, прошитая белесыми стежками снегопада, повисла над пустырем.

— Земля была безвидна и пуста, и тьма царила над бездной,— грустно сказал Шарапов.

Они прошли по тропинке до шоссе, где ветер на столбах с визгом раскачивал фонари. Последней дорогой Тани Аксеновой, которую она не прошла до конца. Здесь снегопад сатанел совершенно, лип к лицу, лез в рукава и за шиворот. Хлопнула сухо дверца машины, и Шарапов сказал:

— На Петровку...

ВТОРНИК

1

Ключ слегка заедало в замке, и, чтобы открыть дверь, его надо было быстро покрутить несколько раз налево-направо, подергать туда и обратно. Тихонов чертыхнулся, но ключ повернул все-таки нежно, дверь открылась. В кабинете было сине от утренних зимних сумерек и холодно. «Черти-хозяйственники,— меланхолично подумал Стас,— окна, наверное, заклеют к Первомаю». Стекло покрылось толстой узорной изморозью. Не снимая пальто, Тихонов подошел к столу и включил электрическую плитку. Снял пальто, толстый шарф бросил на спинку стула. После вчерашней ночи он чувствовал себя разбитым. От теплого воздуха плитки его снова потянуло в сон. «Хорошо бы пойти в ночные сторожа! Сидишь себе в тулупе, в валенках, в малахае на свежем воздухе. И спишь. Красота! А утром сменился — и снова спишь. Лафа!» Стас усмехнулся, вспомнив это слово. Во время войны у всех мальчишек высшую меру блаженства обозначало слово «лафа». А потом, так же неожиданно, как и появилось, оно исчезло бесследно.

Тихонов потянулся изо всех сил — с хрустом. Бабушка говорила в детстве: «Смотри, выскочат все кости из гнезд, будешь вбок-поперек расти».

Он встал, походил по кабинету.

«Начнем обзванивать автобусное хозяйство». Звякает диск телефонного аппарата.

Шесть цифр:

— Пожалуйста, дайте начальника эксплуатации.

Шесть цифр:

— Попросите к телефону старшего диспетчера.

Шесть цифр:

— Линейную службу прошу.

Шесть цифр:

— Начальника четвертой колонны. А! Очень приятно. Говорит старший оперуполномоченный МУРа Тихонов. Нет, нет, с вашими ничего не случилось. Вы мне сообщите, пожалуйста, каков интервал движения двадцать четвертого маршрута в районе Владыкина между 20 и 21 часами. Сколько? 11 минут? Так. Теперь второй вопрос. Сообщите фамилии водителей, проехавших Владыкинский конечный круг с 20 часов 20 минут до 20 часов 45 минут. Записываю. Гавриленко — 20.26, Демидов — 20.37, Лампси — 20.48. Спасибо. Когда они работают сегодня? Очень хорошо. До свидания.

2

Тихонов вышел на Петровку, обогнул Екатерининскую больницу, двинулся по Страстному бульвару к Пушкинской площади. На воздухе сонливость прошла. Негромко поскрипывал под каблуками снег, пышно лежал на скамейках высокими «купецкими» перинами. Стас на ходу зачерпнул ладонью ком тяжелого мягкого снега, свалял тугой, жесткий шарик и бросил его в ствол старого развесистого тополя. Снежок с хрустом разбился, и сразу же с ветвей посыпались тяжелые белые хлопья. Впереди шла высокая тощая старуха. Она обернулась и сказала хрипло:

— Ты что, со вчера не проспался? Ишь, бездельник, шутки придумал!

Стас быстро ответил:

— Миль пардон, мадам!

Старуха погрозила прямым пальцем, похожим на обгорелый сучок.

— То-то!

Тихонов знал эту старуху. Летом она прогуливала на веревочке по Страстному бульвару огромного рыжего петуха по имени Пьер. Обычно старуха громко беседовала с этим Пьером по-французски. Поэтому Стас сразу выложил все свои познания во французском. Помогло. Стас подумал, что каждому человеку, видимо, отпущен какой-то лимит любви и он должен его непрерывно расходовать, чтобы не разрушить баланс своей жизни. Ужасно обидно: людям нужно еще так много доброты и любви, а кто-то любит бессмысленного рыжего петуха...

Около стеклянного навеса кинотеатра «Россия» толпились первые зрители. В витрине «Известий» вывешивали фотомонтаж «Вчера и завтра Якутии», школьники положили на снег у памятника Пушкину цветы. Тихонов сел в троллейбус. На Кропоткинской сиреневым облаком поднимался над бассейном пар, мятыми светлыми кругами еще горели над водой прожекторы. По Метростроевской, с лязгом размахивая кривыми железными руками, ползли снегоуборочные машины, и шоферы самосвалов, глядя, как проседают под грудами снега кузова, кричали:

— Ха-а-рош!

Москва жила своей жизнью. Тихонов ехал в Теплый переулок.

Он поднимался по лестнице медленно, останавливался на площадках. Больше всего его страшила минута, когда он позвонит и из-за двери спросят: «Кто там?» Кто там? Десятки раз раньше звонил, спрашивали, и он отвечал: «Откройте. Из уголовного розыска». Иногда в ответ можно было получить через дверь пулю или плотный заряд дроби. Так убили Толю Панкратова. Молодой был совсем, забыл, что отвечать надо, стоя сбоку от двери. Мерзкий холодок под ложечкой в таких случаях не проходит никогда. Но и к этому привыкаешь. Нельзя привыкнуть к необходимости сказать кому-то, еще неизвестному, за дверью: «Ваша дочь сегодня убита...»

Ну, Стас, так кто там? А? Капитан милиции Тихонов, двадцати восьми лет, холостой, последний год в комсомоле, по мнению начальства, способный сыщик, по собственному убеждению, человек, еще не нашедший своего призвания и не решившийся начать новую жизнь.

Самое глупое, до чего может додуматься человек,— это решить начать новую жизнь. Стас знает это точно. Волевые люди, принявшие такое решение, мучаются долго, пока не выработают какие-то эрзацы, хотя бы внешне непохожие на прошлое. И продолжают спокойно и весело жить по-старому. А вот с неволевыми людьми просто беда. Стас — человек безвольный. Часто он просыпается с твердым решением начать новую жизнь, обдумывает все ее аспекты в троллейбусе, по дороге на работу. Вместо обычной шутки Стас сухо кивает постовому в воротах и не бежит по лестнице на четвертый этаж, а дожидается лифта. Открывает вечно барахлящий замок в своем кабинете, садится за стол и обдумывает рапорт начальству об увольнении из милиции. Потом прикидывает, кем он сможет работать на «гражданке». Лешка Пинчук, бывший следователь первого отдела, стал корреспондентом «Московской правды», Тихонравов — заместителем директора самолетостроительного завода. По общим вопросам, конечно. А Иван Петренко пошел администратором в цирк. Правда, Петренко не сам ушел, а «ушли» его из милиции...

Потом раздумья Стаса обрывает телефонный звонок, и тягучий голос Шарапова гудит в трубке:

— На проспекте Мира вооруженное ограбление сберкассы. Инкассатор ранил одного из бандитов. Ты старший группы. Савоненко, Ластиков и Дрыга с тобой. Давай, быстро!

Тихонов почти автоматически вскакивает, передергивает затвор своего «макарова», засовывая его на ходу в задний карман брюк, и бежит вниз в оперативную машину. И ныряет с головой в колготу розыска, преследования, звонков, обысков, опознаний... А вечером, поднимаясь в лифте к себе домой, он прислоняется к красной исцарапанной стенке, потому что ноги дрожат от усталости и уходящего напряжения, и думает, что Дрыгу надо завтра послать домой к вернувшемуся из тюрьмы Колюне-Иконостасу, а Лепилину-эксперту надо предложить сделать новые снимки в косо падающем освещении: на сейфе были следы; и поехать со следователем к пронурору — получить санкцию на обыск у Галки-Миллионерши, а фарцовщика Берем-Едем надо взять прямо утречком в постели. Знаем, куда диски золотые поплыли! И еще надо, надо, надо...

Стас падает в постель и засыпает мгновенно, не успев подумать, что так и не начал сегодня новую жизнь и прошедший день был похож на десятки других. Об этом он вспомнит только утром. Но завтра об этом будет некогда думать. Завтра дело будет в разгаре. О новой жизни придется подумать, когда дело закончится и наступит пауза. Но тогда позвонит Шарапов, как он позвонил вчера:

— Стас, женщину убили во Владыкине...

Тихонов поднялся до четвертого этажа, остановился, вынул из кармана записочку: «5-й этаж, квартира 49». Все, надо идти. Он повернул на последний марш и увидел, что дверь в квартиру отворена. Стас вошел в прихожую. Здесь стояли тихие, заплаканные люди. Значит, опоздал. И впервые Тихонову стало легче оттого, что кто-то его опередил. Полный мужчина негромко говорил по телефону, иногда голос его срывался:

— Это же не люди, а бюрократы, я вам говорю! Это же что-то невозможное! Я же сказал, что автобус послали в морг!

Он с размаху брякнул трубку на рычаг и повернулся к Тихонову.

— Здравствуйте. Арон Скорый, заведующий редакцией. Иначе говоря, заместитель главного редактора по хозяйственной части. Ах, какое горе! Кто бы мог подумать! Вы, если не ошибаюсь, Константин Михайлович?

— Нет. Я Станислав Павлович. Но это не имеет значения.

— Видит бог, что да, не имеет. Перед горем все равны. Да-да-да.

«Вот привязался Скорый — Почтовый — Пассажирский! — с досадой подумал Стас.— А кто же это Константин Михайлович? Она вроде незамужняя...»

— Простите.— Он отодвинул расстроенного толстяка и вошел в комнату.

Седая женщина, повязанная черной косынкой, сидела в углу на диване. Она не плакала, а только тихонечко раскачивалась и повторяла беспрерывно:

— Донюшка, моя донюшка, за что ты меня так? Таточка моя нежная, за что же ты? Что мне жить без тебя? Донюшка моя, донюшка...

Около нее, обняв за плечи, сидела девушка с опухшими, красными глазами и говорила:

— Ну, мамочка, дорогая, перестань! Перестань, мамочка...

Женщина все время раскачивалась.

— Донюшка моя светлая, солнышко мое, Таточка, убили меня вместе с тобой, Таточка...

Стас осторожно прошел к окну. Вдруг женщина подняла голову и увидела Тихонова:

— Вы с работы с Таточкиной?

Стас немного растерялся, неожиданно остро почувствовал свою неуместность здесь и сказал угрюмо:

— Я из милиции.

Женщина смотрела на него долго, внимательно, и Стасу стало нестерпимо страшно: такое чудовищное страдание было в этих выцветших глазах.

— Подойди, сынок,— сказала женщина вдруг охрипшим голосом.

Стас подошел.

— Наклонись.— Стас нагнулся, и она провела ледяной ладонью по его лбу, и он сразу вспомнил, как ночью прикоснулся рукой к уже окоченевшему лицу Татьяны.— Дочку мою, Таточку, убили,— сказала женщина тихо. И вдруг в голос, от всего рвущегося сердца закричала:

— Уби-и-ли-и! Донюшку мою! Кровиночку мою родную!

Девушка обняла ее, охватила крепко, как будто хотела остановить рвущийся из нее крик.

— Мамочка, перестань! Ты убьешь себя!

— Ой, Галенька, что жалеть-то меня? Убили меня сегодня, не хочу больше жить. Зачем жить мне? Как домой пойду, если завтра положат ее в землю ледяную?

Какая-то старуха громко зарыдала. Стас окаменел. Женщина повернулась к нему.

— Сынок, дожить хочу только, как поймают их! Если не поймаешь, зря живешь ты на земле. Слышишь, это мать тебе говорит!..

Галя крикнула:

— Ну зачем так, мамочка!

— Галюшка, человека убили! Дочь мою убили! Все люди на земле кричать должны: человека убили! Какого человека уби-и-ли-и-и!..

...Тихонов час подряд расспрашивал в соседней комнате Галю обо всем, что могло иметь отношение к убийству Тани. Ничего! Ничего, ровным счетом ничего девушка не могла сообщить полезного. Уже перед самым уходом вспомнил:

— А кто такой Константин Михайлович?

— Это Ставицкий — Танин приятель. Одно время они даже пожениться хотели. Но он скрыл от нее, что был женат. А она врунов ненавидит. Вот и пошло у них вкривь и вкось. Но все-таки они видятся иногда...

Девушка не замечала, что говорит о Тане, будто она должна скоро прийти...

3

Тихонов шел по улице, раздумывая, где лучше встретиться с водителями автобусов: поехать в парк или перехватить их на остановке «Владыкинский круг». Оба варианта имели свои плюсы и минусы. В парке можно было поговорить обстоятельно: на линии шоферов поджимал график. Но встреча на остановке психологически целесообразней: им придется раскручивать назад только нить событийных воспоминаний — обстановка полностью сохранялась. С этим нельзя не считаться. Впрочем, подумал Стас, если не выйдет, вызову их на Петровку и попробую копнуть глубже.

Он приехал во Владыкино задолго до пяти и решил еще раз пройти по тропинке. На том месте, где упала Таня, снег был уже плотно утоптан, по тропинке деловито шагали люди. Стас дошел до гостиницы «Байкал», бессознательно считая шаги. Потом повернул обратно. Здесь она упала. Лапина говорит, что вот тут убийца еще шел впереди. Сколько же шагов сделала Таня со смертельной раной в сердце? Тропинка заворачивала за дом шестнадцать и кончалась на автобусной остановке. Евстигнеева помнит, а может быть, ей кажется, что она помнит, будто сразу после того, как они нашли Таню, раздался гул уходящего автобуса...

Шофер Гавриленко не помнил.

— Бес его знает! У меня длинных мужиков в черных пальто и кепках, почитай, сотня за день проедет...

Тихонов на него и не очень-то рассчитывал. Машина Гавриленко ушла в 20.26. А Евстигнеева говорит, что они вышли из дома минут двадцать девятого. За шесть минут они дойти почти до самой остановки не могли. Убийцу могли, вероятнее всего, увезти Демидов или Лампси.

Увез Демидов. Толстый, с маленькими серыми глазками и красным носом, в голубоватых прожилках, он говорил спокойно, ковыряя каблуком кирзового сапога снег около кабины:

— Когда народу много, еще совестятся. Вроде все на тебя смотрят: давай пятак. А как пассажиров сзади нет, так некоторые мимо кассы все боком шмыгнуть норовят. Проездной, мол. А я двадцать девять лет в автобусе баранку кручу — меня хрен обманешь. Я «зайца» издаля вижу, и сразу ему по радио в салон: «Гражданин, предъявите проездной билет или опустите деньги за проезд в кассу». Так вот этот, что вы спрашиваете, этот нет. Он вошел аккурат вот здесь, и еще какая-то старуха тоже. Старуха пятак в заднюю кассу бросила, а он стоит, в карманах мелочь копает, билет брать не торопится. Я микрофон включил и говорю: «Граждане, приобретайте абонементные книжечки стоимостью пятьдесят копеек на десять поездок. Они экономят ваше время». Тут он подошел к окошечку, засмеялся и говорит: «Батя, давайте сэкономим мое время»,— и купил книжечку. Опустил билетик в кассу, вернулся ко мне и говорит — окошечко у меня еще открыто было:

«А гетеродин, батя, в радиоле твоей менять надо. А то, смотри, хрипом своим распугаешь всех пассажиров». Это он кстати заметил: динамик мой — ни к чертям. Вот и все. Потому и запомнил. А так бы — нет. Много же людей — молодых и длинных, а про пальто черное и говорить не стану. Вообще-то парень вроде приличный...

Рассудительный дядя, молодец. Тихонов спросил:

— А где сошел этот парень?

— Ну-у, этого я, конечно, не заметил. Народу на следующей остановке много село, да и ни к чему мне смотреть за ним. А вообще-то, ежели не секрет, на кой он вам ляд сдался?

— Дело в том, что, по всей видимости, этот «приличный» парень, перед тем как сел в ваш автобус, убил человека...

— Ну-у! Этот парень?! Да-ают, бандюги... И ограбил?

— Не думаю. Скажите, Иван Михалыч, узнали бы вы этого парня?

— А то как же! Я же с ним разговаривал...

— Ладно. Если вспомните еще что-нибудь или новости какие появятся, позвоните мне по телефону 99-84. Фамилию свою я вам уже сказал — Тихонов. Всего хорошего.

— Всего. Если будет чего, уж, конечно, позвоню...

Зимний день догорел, стало совсем темно. Вспыхнула зеленая световая вывеска на крыше гостиницы, зажглись фонари на Сусоколовском шоссе. Небо расчистилось немного, и в рваных прорехах серых низких облаков стало видно беспокойное мерцание скупых маленьких звезд. Сильно похолодало. Тихонов ежился на пронзительном ветре, тер руками покрасневшие уши. Долго стоял на остановке, пропуская уютно гомонливые, упруго дышавшие теплом автобусы. О чем-то думал. Потом махнул рукой и сел в очередную машину. В тепле его разморило, и снова захотелось спать. Он приехал на Петровку, поднялся к себе, снял телефонную трубку:

— Адресное? Тихонов у аппарата. Дайте, пожалуйста, запрос на Ставицкого Константина Михайловича. Постарайтесь подготовить к завтрашнему утру.

Продолжение следует.

К 75-ЛЕТИЮ А. А. ПЛАСТОВА

Сын России

Прекрасное... Оно входит в жизнь каждого человека — незваное, нежданное и всегда желанное.

Что испытывает человек при чтении Толстого или Бунина, при встрече с Кижами или древностями Самарканда, слушая голос Шаляпина или Собинова? Думается, что в эти часы в жизнь каждого входит нечто важное, приходит, чтобы никогда не уйти из сердца. И как бы суров или сдержан ни был этот зритель, читатель или слушатель, в его душе всегда останется нечто заветное, незабываемое.

Подобное чувство я испытал ровно 30 лет тому назад на вернисаже выставки «XX лет РККА и Военно-Морского Флота». Пройдя бесконечную анфиладу и вдоволь наглядевшись на сотни картин, среди которых было много хороших, а порою и превосходных, я невольно был остановлен большим скоплением зрителей у одного полотна.

...Будто свежий ветер ворвался в выставочный зал, принеся шумный говор, плеск волн, почти ощутимую музыку летнего дня, юности, веселья.

«Купание коней» Аркадия Пластова. Сейчас эта картина заняла свое почетное место среди советской классики, но тогда эта встреча с художником и его произведением была нежданной-негаданной и потому значительной и запоминающейся. Группа молодых солдат-кавалеристов купает в реке коней. Сюжет не нов. Но какое удивительно свежее, совершенно оригинальное колористическое решение находит живописец. Поистине это полотно — гимн пленэру, открытому воздуху,— так превосходно пластически решены обнаженные юные фигуры, речное приволье, играющая на солнце вода.

Много прошло лет, много пережито, но никогда не сотрется и не забудется эта первая встреча с Пластовым, встреча с прекрасным.

Аркадий Александрович Пластов — сын России. Всем известна теперь его родина — деревня Прислониха, что в полсотне с лишним километров от Ульяновска. Здесь, в семье иконописца, в 1893 году и родился живописец. И вся его последующая трудная и порою суровая жизнь связана с родной деревней, с земляками, с землею.

Земляки как-то сказали художнику: «Спишика ты нас, покажи в Москве-то, как мужики-то живут». И Пластов исполнил этот завет односельчан.

Живописец задался целью «в целом цикле картин развернуть эпопею крестьянского житья-бытья». И вот уже тридцать с лишним лет он вписывает все новые и новые страницы в эту уникальную по своей художественной правде и выразительности летопись жизни родного села. Его картины широко известны и любимы народом, и не мудрено, ибо самому неискушенному зрителю передается горячая любовь живописца к крестьянскому быту. «...Запах дегтя, конское ржание, скрип телег, бородатые мужики приводят меня в некое сладостное оцепенение»,— говорит сам Пластов. И это удивительное чувство, радостное, зримое, передается благодарным почитателям таланта художника.

Мало кому из современников удавалось добиться такой удивительной «ясности, свежести — цветов, приближающихся по красоте к звукам».

Цвет и звук. Как об этом поразительно ясно сказал сам Пластов! А что скажешь другого, глядя на его холсты? Ведь они поистине напоены симфоническим звучанием цвета. Каждое его полотно так сгармонировано, так ясно выражено колористически, что зритель как бы *слышит* тему картины.

«Фашист пролетел». Осень. Русь. Тихий погожий день. Вдали, над широким раздольем полей, воровской силуэт вражеского самолета. А перед нами, совсем рядом, лежит мальчик-пастушок. Крепко приник он к родной земле. Алая кровь на русой головке. Рядом неутешно воет пес. Бродит осиротевшее стадо. Еле слышен трепет листвы стройных березок...

Картина написана в 1942 году, и, пожалуй, этот холст — одно из самых великих творений тех лет.

«Сенокос». Полотно написано в 1945 году. И если «Фашист пролетел» — реквием памяти павших, то эта большая картина — симфония радости победы. Казалось бы, то же приволье, те же березы, но как бесконечно сложен колористический строй картины. В отличие от спокойной, золотисто-охристой гаммы холста «Фашист пролетел» в «Сенокосе» буйство летнего многоцветья. Широко ступают косцы — хозяева земли. В воздухе как бы слышна мелодия лета, счастья жизни. Зритель ощущает аромат цветов, благоухание широких лугов, как бы слышит гудение пчел, пение птиц, он оказывается в чудесном плену пластовского дарования.

...«Радуйся, смерть кончилась, началась жизнь» — так определяет лейтмотив картины сам мастер.

Десятки холстов Аркадия Александровича Пластова настолько известны и любимы, что стали как бы частью самой жизни народной. «Жатва», «Ужин трактористов», «Весна», «Смерть дерева», «Юность», «Когда на земле мир»... Этот список можно было бы продолжать и продолжать без конца.

Превосходные портреты односельчан — целая галерея образов современников. Сотни иллюстраций к произведениям русской классики и советских писателей, скульптуры...

Его произведения отличает неуемная любовь художника к Жизни, к Человеку, к Труду. И его собственная жизнь — подтверждение этой великой любви, и сама по себе она являет пример служения Народу, Родине.

Академик живописи, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии Аркадий Александрович Пластов в расцвете сил, и каждая новая встреча с его картинами — это новая радость встречи с прекрасным.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ДЕСЯТЬ РАССЕРЖЕННЫХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН,

●

...В Доме культуры автозавода берем интервью у электрика рамного цеха Виталия ФИЛОНЮКА. Он участник хорового коллектива. И разговор, конечно, о заводской самодеятельности:

— Кино и танцы, танцы и кино. Примелькалось, надоело. Что изменилось с двумя выходными? Ничего. Добавили в субботу один киносеанс. А зачем? Рядом с Домом культуры двухзальный широкоэкранный кинотеатр на 800 мест. Туда все ходят, а тут на сеансе по 20—30 человек. Фильмы себе в убыток крутят, а самодеятельному коллективу вырваться на сцену порепетировать так же сложно, как в Кремлевском театре выступить. Занят зал, и все. Можно было ожидать, что с двумя выходными солидно пополнится самодеятельность, желающие-то среди заводских найдутся, но знают, что в Доме культуры не развернешься: танцы да кино.

ВОПРОС РЕСПУБЛИКАНСКОМУ СОВЕТУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ: НЕ ПОРА ЛИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ КЛУБЫ И ДОМА КУЛЬТУРЫ ПО ИХ ПРЯМОМУ НАЗНАЧЕНИЮ! ЧЕМУ ТУТ ОТДАТЬ ПРЕДПОЧТЕНИЕ — КОММЕРЦИИ ИЛИ КУЛЬТУРЕ!

На камвольном комбинате долго готовились к переходу на два выходных. Готовились все — от директора до работницы. Все продумали, предусмотрели: и дежурные группы в детских садах, и часы работы домовой кухни, и вечера во Дворце культуры.

— Я, правда, тоже сержусь,— признается директор комбината Мария Степановна КОНОНОВА.— И знаете, на кого? На мужчин. Тут главная наша забота и главные наши проблемы. Там, где мужья помогают женам,— мир и лад в семьях царит. Если не помогают — зачеркивай и субботу и воскресенье для женщины. Вот мы и объявили войну тем, кто не помогает хозяйке, кто готов все выходные провести в обнимку с бутылкой водки. Вмешиваемся, и знаете, результат есть. Как мы добиваемся? Разными способами. Оборудовали,

ИЛИ СУББОТНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НАШИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ ПО ГОРОДУ МИНСКУ, ВО ВРЕМЯ КОТОРОГО ИМ ЗАХОТЕЛОСЬ ЗАДАТЬ НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ

Часы «пик» в «Мечте».

Ю. КРИВОНОСОВ, А. ЩЕРБАКОВ

ДВА ВЫХОДНЫХ ДНЯ — ЭТО ХОРОШО. ДАЖЕ ЗДОРОВО! ЕСЛИ ЭТИ ДВА ДНЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОТДАНЫ ОТДЫХУ, ИСКУССТВУ, КНИГАМ... А ИНАЧЕ...

В МИНУВШУЮ СУББОТУ МЫ ЕЗДИЛИ И ХОДИЛИ ПО МИНСКУ. И КАК НИ ПЕЧАЛЬНО, ВСТРЕТИЛИ РАССЕРЖЕННЫХ, ДАЖЕ ОЧЕНЬ РАССЕРЖЕННЫХ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН. ДАБЫ БЫТЬ ОБЪЕКТИВНЫМИ, ЗАМЕТИМ, ЧТО МЫ ВСТРЕЧАЛИ И ВЕСЕЛЫХ И РАДОСТНЫХ. НО РЕЧЬ О ДРУГИХ.

например, базу на озере Нарочь. Раздобыли автобус и возим туда на субботу и воскресенье целые семьи.

ВОПРОС ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА»: КАКИМИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЕЩЕ СПОСОБАМИ МОЖНО РЕШИТЬ ПРОБЛЕМУ, О КОТОРОЙ ГОВОРИЛА М. С. КОНОНОВА? РАССКАЖИТЕ, КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ У ВАС — НА ВАШЕМ ПРЕДПРИЯТИИ, В ВАШЕМ УЧРЕЖДЕНИИ!

...Художник К. ТИХАНОВИЧ — заядлый лыжник.

— Несколько лет подряд из Минска на станцию Беларусь ходил специальный, так называемый лыжный поезд. Отправлялся утром и ждал лыжников до вечера. В поезде можно было оставить пальто, обувь, можно было выпить чаю или кофе, купить бутерброд или пирожок... Но в субботу позвонил я на вокзал, и мне ответили: не ходит лыжный поезд, отменили. Почему?

ВОПРОС МИНИСТЕРСТВУ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ СССР: ВОЗМОЖНО, ТО, ЧТО РАССКАЗАЛ НАМ К. ТИХАНОВИЧ,— ДОСАДНАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ. НО ЛЫЖНЫЕ ПОЕЗДА НУЖНЫ НЕ ТОЛЬКО МИНЧАНАМ. МОЖНО ЛИ СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ТАКИЕ ПОЕЗДА ОТПРАВЛЯЛИСЬ С ВОКЗАЛОВ ВСЕХ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ СТРАНЫ! КСТАТИ СКАЗАТЬ, ОНИ МОГУТ БЫТЬ НЕ ТОЛЬКО ЛЫЖНЫМИ, НО И ГРИБНЫМИ, РЫБОЛОВНЫМИ, ПЛЯЖНЫМИ, ОХОТНИЧЬИМИ.

...Директор книжного магазина подписных изданий Н. М. РУДИЦКИЙ. Недавно вернулся из санатория. Разговорились. Естественно, спросили, как отдыхалось, как самочувствие.

— Отличное. Всегда бы так. Без здоровья нет жизни. Но животы и зубы болят у людей не только по будним дням. В поликлинику иной раз и в субботу и в воскресенье надо идти. Только не попадешь. И в поликлиниках два выходных. Ей-богу, неразумно! Наверное, нет смысла в эти дни четырех, скажем, зубных врачей держать у кресел, но один-то должен дежурить! Иначе из-за пустяка человеку могут отдых испортить...

ВОПРОС МИНИСТЕРСТВУ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР: НАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО Н. М. РУДИЦКИЙ ВНОСИТ ДЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ИЛИ, БЫТЬ МОЖЕТ, ОН ОШИБАЕТСЯ!

...Парикмахерская называется «Мечта». И верно, какая женщина не мечтает стать красивой? Вот они, «мечтательницы», ого, сколько их! Спрашиваем кассиршу, почему такой наплыв: сегодня все-таки суббота, день отдыха.

— А они тут отдыхают, им нравится!

Интересная точка зрения. Проверяем, разделяют ли ее сами «мечтательницы».

Раиса Николаевна РУСАКОВА, товаровед Министерства торговли БССР:

— По субботам сижу здесь по три-четыре часа. А вы думаете, у меня других дел нет?

«Углубляемся» в проблему прически. Заведующая «Мечтой» Людмила Степановна ЧЕРНОВА тоже имеет основания сердиться:

— Все очень просто: у нас можно заранее получить талон, где сказано, в какой точно час прийти к мастеру. При таком порядке очередей не должно быть. Но мало кто знает об этом. И потом, все почему-то стремятся к нам, считают, что только в нашей парикмахерской — раз она в центре города — работают опытные мастера.

ВОПРОС (ОЧЕНЬ ПРОСТОЙ): МОЖЕТ БЫТЬ, СТОИТ ПРОВЕСТИ В МИНСКЕ ТЕЛЕВИЗИОННУЮ ПЕРЕДАЧУ ДЛЯ ЖЕНЩИН «ВАША ПРИЧЕСКА». ПОКАЗАТЬ, КАКИЕ ХОРОШИЕ МАСТЕРА РАБОТАЮТ В ПАРИКМАХЕРСКИХ МИКРОРАЙОНОВ, И НАУЧИТЬ ЖЕНЩИН ЭКОНОМИТЬ СВОЕ ВРЕМЯ.

ВОПРОС (ЧУТЬ ПОСЛОЖНЕЕ). МЫ АДРЕСУЕМ ЕГО МИНИСТЕРСТВУ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ БЕЛОРУССИИ: ХОРОШО И ПРОСТО ПРИДУМАЛИ В МИНСКОЙ ПАРИКМАХЕРСКОЙ «МЕЧТА» — ТАЛОН. НА НЕМ ЦИФРЫ — СКАЖЕМ, 13.45. ИМЕННО В ЭТО ВРЕМЯ ВАС ЖДЕТ ПАРИКМАХЕР. НЕЛЬЗЯ ЛИ ТАКОЙ ПОРЯДОК ВВЕСТИ ВЕЗДЕ!

Людмила Михайловна КАМИНСКАЯ, сборщица Минского часового завода:

— Помните слова из нашей белорусской песни? «Чтоб в год по ребенку у вас нарождалось»? А если взять в масштабе нашего завода — в месяц по тридцать малышей. Отсюда и проблема детских учреждений. Бьюсь об заклад, что не согрешу против истины, если скажу, что у каждой женщины минимум половина субботы уходит на домашние дела. А куда девать ребятишек, они же под ногами крутятся, сами от скуки пропадают и матерей мытарят. На неделе мой Олег — в детском саду № 94, нашем, заводском. А в субботу садик закрыт. Куда его девать? Может, и не всякую субботу отвозила бы туда, но иногда нужно позарез. Проблема! Вот моя подруга Валя Лущицкая, так они с мужем в кино по очереди ходят, так сказать, в две смены. Куда им своего Юрку девать по субботам? Оставить-то не на кого, вот и придумали «скользящий кинографик». Нашли же выход в других детских садах, вот, скажем, на камвольном комбинате. Там в субботу сводная группа — кому нужно, ребятишек приводят, вот вам и выход из положения.

ВОПРОС МИНИСТЕРСТВУ ПРОСВЕЩЕНИЯ БЕЛОРУССИИ: ЧТО МЕШАЕТ ОРГАНИЗОВАТЬ ТАКИЕ ГРУППЫ ВО ВСЕХ ДЕТСКИХ САДАХ!

Тамара Андреевна СОТНИКОВА, воспитатель общежития № 3 треста № 7 «Отделстрой»:

— Вот вы заходили в комнату к ребятам. Режутся в шашки! Чуть не целый день режутся! Это же ноздревщина. А что им, больше заняться нечем? Нужно учить людей отдыхать. Да, кое-что зависит и от меня. Лекции, вечера отдыха, культпоходы. Но этого мало, конечно. Можно было бы проводить больше спортивных соревнований, а инвентаря в общежитии никакого. Средства трест выделяет, но магазины нам по перечислению ничего не продают.

Еще такой вопрос: почему бы, например, кассирам кинотеатров или концертных залов не объехать в пятницу рабочие общежития, хотя бы самые крупные, чтобы люди могли на субботу и воскресенье купить билеты и не тратить время на очереди? Тому, кто в семье живет, проще: он и в кругу родных может выходные дни провести, с детьми погулять — порадоваться. А в общежитии человек, если о нем не позаботиться, вроде сироты. Но самое главное — надо всем нам учиться отдыхать...

ВОПРОС ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА»: ДАВАЙТЕ ПОДУМАЕМ ВСЕ ВМЕСТЕ — УМЕЕМ ЛИ МЫ ОТДЫХАТЬ! КАК ИЗМЕНИЛСЯ ВАШ ОТДЫХ В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ НА ПЯТИДНЕВКУ! ЧТО ОМРАЧАЕТ ВАШИ ВЫХОДНЫЕ ДНИ!

...Рассерженные. Мы встретили восьмерых. На самом деле их гораздо больше. Стоило бы постоять возле магазина «Кулинария» на Московской улице, и в наших блокнотах появились бы имена домохозяек, которые спешили в кулинарию и застывали перед дверью с объявлением «Выходной день — воскресенье». Или вот у этой вывески у входа в кафе. Ну как не рассердиться? И так в городе кафе мало, а тут еще такой странный график: попытайтесь-ка посидеть вечером с друзьями, если тут закрывают двери в девять вечера.

Все, что мы видели за день, естественно, не могло оставить нас равнодушными. И мы причислили себя к рассерженным, для ровного счета пусть будет десять. И еще потому, что не сердиться было просто невозможно.

Верность

«Да здравствуют Советы!» С этих слов и с нот, на которые эти слова положены, началось пятьдесят лет тому назад творчество композитора Константина Листова. Было это под Царицыном в 1918 году. Юный музыкант вступил добровольцем в Красную гвардию, сражался с бандами Каледина, Деникина, с белогвардейцами и интервентами и на фронте написал свою первую песню.

С тех пор Листов создал более 600 песен, 12 оперетт, 2 оперы... Стал любимым и известным композитором и в стране и за рубежом. Но по-прежнему свои главные симпатии композитор отдает армии, солдатам.

Так было в 1937 году, когда вместе с поэтом М. Рудерманом воспел он легендарную тачанку; так было во время Великой Отечественной войны. Морской офицер майор Листов со своим неизменным спутником аккордеоном выступал на фронтах, в землянках, на кораблях, помогал самодеятельности, организовывал ансамбли и хоры. И, конечно, писал песни. Лирические, такие, как «Землянка»; веселые, озорные, задорные, и походные, и суровые, и грустные. Война! Песни рождались в огне и тут же распевались.

...Мы встретились с Константином Яковлевичем недавно у нас в редакции «Огонька». Вместе с ним приехали молодые певцы Татьяна Виноградова, Юрий Гильман и Юрий Хабаров. Они пели новые песни Листова, и большинство, конечно, посвящено было советскому солдату. Верность!

И. СЕМЕНОВА
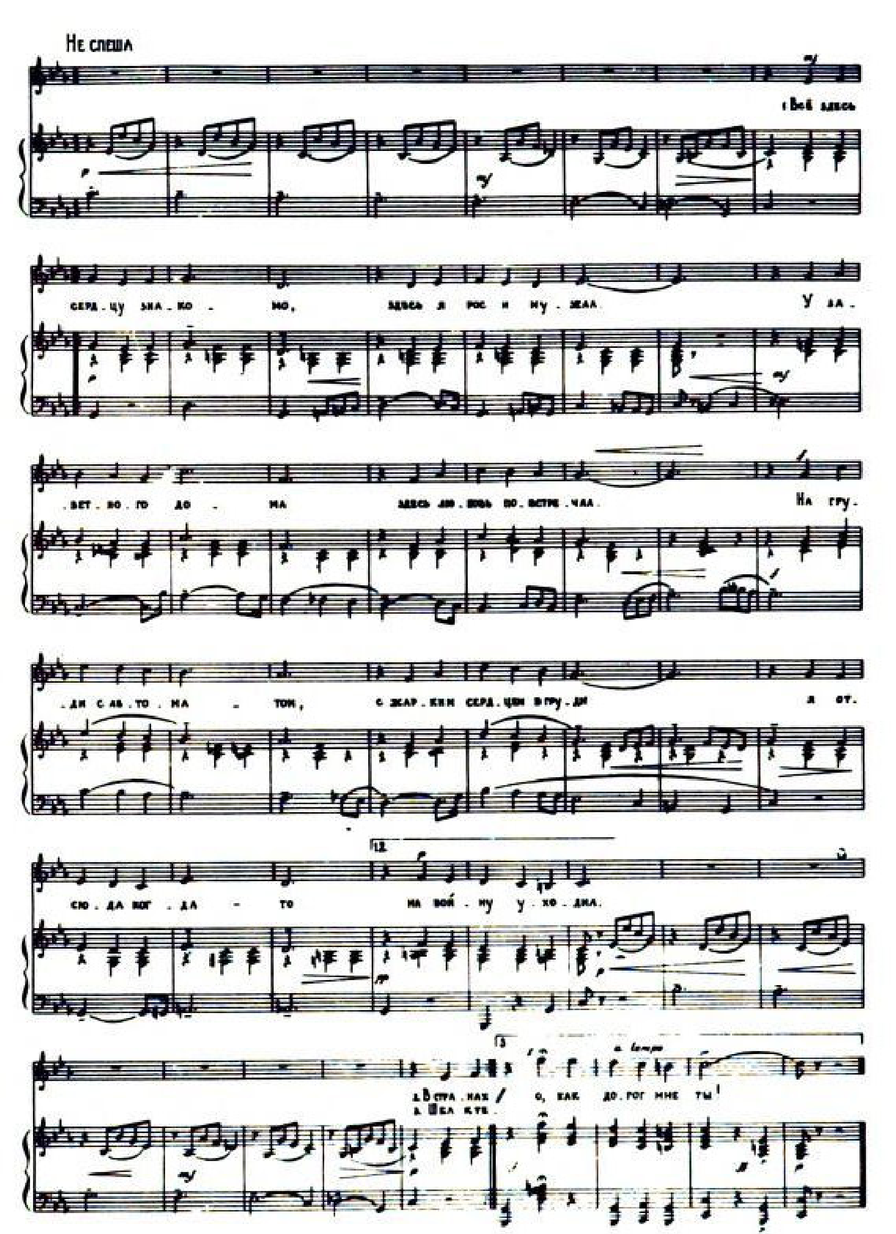

«Шла пехота» исполняют Ю. Гильман и Ю. Хабаров.

Фото М. Савина.

«Севастопольский вальс» поет Татьяна Виноградова

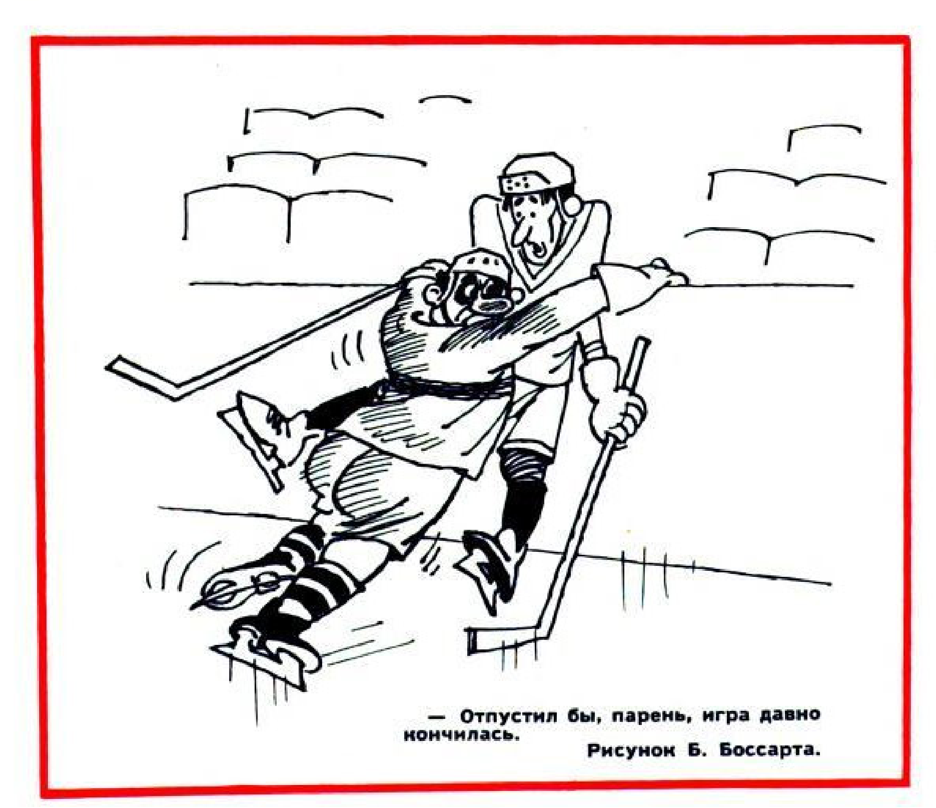

У МОРЖЕЙ

— Сколько раз говорила: больше часа в проруби не сиди!

Рисунок Б. Боссарта.

— Отпустил бы, парень, игра давно кончилась.

Рисунок Б. Боссарта.

Город первых свиданий

Музыка Константина ЛИСТОВА.

Стихи Михаила КАРАМУШКО.

Все здесь сердцу знакомо
Здесь я рос и мужал.
У заветного дома
Здесь любовь повстречал.

На груди с автоматом,
С жарким сердцем в груди
Я отсюда когда-то
На войну уходил.

В странах ближних и дальних
Днем и ночью в пути
Город первых свиданий
Мне огнями светил.

В те суровые годы
Я горел и тонул
За тебя, светлый город,
Мой Ростов-на-Дону.

Шел к тебе ежечасно
По солдатской тропе.
Как безмерно я счастлив,
Что вернулся к тебе.

Город юности давней,
Город светлой мечты,
Город первых свиданий,
О как дорог мне ты!

Ради спокойной ночи.

Рисунок В. Волкова.

— Как же ты находишь дорогу в школу?
— По звонку.

Рисунок Е. Шабельника.

Без слов...

Рисунок Ю. Шляхова.

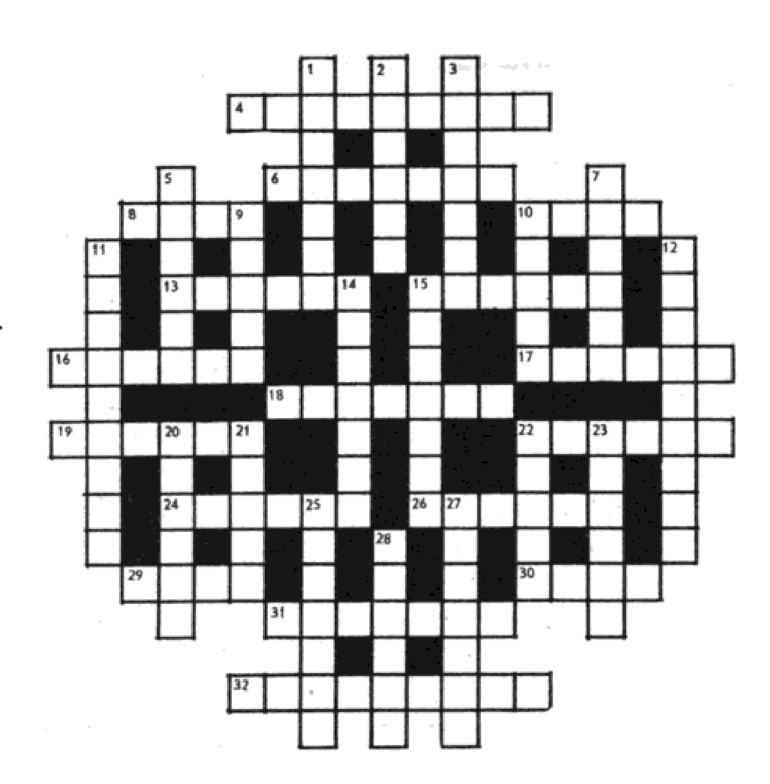

Не дождались...

Рисунок Е. Шабельника.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Музыкальный инструмент. 6. Древнегреческий механик и математик. 8. Плотная ткань. 10. Часть слова. 13. Приток Енисея. 15. Порт на озере Танганьика. 16. Лососевая рыба. 17. Рассказ А. П. Чехова. 18. Раздел механики. 19. Певчая птица. 22. Часть круга. 24. Областной центр в РСФСР. 26. Медицинское учреждение. 29. Мера расстояния. 30. Разменная монета Индии. 31. Итальянский композитор и теоретик музыки XVIII века. 32. Прибор, указывающий скорость автомобиля и пройденный путь.

По вертикали:

1. Прыжок в балете. 2. Форма рельефа. 3. Горная система в Европе. 5. Комнатное растение. 7. Морское неподвижное животное. 9. Пьеса В. М. Гусева. 10. Английский писатель. 11. Хищное млекопитающее семейства куньих. 12. Остров в Балтийском море. 14. Фотографическое изображение. 15. Сушеный виноград. 20. Союзная республика. 21. Резной камень. 22. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 23. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 25. Озеро в США и Канаде. 27. Порода охотничьих собак. 28. Синтетическое волокно.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

3. «Олеся». 4. Припев. 5. Анкона. 8. Растрелли. 11. Солнце. 12. Рельеф. 13. «Ермак». 15. Бобр. 16. Гуно. 17. Груша. 18. «Враги». 19. Руно. 21. Киву. 22. Вахта. 25. Аккорд. 26. Ингода. 27. Туркмения. 28. Томсон. 29. Бузачи. 30. Парта.

По вертикали:

1. Элеватор. 2. Эстафета. 4. Планер. 6. Аншлаг. 7. Мородунка. 8. Рембрандт. 9. Ирригация. 10. Чернавода. 13. Ершов. 14. Корма. 20. Оборот. 21. Кигали. 23. Арканзас. 24. Трембита.

На первой странице обложки: Памятная медаль, выпущенная в ознаменование 50-летия Вооруженных Сил СССР.

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Гонки на льду.

Фото А. Бочинина.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

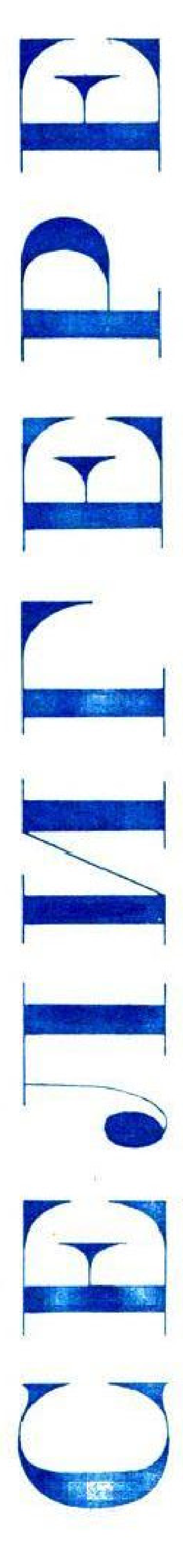
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00355. Подписано к печати 6/II 1968 г.
Формат бумаги 70×108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 353. Заказ № 310.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Евг. СИМОНОВ
Фото Л. БОРОДУЛИНА.

НА ЗИМНЕМ

Зима нынче выдалась по всему Селигеру ранняя, снежная, румяная. Дружно стало озеро с вмерзшими в ледяной панцирь Березовского плеса «всплышками»: отрывающимися от коренной породы островками, этакими «Кон-Тиками», плывущими себе по озеру... В прежние зимы человека здесь не всегда встретишь, а теперь уже на пути к Новым Ельцам увидели мы снега, простроченные лыжней. И вот уже вспыхнул в снежной траншее непременный костер (практичен, конечно, складной примус, да не заменит он костра). И не занялось еще утро, как заспешили со своим буровым «струментом» и фанерными коробами любители подледного лова, а потом двинулись и любители лыжных походов.

Вот здесь, на Селигерско-Демянском плацдарме, войска Северо-Западного фронта провели первую в Великой Отечественной войне операцию на окружение... И по тем теряющимся у свинцового зимнего горизонта лесам полз к своим подбитый ас Маресьев.

Тишина и благодать над озером такая, что только и слышишь ровный, словно отмеренный по метроному, поскрип десятка лыж, да улавливаешь шорох снега, сбитого любопытствующей белкой: кто же это в мой заснувший берендеев бор забрался?

Забрался веселый, неугомонный человек по имени «турист».

И кто это выдумал, что туризм — дело сезонное, летнее? Еще в завершавшем войну сорок пятом году пленум ВЦСПС принял постановление: восстановить в 1946 году пятнадцать туристских маршрутов. Ныне только в хозяйстве Центрального совета по туризму число их перевалило за полторы тысячи!

Мы писали уже на страницах «Огонька» о скорбных темпах работы ржевских стройконтор. Ныне же, топая на лыжах по ледяному зимнику от села Княжого, мы увидели поднявшийся выше старого барского дома графов Толстых легкий корпус нового обиталища туристов. На полуострове турбазы поднялось и здание клуба и местный, весьма недурно снабжаемый «Гастроном».

Селигер — Мекка поклонников воды в любом ее состоянии, даже замерзшем. Приятные перспективы ждут и охотников... Приписные леса и угодья Госфонда отданы теперь под раскинувшееся на целых ста тридцати шести тысячах гектаров охотничье хозяйство, к востоку от Полновского плеса. Появятся рубленные в деревенском духе гостиницы у Заплавья либо Лежневского плеса, избенки для рыбаков и охотников в чащобе либо на берегах Сиговского и Ждановского лесничеств. Обилие дичины и зверя, вплоть до кабанов, лосей и медведя,— все это рассчитано не только на своих, но и гостей из-за рубежа.

Да, зима, как сказал нам виднейший советский гигиенист, академик и заслуженный мастер спорта Август Андреевич Летавет, для отдыха и туризма не хуже, чем лето. Как врач, рекомендую «прописывать» это время года для отдыха, для туризма и больным и тем паче здоровым.

Вы не видали еще зимнего Селигера? Тогда поспешите!

Зимние радости.

Дорога в село Шилово.

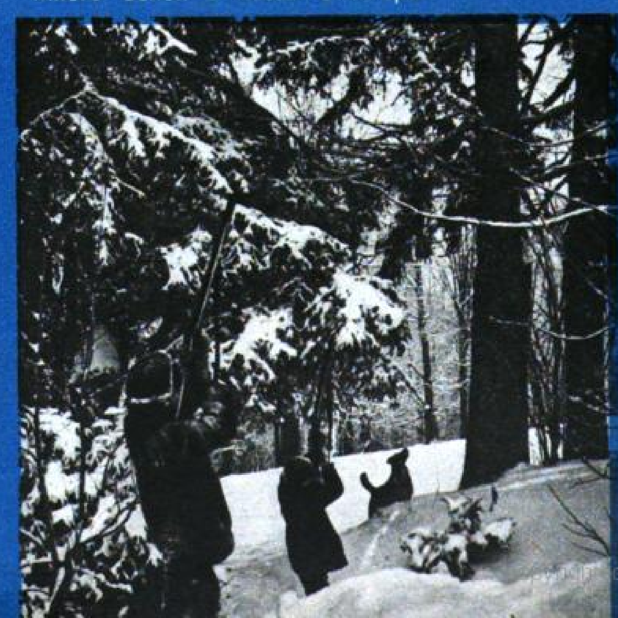

Веселый танец на фоне строящей-
ся туристской базы.

Люда Сидорова впервые на Селигере.

Много белок в лесах Селигера.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663